Иванъ Солоневичъ

ПАМИРЪ

Совѣтскія зарисовки

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ

Издательство „Голосъ Россіи"

Софія 1938

Обложка работы Юрія Солоневича

Типографія „Рахвира“ — 8, ул. Веслецъ, Софія

ОТЪ АВТОРА

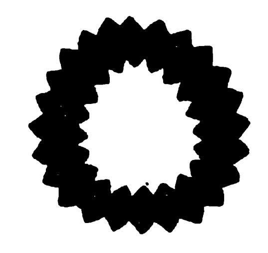
Предлагаемыя читателю зарисовки совѣтской жизни ничѣмъ другъ съ другомъ не связаны, кромѣ общности фона: быта подсовѣтскихъ людей подъ давленіемъ коммунистической власти.

Какъ читатель увидитъ, онѣ отнюдь не носятъ агитаціоннаго характера. Мнѣ кажется, что объ ужасахъ совѣтской дѣйствительности написано достаточно много и каждый, кто имѣетъ уши, чтобы слышать, можетъ услышать доносящіеся изъ Россіи залпы разстрѣловъ и стоны голода.

Писатели, которые занимаются производствомъ утопическихъ или фантастическихъ романовъ, обычно считаютъ своимъ долгомъ предпосылать къ этимъ романамъ ненужныя предисловія, долженствующія удостовѣрить реальность описываемаго. Этотъ обычай ставитъ меня въ нѣсколько неудобное положеніе. Дѣло въ томъ, что очерки помѣщенные въ этой книгѣ, — это никакъ не беллетристика, не литература, и вообще не выдумка. Еще въ Россіи для себя, „для души", я записывалъ свои встрѣчи и свои наблюденія — вотъ почему все это такъ живо въ моей памяти. Эти очерки не беллетристика. Это, если хотите, фоторепортажъ. Всѣ описанныя въ нихъ происшествія дѣйствительно происходили, и всѣ дѣйствующія лица, за спеціально оговоренными исключеніями, носятъ свои собственныя фамиліи.

Очень странный переплетъ событій позволилъ мнѣ переслать заграницу и фотографіи мѣстъ и людей, съ которыми я имѣлъ дѣло. Часть этихъ фотографій уже была опубликована. Принимая во вниманіе бюджетъ нашего издательства и штабсъ-капитанскихъ кармановъ, я не рискнулъ удорожать книгу иллюстраціями. Но если читатели отнесутся къ моимъ зарисовкамъ именно, какъ къ фотографіямъ, то они, вѣроятно, узнаютъ о Совѣтской Россіи кое что, что до сихъ поръ имъ не было извѣстно.

Ив. Солоневичъ

ТЪ Москвы до Пишпека — столицы Киргизской республики — семь сутокъ ѣзды скорымъ поѣздомъ. Билетъ въ мягкомъ вагонѣ стоитъ 250 руб.

Я совершенно не берусь сказать — дорого это или дешево. Если эти 250 руб. перевести въ добрые, пусть даже и не совсѣмъ золотые фунты, — сумма получится какъ-будто и внушительная. Но въ Совѣтской Россіи никто не считаетъ на фунты стерлинговъ. Считаютъ на фунты хлѣба или сахара. Въ переводѣ же на сахарную валюту 250 рублей равняются 16 килограммамъ сахара.

Итакъ, за цѣну шестнадцати килограммовъ сахара, т. е. приблизительно за восемь шиллинговъ, вы имѣете возможность въ теченіе семи сутокъ разгуливать по коридору мягкаго вагона и размышлять о несоизмѣримости нынѣшнихъ валютъ. Вагонъ почти совсѣмъ пустъ, ибо восемь шиллинговъ, выраженные въ сахарѣ или хлѣбѣ, для совѣтскаго гражданина являются недоступной цѣной.

Время отъ времени я заглядываю въ „пролетарскіе" твердые вагоны. Въ нихъ три этажа скамеекъ заполнены красноармейцами, мѣшками, бухгалтерами, землекопами, бабами, ребятами, сундуками, чайниками и пр. Случайно оставшіяся прослойки воздуха заполняетъ жара, потъ, махорочный дымъ и ругань. Сутки ѣзды въ мягкомъ вагонѣ стоятъ на 500 граммъ сахара дороже, чѣмъ въ твердомъ.

Я думаю, что сладость совѣтской жизни проще всего измѣрять сахарными единицами.

До Волги еще ничего — можно жить, но сейчасъ же за Волгой поѣздъ обдаетъ знойное дыханіе песковъ Средней Азіи, лежащихъ гдѣ-то еще въ тысячѣ километровъ отъ насъ. Что-то будетъ, когда мы въѣдемъ въ эти пески?.. Начинаю мечтать о тихомъ и прохладномъ житьѣ гдѣ-нибудь на ледникахъ Гренландіи.

За Оренбургомъ начинается великая среднеазіатская пустыня. Безформенныя и безконечныя насыпи ржаваго песка. На нихъ рѣдкими кучками, какъ волосы на бородавкѣ старушечьяго лица, растетъ чахлая трава пустыни, — обиженная Богомъ и природой трава. Ее душатъ пески и сжигаетъ солнце. Жгучая обида тысячъ и тысячъ лѣтъ сложилась въ корняхъ этой травки. Тамъ тринадцать съ половиной процентовъ никотина — міровой рекордъ. И послѣ своей смерти эта жалкая и завалящая травка будетъ жечь и душить милліоны людей. Каждая кочевая семья обязана ежегодно доставлять государству отъ двухъ до десяти килограммовъ этой травы. Таинственные заводы, расположенные въ безлюдныхъ ямахъ Голодной степи, перерабатываютъ эту траву въ какую-то новую, особо симпатичную разновидность иприта (отравляющаго газа)...

Неисповѣдимы пути Божіи. Я потомъ видѣлъ, какъ тотъ же никотинъ, съ такими великими трудами собранный киргизскими семьями на палящихъ просторахъ этихъ пустынь, авіаціонными бомбами падалъ на тѣ же киргизскія юрты — и оставалось пустое мѣсто... Да, скромная внѣшность степной травки оказалась трагически обманчивой.

РЕЛЬСЫ ВЪ ПУСТЫНѢ

Временами песчанные курганы сдвигаются, какъ бы желая засыпать непрошеннаго пришельца — стальной рельсовый путь. Иногда на горизонтѣ проплываютъ циклопическія глинобитныя постройки крѣпостей великихъ монгольскихъ завоевателей. Рѣдкія, занесенныя пескомъ,

почти безлюдныя станціи. Только какой-то обожженный непривычнымъ солнцемъ рязанскій или ярославскій мужикъ, исполняющій всѣ существенныя станціонныя обязанности и съ тоской глядящій вслѣдъ поѣздамъ, уходящимъ на сѣверъ... Прогрѣтая солнцемъ, пахнущая керосиномъ, бараньими шкурами и еще чѣмъ-то вода. Ближе къ горамъ, въ мѣшкахъ изъ бараньихъ шкуръ киргизы продаютъ кумысъ — перебродившее, опьяняющее, острое кобылье молоко. Изъ мѣшковъ — бурдюковъ — его переливаютъ въ „піалъ"—сосудъ въ формѣ полоскательницы, и въ такомъ видѣ предлагаютъ покупателямъ. Ни бурдюки, ни піалы, ни продавцы никогда въ своей жизни никакимъ омовеньямъ не подвергались. Замѣтивъ мой скептическій взглядъ, устремленный на грязные края піала, киргизъ съ предупредительной улыбкой спѣшитъ возстановить санитарное состояніе своего предпріятія: онъ тщательно вылизываетъ сосудъ собственнымъ языкомъ. Киргизъ не понимаетъ, зачѣмъ это вообще нужно и почему этотъ способъ мытья посуды не возбуждаетъ у меня аппетита къ его кумысу. Въ его чистой и дѣвственной душѣ остаются недоумѣніе и горечь.

Мы ѣдемъ по средне-азіатской желѣзной дорогѣ. Въ свое время — ужъ очень давно — она была построена тѣмъ правительствомъ, которое сейчасъ на оффиціальномъ совѣтскомъ языкѣ именуется „проклятымъ", „кровавымъ" и „бездарнымъ". Насчетъ проклятія и крови я не берусь говорить. Пусть бросаютъ въ него камни тѣ, кто безъ грѣха и безъ крови: кому же и бросать, какъ не совѣтскому правительству! Но насчетъ бездарности нѣкоторыя сомнѣнія заползаютъ въ мою скептическую душу: вотъ со скоростью 50-60 километровъ въ часъ ѣдемъ мы по пути, который, конечно, уже давно толкомъ не ремонтированъ, но въ вагонѣ можно читать и даже писать. Этотъ комфортъ прекращается на ст. Арысь. Отъ станціи Арысь мы сворачиваемъ на востокъ по линіи знаменитаго Турксиба, построеннаго благословеннымъ, талантливымъ и, ужъ конечно, никакъ не кровавымъ совѣтскимъ правительствомъ.

На Турксибѣ вагонъ начинаетъ вести себя истерически. Онъ то подпрыгиваетъ, то клонится на бокъ, то

ныряетъ куда-то и начинаетъ панически дребезжать всѣми своими заклепками, какъ-бы умоляя кого-то: Держите меня, товарищи, а то разсыплюсь я ко всѣмъ чертямъ

Я не очень увѣренъ въ томъ, что онъ не разсыплется. Мы выходимъ на площадку, откуда можно въ случаѣ чего сигануть внизъ, въ мелькающія мимо кучи песку. Съ этой же цѣлью изъ другого вагона, на ту-же площадку выходитъ какой-то рабочій. Онъ тревожно вслушивается въ дребезжаніе заклепокъ и въ нервный стукъ колесъ и потомъ осѣняетъ себя широкимъ крестнымъ знаменіемъ.

— Ну, ежели Господь пронесетъ благополучно, — въ голосѣ рабочаго торжественность и суровость,—ежели Господь пронесетъ, — и хлопну же я въ Пишпекѣ литровочку!

Думаю, что обѣтъ этотъ помогъ, ибо въ выполненіи его не могло быть никакихъ сомнѣній. Во всякомъ случаѣ, по Турксибу мы проѣхали благополучно. Такіе случаи обычно отмѣчаются въ хроникѣ мѣстной газеты. О других случаяхъ газета не пишетъ ни слова...

О ГОРОДАХЪ И О СЛАВѢ

Я не увѣренъ въ томъ, что европейскій читатель найдетъ на картѣ столицу многоликой Киргизской республики, и автономной, и совѣтской, и соціалистической — столицу, нынѣ именуемую городомъ товарища Фрунзе, — больше тысячи лѣтъ этотъ городъ считалъ себя, и другіе его считали — просто Пишпекомъ.

Какъ извѣстно всѣму читающему міру, техника въ совѣтской странѣ стремительно обгоняетъ технику загнивающаго капитализма. Особенно это относится къ техникѣ фабрикаціи геніевъ, героевъ, вождей и славы, неумирающей въ вѣкахъ. Петръ Великій увѣковѣчилъ свое имя постройкой города Петербурга. Сейчасъ городъ Петра переименованъ въ городъ Ленина: это гораздо проще, общедоступнѣй и во много разъ дешевле. По этому поводу совѣтскій поэтъ Демьянъ Бѣдный возбудилъ ироническое ходатайство о переименованіи полнаго собранія сочиненій А. С. Пушкина въ полное собраніе сочиненій

Демьяна Бѣднаго. Но эта иронія не помогла. Потомъ Тверь переименовали въ городъ Калинина, Нижній-Новгородъ — въ городъ имени товарища Горькаго и еще сорокъ городовъ—по именамъ еще сорока геніевъ, вождей и героевъ.

Я не знаю — краснѣютъ ли эти герои, пріѣзжая въ свои города. Думаю, что нѣтъ. Впрочемъ, тов. Фрунзе, напримѣръ, давно уже померъ, а мертвые, какъ говорится, сраму не имутъ. Помимо сраму, у нихъ нѣтъ также и уклоновъ, слѣдовательно, тов. Фрунзе самой судьбой избавленъ отъ опасности изъ генія, героя и вождя превратиться въ глупца, труса и предателя, какъ превратились Троцкій, Зиновьевъ, Каменевъ и десятки прочихъ бывшихъ героевъ страны. И печальной судьбы городовъ имени Троцкаго, Зиновьева, Каменева и прочихъ — Пишпеку раздѣлять не придется. И кромѣ того, Пишпекъ видалъ виды на своемъ вѣку. Онъ видалъ вождей посолиднѣе Троцкаго и прочихъ: изъ его колодцевъ пили воду кони Чингизхана и Тимура. Развѣ есть что-нибудь новое подъ луной?.. Пройдутъ вѣка, и все сегодняшнее станетъ все тѣмъ же пескомъ пустыни, и по этому песку будутъ бродить ослы сорокового вѣка, столь же длинноухіе, какъ и ослы двадцатаго.

Надѣюсь, что капиталистическій міръ перестанетъ, наконецъ, отставать отъ соціалистическаго... Во всемъ, въ томъ числѣ и въ техникѣ массоваго производства славы. Мнѣ бы очень хотѣлось увидать на картѣ Европы новые города. Напримѣръ, городъ имени товарища Бернарда Шоу, мнѣ кажется, былъ бы особенно умѣстенъ: такъ не хватаетъ юмора въ этомъ мірѣ, суровомъ и прогоркломъ отъ дыма всякихъ славъ.

ВЪ СТОЛИЦѢ

По усаженнымъ тополями улицамъ бредутъ чинные верблюды, запряженные въ скрипучія туземныя арбы. По тѣмъ же улицамъ бредемъ и мы съ сыномъ, менѣе чинно и съ еще большимъ скрипомъ: на насъ трехпудовые рюкзаки, близится ночь, но гостиница отъ насъ такъ

же далеко, какъ если бы мы все еще оставались въ Москвѣ. Нужны ордера, справки, удостовѣренія и паче всего — протекціи. Ничего этого у насъ нѣтъ, и какая-то киргизская добрая душа берется проводить насъ въ чай-ханэ. Конечно, въ красную чай-ханэ, какой другой цвѣтъ возможенъ въ городѣ имени тов. Фрунзе?

Чай-ханэ — это азіатская помѣсь изъ гостиницы, трактира, клуба и скотнаго двора. Мы вваливаемся въ низенькую глинобитную постройку, тускло освѣщенную керосиновымъ свѣтильникомъ, не лампой, а именно свѣтыльникомъ: керосина въ городѣ, конечно, почти нѣтъ.

Полъ чай-ханэ плотно устланъ спящими киргизскими тѣлами. Нашъ покровитель по-киргизски, но, насколько я понялъ, весьма краснорѣчиво что-то объясняетъ заспанному шефу Пишпекскаго отеля. Мелькаетъ слово „Москва, Москва" — это, вѣроятно, для почета. Почетъ сказывается. Шефъ, обойдя всѣ углы и не найдя тамъ ни одного свободнаго мѣста, вооружается какимъ-то дрекольемъ и безо всякихъ дипломатическихъ интродукцій начинаетъ колотить имъ по спинамъ спящихъ. У меня возникаетъ опасеніе, что когда „спящіе проснутся", — они обратятъ это дреколье противъ шефа, а за одно и противъ насъ. Но здѣсь, въ Азіи, все совершается по волѣ Аллаха — не стоитъ и протестовать. Спящіе проснулись, почесались и отодвинулись. На полу освободилась территорія въ 2 квадратныхъ метра. Эта территорія, какъ и весь полъ, была покрыта кошмой — толстымъ и грубымъ войлокомъ. Мы начали было торопливо распаковывать свои рюкзаки, а потомъ еще болѣе торопливо запаковывать ихъ: Аллахъ, конечно, великъ, но зачѣмъ ему было разводить столько вшей: неужели никакъ нельзя было обойтись?..

Мы отряхиваемъ свои рюкзаки и, къ молчаливому и искреннему удивленію шефа, идемъ спать во дворъ. Мерзнемъ мы весьма основательно. Мы въ центрѣ гигантскаго континента, да еще на высотѣ въ 1500 метровъ. Къ утру спать и вовсе невозможно.

Мы отправляемся осматривать Пишпекъ.

Пишпекъ — столица Киргизской республики, по размѣрамъ равной, приблизительно, Германіи. Но

особо столичнаго въ Пишпекѣ нѣтъ ничего. Низенькіе глинобитные домики, широчайшія улицы, обсаженныя тополями и прорѣзанныя сѣтью оросительныхъ каналовъ—арыковъ. Изъ этихъ арыковъ населеніе пьетъ воду и туда же выливаютъ помои. Ничего — живутъ!

Мѣстами арыки уходятъ въ сторону, и тополя разступаются, образуя квадратныя площади базаровъ. Солнце только что взошло, но базары уже полны народомъ. Это киргизы, еще не коллективизированные и не раскулаченные, спѣшно распродаютъ своихъ послѣднихъ барановъ. Коллективизація желѣзными шагами подбирается къ самымъ заброшеннымъ горнымъ кочевьямъ, и кочевникамъ прямой расчетъ возможно скорѣе реализовать своихъ барановъ, пока не поздно, пока этихъ барановъ не забрали въ совхозъ или колхозъ. Но на вырученныя деньги въ Пишпекѣ ничего, кромѣ водки, купить нельзя. У складовъ Госспирта безконечными очередями стоятъ эскадроны конныхъ киргизовъ Всѣ они мусульмане, коранъ запрещаетъ пить вино. Но развѣ даже Аллахъ могъ предусмотрѣть коммунизмъ, раскулачиваніе и Госспиртъ? По такому поводу съ Корана можно сдѣлать скидку. Тѣмъ болѣе, что Коранъ въ сущности говоритъ о винѣ. Вмѣстѣ съ раскулачиваніемъ въ Коранѣ не предусмотрѣна также и водка.

Въ теченіе двухъ недѣль нашего пребыванія въ Пишпекѣ мы объѣдаемся бараниной во всѣхъ извѣстныхъ гастрономіи видахъ и разновидностяхъ. Больше въ Пишпекѣ нѣтъ ничего интереснаго. На весь городъ только одно новое зданіе — это зданіе ГПУ. Но особаго душевнаго интереса оно во мнѣ не вызываетъ.

ВЪ АВТО-КОВЧЕГѢ

Въ результатѣ двухнедѣльнаго пребыванія въ Пишпекѣ и поѣздокъ по окрестностямъ его, я обрастаю справками, ордерами, мандатами, удостовѣреніями и соціальными связями. Все это вмѣстѣ взятое раскрываетъ передъ нами перспективы поѣздки вглубь страны, въ горы, къ Памиру.

Въ Пишпекѣ дѣла и судьба столкнули меня съ товарищемъ Пархоменко — бывшимъ матросомъ, бывшимъ воромъ, бывшимъ чекистомъ, нынѣшнимъ директоромъ овцеводческаго совхоза-гиганта — „Качкорка".

Нельзя, исходя только изъ путанныхъ біографическихъ данныхъ товарища Пархоменко, представлять себѣ совхозъ Качкорку, какъ предпріятіе столь же случайное и мелкое, какъ его матросская контрабанда. Совхозъ Качкорка занимаетъ площадь, приблизительно равную территоріи Бельгіи, и на его пастбищахъ пасется около полутораста тысячъ овецъ и около пятидесяти тысячъ лошадей, коровъ и верблюдовъ. И пастбища, и овцы, и кони еще года три тому назадъ принадлежали кочевымъ киргизскимъ племенамъ. Теперь племена эти или служатъ пастухами у тов. Пархоменко, или перекочевали въ Китайскій Туркестанъ, прорываясь сквозъ ущелія и войска пограничной охраны ГПУ.

Качкорка считается не только крупнѣйшимъ, но и наилучшимъ совхозомъ Средней Азіи. Пархоменкѣ очень лестно увидать свою бдительную и хозяйственную физіономію на страницахъ московскихъ иллюстрированныхъ журналовъ, и онъ приглашаетъ насъ къ себѣ. У меня нѣтъ никакихъ основаній отклонять предложеніе товарища Пархоменко.

Словомъ — мы ѣдемъ въ Качкорку. Намъ предстоитъ продѣлать на автобусѣ полтораста километровъ по степной и горной дорогѣ до озера Иссыкъ-Куль, и оттуда—еще полтораста километровъ вовсе безъ дороги къ югу, до столицы совхоза и резиденціи владыки его — товарища Пархоменко.

Терминъ „автобусъ" нужно понимать по-совѣтски. На новенькую, но уже основательно разболтанную, фордовскую полутаратонку въ живописномъ безпорядкѣ грузятся бочки съ бензиномъ, бухгалтера съ портфелями, колючая проволока съ шипами, плановики съ планами, тракторныя части, гвозди, киргизы и два красноармейца съ пулеметомъ.

Машина перегружена по крайней мѣрѣ въ два раза. Точно на нее свалилось какое-то землетрясеніе и заполнило кузовъ кучей безформенныхъ и натыканныхъ въ

безпорядкѣ обломковъ. Сверху за эти обломки судорожно цѣпляются чудомъ уцѣлѣвшія жертвы землетрясенія. Люди — грузъ не цѣнный и не срочный: если по дорогѣ свалятся и разобьются — что-жъ, значитъ, судьба — или, какъ здѣсь говорятъ — „кысметъ". Никакой трестовскій или совхозный балансъ отъ этого не пострадаетъ. Красноармейцы привинтили пулеметъ въ заранѣе приготовленныя на крышѣ шофферской кабинки гнѣзда и имѣютъ такой видъ, какъ будто они уже десятки разъ спасали гвозди и бухгалтеровъ отъ басмаческихъ налетовъ. А басмаческіе налеты — здѣсь столь же обычная вещь, какъ и бараньи стада. Басмачи — это та часть киргизскаго населенія, которая не ушла въ Китай и не стала пастухами у товарища Пархоменко. Потерявъ свои стада, она вооружилась чѣмъ попало, ушла въ горы и вмѣсто того, чтобы пасти собственныхъ овецъ, предпочитаетъ рѣзать совхозныхъ. Вмѣстѣ съ совхозными овцами подвергаются рѣзнѣ и совхозные служащіе, и мѣстные коммунисты, и вообще всѣ тѣ, кого киргизы съ достаточнымъ или безъ достаточнаго основанія считаютъ представителями совѣтской власти.

Но въ общемъ нашъ авто-ковчегъ со всѣмъ его содержимымъ имѣетъ крайне внушительный видъ.

— Миша, — съ сомнѣніемъ говорю я шофферу, — этакъ, пожалуй, рессоры не выдержатъ.

— А чортъ его знаетъ, — философски замѣчаетъ Миша, — можетъ, не выдержатъ, а можетъ, и выдержатъ.

Сидѣть на этой кучѣ обломковъ крайне неуютно. Еще неуютнѣе думать, что на ней придется просидѣть дня полтора. Бензинъ изъ плохо закупоренныхъ бочекъ фонтанами расплескивается на ходу грузовика. Пассажиры съ чисто восточнымъ стоицизмомъ курятъ крупнокалиберныя собачьи ножки. Вѣтеръ крутитъ махорочныя искры. Я намекаю на то, что этакъ и взорвать можетъ.

— А чортъ его знаетъ, — можетъ, и не взорветъ.

Эта точка зрѣнія заражаетъ и меня. Во-первыхъ — на все воля Аллаха, а во-вторыхъ — чѣмъ я хуже другихъ? Я тоже скручиваю собачью ножку.

ДОРОГА ВЪ ПУСТЫНѢ

Дорога отъ Пишпека къ озеру Иссыкъ-Куль носитъ названіе шоссе. Но ее съ такимъ же правомъ можно назвать шоссе, какъ нашъ авто-ковчегъ — автобусомъ. Очень возможно, что когда-то, во времена великаго Тимура, здѣсь было проложено что-то, по тѣмъ временамъ называвшееся шоссе. Если это и такъ, то со времени онаго имперіалиста дорога не ремонтировалась ни разу. Я судорожно цѣпляюсь за какую-то тракторную загогулину и ясно чувствую, что черезъ полтораста верстъ такого шоссе я превращусь въ отбивную котлету — баранью, конечно, — во-первыхъ, другихъ здѣсь не водится, а во-вторыхъ, только съ бараньимъ фатализмомъ, можно было довѣрить жизнь такому ковчегу, бензину, Мишѣ и тѣмъ горнымъ тропинкамъ, къ которымъ мы, впрочемъ, подъѣхали только къ вечеру.

Однако, несмотря на вышеупомянутыя неудобства, шоссе это заслуживаетъ и нѣкотораго вниманія: здѣсь можно наглядно изучить всю исторію человѣческаго сухопутнаго транспорта. Ковыляютъ ослики, почтенно шествуютъ верблюды. Медленно влекутъ волы нагруженные раскулаченной пшеницей возы. Насъ обгоняютъ киргизы, ѣдущіе верхомъ на лошадяхъ, и мы обгоняемъ киргизовъ, ѣдущихъ верхомъ на коровахъ. По краямъ дороги валяются скелеты кораблей пустыни — но только не верблюдовъ, а грузовиковъ. Это тѣ самые, у которыхъ рессоры и въ самомъ дѣлѣ не выдержали.

Мастерскихъ здѣсь нѣтъ, запасныхъ частей нѣтъ— нѣтъ многаго, въ томъ числѣ и хозяина. Надъ всѣмъ автомобильнымъ паркомъ Киргизіи хозяйствуетъ нѣкій транспортный трестъ, а надъ трестомъ — нѣкто, вродѣ Пархоменки. Всилу этихъ объективныхъ, субъективныхъ и прочихъ неопредѣлимыхъ причинъ, честная фордовская машина здѣсь живетъ, трудится и страдаетъ въ среднемъ не больше полугода. Потомъ безвременно и скоропостижно почивъ отъ трудовъ своихъ, догниваетъ гдѣнибудь на дорогѣ. Мимохожіе киргизы срѣжутъ резину и кожу, отвинтятъ мѣдныя части. Кто по-образованнѣе— поковыряетъ топоромъ въ моторѣ. Свинецъ аккумулято-

ровъ пойдетъ на отливку басмаческихъ пуль. Словомъ, ничто не пропадаетъ, и все находитъ свое употребленіе въ этомъ мірѣ. Такъ премудро устроилъ Аллахъ. Пропадаютъ только народныя денежки, но до этого Аллаху, повидимому, никакого дѣла нѣтъ.

Мы ѣдемъ широкой степной долиной. Вдалекѣ по сторонамъ, верстахъ въ десяти маячатъ голыя азіатскія горы. Вершины ихъ еще въ снѣгу, хотя сейчасъ конецъ мая. Склоны ярки и пестры, какъ палитра художника. Это выпираютъ первозданные пласты, не одѣтые ни почвой, ни растительностью, капризно изломанные и причудливо разноцвѣтные. Долина точно забрызгана пятнами крови — это цвѣтутъ степные маки. Дальше, у Иссыкъ-Куля и за нимъ, есть цѣлые маковые совхозы. Они вырабатываютъ опіумъ для экспорта въ Китай. Никакія таможни не въ силахъ оградить памирскую границу, и ни въ какой статистикѣ этотъ видъ экспорта не фигурируетъ.

Съ каждымъ километромъ долина все суживается, и мы поднимаемся все выше и выше. Проѣзжаемъ маленькіе опустѣлые глинобитные городки. Населеніе бѣжало въ Китай. Дорога превращается въ узкую горную тропинку, нависшую надъ обрывами, въ глубинѣ которыхъ реветъ и бьется о скалы рѣка Чу. Безформенная куча нашего перегруженнаго авто-ковчега то подпрыгиваетъ на рытвинахъ, то наклоняется надъ обрывомъ.

И тутъ уже, кромѣ Аллаха, положиться дѣйствительно не на кого. Даже на Мишу. Ибо Миша — бывшій безпризорникъ и отчаянной жизни парень, къ цѣнности человѣческой жизни относится въ высокой степени фаталистически. Не будемъ сурово судить Мишу. Комбинація изъ революціи, безпризорности, басмачей и Пархоменки кого угодно можетъ сдѣлать фаталистомъ. Пропитаніе же свое Миша добываетъ такимъ, напримѣръ, образомъ:

Когда мы покинули долину рѣки Чу и выѣхали на ровное и глинистое плоскогоріе, отдѣляющее поворотъ рѣки отъ озера Иссыкъ-Куль, была уже ночь. Дороги, въ сущности, не было никакой. Фары освѣщали длинную

и узкую полоску степи, и въ этой полосѣ то и дѣло мелькали мелкіе горные зайчишки. Они еще не тронуты культурой и наивны. Отъ гула машины и свѣта фаръ они удираютъ куда глаза глядятъ, т. е. туда, куда имъ бѣжать какъ разъ не слѣдовало бы. Миша наловчился до виртуозности. Онъ набавляетъ ходъ, нашъ ковчегъ начинаетъ неистово подскакивать на ухабахъ и кочкахъ степи, тракторныя части со звономъ колотятся одна о другую, пассажиры со стонами колотятся и цѣпляются за что попало. Зайчикъ мчится по освѣщенной полоскѣ, не соображая нырнуть въ темноту, грузовикъ съ сумасшедшей при данныхъ условіяхъ скоростью летаетъ за зайчишкой. Вотъ обалдѣлый звѣрекъ болтается подъ самыми колесами. Чуть замѣтный поворотъ руля, чуть слышный пискъ, рѣзкій тормазъ... Миша соскакиваетъ, бѣжитъ куда-то во тьму и возвращается назадъ съ полураздавленной добычей.

Тѣмъ Миша и кормится. Его хозяинъ — Транспортный Союзъ, пайка Мишѣ не даетъ и денегъ не платитъ, исходя изъ того весьма реалистическаго соображенія, что шофферъ — существо разумное и самъ найдетъ себѣ пропитаніе. Миша и находитъ. Правда, паекъ и жалованіе тресту обошлись бы дешевле. Я не знаю, сколько грузовиковъ было разбито при такого вида охотѣ, но я знаю, что основной заработокъ каждаго совѣтскаго шоффера заключается въ торговлѣ бензиномъ.

Керосина въ провинціи вообще нѣтъ, а въ Киргизіи и тѣмъ болѣе. Люди освѣщаютъ мракъ своей жизни или лучинами, или особымъ пролетарскимъ изобрѣтеніемъ — керосиновыми и бензиновыми свѣчками. Керосинъ добывается преимущественно отъ тракторизаціи и моторизаціи страны. Для тракторовъ и автомобилей правительство кое-что урываетъ изъ нефтяного экспорта. Для населенія оно не урываетъ ничего... Но Миша и его собратья воруютъ бензинъ и керосинъ съ тракторовъ и автомобилей. Трактора и автомобили стоятъ, а пролетарскія массы хоть немного освѣщаются. Такимъ способомъ бытъ исправляетъ планы. И еще больше срываетъ ихъ.

Но, впрочемъ, Миша воруетъ честно.

— Я въ аккуратѣ беру. Такъ, чтобы и на машину

осталось. А то тоже бываетъ: загонитъ весь бензинъ, да и броситъ машину на дорогѣ. Скажетъ — не хватило. По-моему — это уже вредительство!

. . . Съ хорошимъ человѣкомъ Миша любитъ и о политикѣ поговорить. Такъ, чтобы не очень было слышно...

Ночуемъ мы въ поселкѣ Рыбачьемъ, на берегу озера Иссыкъ-Куль. Того самаго, на которомъ мы впослѣдствіи тонули, спасаясь съ парохода, груженнаго опіумомъ, оружіемъ и киргизами. Киргизы эти оказались басмачами.

Но сейчасъ озера не видно. Тьма и холодъ. Съ озера и со снѣговыхъ горъ въ долину рѣки Чу прорывается ледяной, пронизывающій вѣтеръ. Единственный постоялый дворъ уже занятъ какой-то комиссіей, которая что-то ревизуетъ. Очень любятъ въ совѣтской Россіи всякія комиссіи и всякія ревизіи. Мы спимъ на кошмахъ подъ грузовикомъ. Непостояненъ человѣкъ — я мечтаю не о Гренландіи, а о Сахарѣ.

Просыпаемся ослѣпительнымъ утромъ. Вѣтра нѣтъ. Озеро—какъ тарелка голубого фаянса въ рамкѣ горъ — розовыхъ, лиловыхъ, синихъ, багрово-красныхъ по склонамъ и снѣжно-бѣлыхъ на вершинахъ. Намъ говорятъ, что въ озерѣ необходимо выкупаться и выпить литръ озерной воды. Впослѣдствіи я узналъ, что и купаться, и выпить стоило. Все озеро представляетъ собой гигантскій бассейнъ минеральной воды, и берега его усѣяны (точнѣе, были усѣяны) киргизскими курортами. Но, во всякомъ случаѣ, купаться было очень холодно, а вода оказалась очень невкусной.

Къ вечеру мы пріѣзжаемъ въ контору совхоза Качкорка. Ее правильнѣе было бы назвать столицей совхоза, ибо, хотя собственная территорія совхоза не такъ ужъ велика — около 300.000 гектаровъ, но она расположена пятнами, какъ владѣнія какого-нибудь феодальнаго синьора. И все то, что находится между этими пятнами, входитъ въ сферу совхознаго контроля. Какая разница между собственными владѣніями тов. Пархоменко и „подмандатными" территоріями — я не знаю. Пархоменко тоже не знаетъ этого. Но все вмѣстѣ взятое простирается на пятьсотъ километровъ по меридіану и на 300 км. по параллели. Масштабы, такъ сказать, истинно совѣтскіе, и во главѣ этихъ масштабовъ торчитъ тов. Пархоменко.

СХЕМАТИЧНЫЙ ПРОФИЛЬ ТОВ. ПАРХОМЕНКО

Объ овцеводствѣ тов. Пархоменко не имѣетъ никакого понятія, но это не существенно. Это человѣкъ средняго роста и крѣпчайшей конструкціи. Онъ медленно, съ медвѣжьей развальцой, ходитъ по своей столицѣ, и его наметанный чекистскій взглядъ вынюхиваетъ контръреволюцію въ бухгалтерахъ, плановикахъ, въ киргизахъ, въ верблюдахъ и въ баранахъ. Когда онъ разговариваетъ со мной, на его губахъ появляется загадочная улыбка Джіоконды. А поразговаривать онъ любитъ, и поразговаривать съ ним стоитъ. Его два раза вѣшали — одинъ разъ за шпіонажъ въ пользу Турціи въ началѣ Міровой войны, и другой разъ — за коммунистическую пропаганду въ концѣ міровой войны, — оба раза неудачно, какъ объ этомъ, вѣроятно, уже догадался читатель. Онъ, вмѣстѣ съ восемью тысячами раненныхъ, тонулъ на госпитальномъ суднѣ „Португалія“, потопленномъ германской миной, и на контрабандной шлюпкѣ, захваченной штормомъ у береговъ Кавказа, — и опять-таки оба раза неудачно. Потомъ, въ періодъ его дѣятельности въ сѣверокавказскомъ ГПУ, его рѣзали чеченцы, такъ сказать, со среднимъ успѣхомъ. Рѣзали долго. Съ варіаціями. Когда изъ спины тов. Пархоменко были вырѣзаны два ремня, программа была прервана появленіемъ чекистскаго разъѣзда. Слѣды этой программы я потомъ видалъ на спинѣ тов. Пархоменко, и они заставили меня убѣдиться въ правдивости невѣроятнаго. На безпартійной части его совѣсти лежало два романтическихъ убійства и одно изъ мести. На партійной части — весьма неопредѣленное число убійствъ по линіи ГПУ. Его родной семьей былъ одесскій міръ воровъ и проститутокъ, и его, такъ сказать, средней школой жизни былъ одесскій портъ, а высшей школой — ГПУ и партія. Этому человѣку было что разсказать о своей жизни. Онъ говорилъ о ней какимъ-то недоумѣнно-эпическимъ тономъ, безъ отвращенія, жалости или похвальбы, какъ бы спокойно изумляясь: вотъ бываютъ же такія вещи на свѣтѣ...

Его разсказы я слушалъ съ мучительной смѣсью литературнаго интереса и человѣческаго отвращенія и,

возвращаясь къ себѣ, записывалъ въ свой блокъ-нотъ фантастическіе извивы пархоменской судьбы и блатные обороты его рѣчи.

Впослѣдствіи оказалось, что и Пархоменко не совсѣмъ чуждъ литературы. Какъ-то, послѣ длинныхъ и смущенныхъ предисловій, онъ вытащилъ откуда-то огромную кипу мелко исписанной бумаги. Это былъ романъ, надъ которымъ онъ сидѣлъ уже года два. Романъ былъ посвященъ жизни, быту и психологіи англійской аристократіи. Лорды и леди, епископы и банкиры говорили на жаргонѣ одесской шпаны и ведрами дули ромъ. Своя собственная жизнь не казалась тов. Пархоменко достойной литературной обработки.

БАРАНЬИ СУДЬБЫ

Я не сталъ задавать себѣ наивнаго вопроса, какимъ образомъ товарищъ Пархоменко, при всемъ его стажѣ, талантахъ, судьбѣ и прочемъ, управляетъ тремя сотнями гектаровъ земли, сотнями тысячъ барановъ, верблюдовъ, коровъ и коней, сотнями киргизовъ, десятками агрономовъ, бухгалтеровъ и вообще всей этой территоріей небольшого европейскаго государства. А управлялъ онъ приблизительно такимъ образомъ:

Идемъ мы съ Пархоменкой смотрѣть, какъ стригутъ овецъ. Въ глинобитномъ „кораллѣ" уже навалены кучи остриженной шерсти. Десятка два киргизовъ съ изумительной ловкостью лишаютъ растительности очередныхъ овецъ. Только у матокъ оставляютъ клокъ шерсти — внизу живота. Чекистскій взоръ Пархоменки пронзительно нацѣливается на эти клочки.

— Вотъ сволочи! Вотъ саботажники! — шепчетъ онъ мнѣ. — Вотъ сволочи, лучшую шерсть оставляютъ — фетровую!

Откуда Пархоменко взялъ эту фетровую шерсть — осталось тайной его изобрѣтательности.

— Эй, кто тутъ старшій? — вдругъ заоралъ онъ голосомъ боцмана во время шторма.

Изъ кучи овецъ и шерсти возникъ какой-то старый, подслѣповатый киргизъ.

— А ты почему шерсть не до конца остригъ? — накидывается на него Пархоменко. — Саботажемъ занимаешься? Бай? Кулакъ? Что-бъ мнѣ всѣхъ до волоска обстричь! Въ одинъ моментъ! А то я тебя, сукинаго сына, вразъ къ стѣнкѣ!

Поставить къ стѣнкѣ Пархоменко имѣлъ, если не совсѣмъ юридическое право, то зато полную фактическую возможность. Угрозъ Пархоменки, а особенно термина „бай" — киргизъ испугался неимовѣрно. „Бай" въ Азіи точно такъ же, какъ „буржуй" или „кулакъ" въ Европейской Россіи, — это существо, стоящее внѣ закона.

Люди суетливо забѣгали по загородкѣ, согнали уже остриженныхъ овецъ и стали ихъ достригать.

Возвращаясь, я все же намекнулъ Пархоменкѣ:

— Думаю, въ этихъ клочкахъ какой-то смыслъ есть. Не зря же ихъ оставляютъ. Лучше бы раньше разобраться.

— А развѣ тутъ разберешься? Все, сволочи, контръ-революціонеры сидятъ. Кулакъ на кулакѣ, мать ихъ... Ну, я имъ гайки подвинчу!

Гайки были подвинчены. Весь день пастухи сгоняли недостриженныхъ овецъ въ „баранью парикмахерскую". Вечеромъ въ контору пришелъ усталый и запыленный ветеринаръ. Онъ покряхтѣлъ, покашлялъ, помычалъ и, наконецъ, рѣшился:

— Вотъ тутъ, товарищъ директоръ, насчетъ вашего приказа... Оно, конечно, приказъ, какъ вы партейный, исполнять нужно. Только овцы-то эти только сейчасъ послѣ окота. Ежели имъ брюхо выстричь — подохнутъ онѣ въ два счета.

— То-есть — почему это подохнутъ?

— Да вотъ такъ и подохнуть. Ночи здѣсь морозныя, Азія, горы. Застудятся и крышка.

Около пятисотъ достриженныхъ овецъ черезъ день-два дѣйствительно подохли. Я думалъ о томъ, что нельзя же человѣка со стажемъ и подготовкой Пархоменки ставить во главѣ предпріятія такихъ размѣровъ.

Но съ каждымъ днемъ становилось яснѣе, что вотъ, напримѣръ, я на мѣстѣ Пархоменки былъ бы, если и не хуже, то и не многимъ лучше.

Къ этимъ, погибшимъ отъ стрижки, овцамъ Пархоменко отнесся съ непоколебимымъ спокойствіемъ.

— А, иди — знай! Тутъ самъ чортъ ничего не разберетъ. Вотъ на дняхъ пришла телеграмма: пригнать въ Рыбачье, на заготовительный пунктъ, 2000 тоннъ въ живомъ вѣсѣ. А какой тутъ къ чорту живой вѣсъ. Сейчасъ, послѣ зимней голодовки, не только живого вѣса, а и живого мѣста нѣту — кожа, да кости. Отвѣчаю: разрѣшите сдать черезъ мѣсяцъ, когда овцы подкормятся. Какое тутъ къ чорту черезъ мѣсяцъ. Сдать немедленно, въ порядкѣ боевого приказа, подъ личную отвѣтственность. Ну вотъ и погнали... 40000 овецъ да за полтораста верстъ. По дорогѣ 11000 подохло, пригнали, значитъ, 29... Такъ у нихъ, видите-ли, приказъ вышелъ новый: черныхъ не принимать — черныя шкуры для окраски не годятся, принимать только бѣлыхъ. Черныхъ погнали обратно. Еще восемь тысячъ подохло. Теперь гонимъ новыхъ двадцать тысячъ. А то — пятьсотъ овецъ! За пятьсотъ овецъ и говорить не стоитъ!..

Логика Пархоменки была убійственна. Для овецъ въ особенности.

Помолчавъ, Пархоменко добавилъ въ нѣсколько недоумѣнномъ тонѣ:

— Пятьсотъ барановъ — это что? А вотъ по тому же приказу киргизы пригнали въ Рыбачье тысячъ двѣсти. Гнали съ горъ — верстъ за двѣсти, за триста. Ну, какъ имъ это сказали, чтобы черныхъ гнали обратно, а сдавали бѣлыхъ, такъ они забрали и черныхъ, и бѣлыхъ, и айда въ Китай. Вотъ тебѣ и мясозаготовки!

ИНДУСТРІАЛИЗАЦІЯ

Здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ Совѣтской Россіи, такъ сказать, новый міръ борется съ, такъ сказать, старымъ міромъ. Старый міръ здѣсь пустяковый, допотопный — міръ каменнаго вѣка. Бороться съ нимъ было

бы не такъ ужъ и трудно. Но и новый міръ, олицетворяемый Пархоменками, — тоже немногимъ лучше. Хотя въ его рукахъ и тракторы, и пулеметы.

Три года тому назадъ киргизъ точно такъ же пасъ своихъ овецъ, какъ и три тысячи лѣтъ тому назадъ, или, говоря точнѣе, овецъ пасли собаки — самый толковый слой мѣстнаго населенія. Вся остальная работа лежала на плечахъ женщинъ — самаго забитаго слоя. Киргизу оставалось есть баранину, пить кумысъ и благодарить Аллаха за то, что онъ все это такъ ловко оборудовалъ.

Потомъ пріѣхали Пархоменки съ тракторами и пулеметами. Пулеметы оказались вполнѣ рентабельными, но съ тракторами вышло хуже. Огромный дворъ конторы былъ заваленъ ихъ изломанными трупами, совмѣстно съ безвременно усопшими плугами, сѣялками и косилками. Всѣмъ этимъ инвентаремъ, въ цѣляхъ искуственнаго травосѣянія, запахивались долины, отобранныя у киргизовъ. Но эти долины, заваленныя камнями, заросли кустами мѣстной травы „чій", съ корневищами длиной въ полтора-два метра, твердыми, какъ желѣзо. О камни и чій ломается всякая машина, неприноровленная къ своеобразію мѣстныхъ условій.

Кромѣ того, долины испещрены „сазами".

Долинныя пастбища — это наносный слой, подъ которымъ гдѣ-то въ глубинѣ протекаютъ ключи, заболачивая почву. „Сазъ" —это заросшая травой дыра въ этомъ наносномъ слоѣ. Трава выдерживаетъ и человѣка, и лошадь, но тракторъ для нея вещь непривычная и Аллахомъ непредусмотрѣнная. И вотъ, дѣловито пыхтя, ползетъ по долинѣ тракторъ и напѣваетъ бодрую пѣсенку про веселую соціалистическую стройку. Потомъ вдругъ — хлюпъ, и только пузыри пошли. Иногда тракторъ выволакиваютъ, а иногда и нѣтъ.

Товарищъ Пархоменко — не только „управляющій" имѣніемъ. Онъ, такъ сказать, универсальный вождь въ мѣстномъ качкорскомъ масштабѣ. Ему подчинено все: и бараны, и люди, и медицинская помощь, и судъ, и расправа, и народное образованіе.

По части народнаго образованія предшественникъ Пархоменки проявилъ нѣкоторую иниціативу — создалъ

киргизскую школу. Для этой школы нашлись люди, которые на Руси всегда находятся для всякаго толковаго дѣла: энтузіасты. Двѣ какія-то немолодыя питерскія дамы, попавшія въ эту, забытую христіанскимъ Богомъ, азіатскую дыру, въ результатѣ похожденій, столь же путанныхъ, какъ и похожденія Пархоменки (только въ нѣсколько другомъ родѣ), сдѣлали почти невѣроятное: они собрали киргизскихъ ребятишекъ, почтенные мамаши и папаши которыхъ пасутъ барановъ гдѣ-то за двѣсти-пятьсотъ верстъ отсюда. Такъ какъ ходить въ школу за пятьсотъ верстъ — вещь явственно неудобная, то при школѣ есть и интернатъ.

Пархоменкѣ почему-то пришло въ голову прочесть школьникамъ докладъ объ индустріализаціи Киргизіи. Я увязался съ нимъ. Пошли. У входа въ школу наталкиваемся на драматическій разговоръ.

Солидный киргизъ держитъ за руку маленькаго киргизенка. Видъ у папаши обиженный. Онъ убѣдительно доказываетъ учительницѣ, что его дѣдъ никогда въ жизни не мылся, отецъ не мылся, самъ онъ не мылся, и что, въ силу этой вѣковой традиціи, и сына его мыть никакъ не полагается.

— Зачѣмъ моешь? Ты читать учи. Писать учи. Зачѣмъ моешь, спрашиваю. Сама мойся — вишь, мука у тебя на мордѣ. (Невѣроятно, но фактъ — пудра!).

Большая классная комната. Киргизскіе мальчишки и дѣвченки. Видно, что этихъ уже мыли, послѣдній разъ, вѣроятно, не позже, чѣмъ недѣлю тому назадъ.

Пархоменко влазитъ на кафедру и начинаетъ свой докладъ. Индустріализація. Тракторизація. Коллективизація. Націонализація. Профинпланъ. Контрольныя цифры. Тяжелая матерія для ребятишекъ. Впрочемъ, аудиторія ни слова не понимаетъ по-русски такъ же, какъ Пархоменко — по-киргизски И въ общемъ всѣ довольны. Ребятишки таращатъ свои черные раскосые глазенки, а я потихоньку разговариваю съ учительницей. Ея напудренныя щеки сожжены азіатскимъ солнцемъ, а годы скитаній, лишеній и потери всѣхъ близкихъ своихъ провели глубокія борозды морщинъ. Сейчасъ, въ сущности, у этой женщины ничего въ мірѣ не осталось, кромѣ вотъ этихъ

ребятишекъ, чуждыхъ ей по крови, быту и языку, но все же близкихъ ея материнскому инстинкту. Двѣ-три дѣвочки довѣрчиво жмутся къ ея колѣнямъ, и она, разговаривая со мной, привычнымъ жестомъ гладитъ ихъ черныя головки.

Изъ устъ Пархоменки продолжаютъ литься потоки всякихъ контрольныхъ цифръ.

Идиллія нарушается тѣмъ самымъ киргизомъ, который только что спасалъ отъ мыльной опасности своего доблестнаго потомка и потомъ терпѣливымъ столбомъ торчалъ у двери и вслушивался въ вовсе непонятную ему рѣчь Пархоменки.

— Ты—директоръ? — сурово и вѣско спрашиваетъ киргизъ.

— Директоръ, — снисходительно соглашается Пархоменко.

— Ты мнѣ, директоръ, скажи: вотъ я киргизъ — я неученый. Вотъ ты директоръ — ты ученый. Вотъ ты мнѣ скажи: почему у меня баранъ не дохнетъ, почему у тебя баранъ дохнетъ?

Въ отвѣтѣ Пархоменки было больше контрольныхъ цифръ, чѣмъ убѣдительности. Киргизъ слушалъ терпѣливо и презрительно.

— Ха! Директоръ! У киргиза баранъ забралъ. Себѣ баранъ взялъ. Теперь у киргиза баранъ нѣтъ, у тебя баранъ нѣтъ. Тьфу!..

Киргизъ нахлобучилъ свою шапку и ушелъ. Пархоменко обвелъ глазами свою аудиторію, какъ-бы въ поискахъ сочувствія или дальнѣйшихъ вопросовъ. Но ни сочувствія, ни вопросовъ не послѣдовало... Раскосые глазенки не выражали ровно ничего, ибо ровно ничего не понимали. И поэтому Пархоменко черезъ весь классъ обратился ко мнѣ за, такъ сказать, моральной поддержкой.

— Вотъ сволочь, а?

НА ПАМИРЪ

Пархоменко, какъ и всѣ его предшественники, занимался преимущественно расширеніемъ совхоза во

всѣхъ мыслимыхъ и немыслимыхъ направленіяхъ. По линіи направленій немыслимыхъ Пархоменко отвоевалъ отъ киргизовъ участокъ лѣтнихъ пастбищъ „Джейлау", приблизительно въ 300 километрахъ къ югу отъ „столицы". Къ этимъ пастбищамъ шла какая-то тропа, относительно которой даже у старожиловъ единомыслія не было. Одни говорили, что по ней можно проѣхать только верхомъ, другіе говорили, что при удачѣ можно протащить и арбу.

Во всякомъ случаѣ, Пархоменко, въ цѣляхъ, такъ сказать, ревизіи своихъ владѣній, рѣшилъ съѣздить на этотъ „Джейлау"... Смотрѣли на карту, но на ней тамъ, уже на Памирѣ, гдѣ должны были быть лѣтнія пастбища, скромно и непритязательно расплывалось бѣлое пятно... Интервьюировали киргизовъ, но киргизы говорили что-то очень мало вразумительное и, видимо, предпочитали, чтобы Пархоменко сидѣлъ дома и ничего не ревизовалъ.

Шофферъ же Миша слушалъ, слушалъ и потомъ заявилъ, что считаетъ всѣ эти старожильскіе разговоры вздоромъ и что, по его мнѣнію, фордъ пройдетъ по всѣмъ мѣстамъ, доступнымъ человѣческой ногѣ. И что, кромѣ этого, для престижа совѣтской власти неудобно, чтобы ея представитель, товарищъ Пархоменко, примѣнялъ столь неиндустріальные способы передвиженія, какъ арба или конь. Престижъ перекрылъ все. Стали готовиться къ поѣздкѣ.

— Доѣдемъ, какъ миленькіе. А не доѣдемъ, такъ чортъ съ нимъ.

Само собой разумѣется, что ѣхать съ Пархоменкой на Джейлау увязались и мы съ сыномъ... Но дня за два до отъѣзда съ нами случилось происшествіе, изъ за котораго сынъ остался въ Кочкоркѣ.

Въ числѣ прочихъ способовъ времяпрепровожденія мы съ сыномъ усиленно занимались охотой. Ободренные успѣхомъ по части дикихъ голубей, горныхъ курочекъ, зайцевъ и фазановъ, которые водились тамъ въ неисчислимыхъ количествахъ, мы возымѣли гордую мысль подстрѣлить архара, могучаго и осторожнаго горнаго барана.

Мы раздобыли у Пархоменки двѣ красноармейскія винтовки и дня три лазали по горамъ.

Детали этой охоты въ данную тему не входятъ, но, конечно, изъ этого не вышло ровно ничего. Для архара наша охотничья квалификація оказалась явно недостаточной. И, кромѣ того, мы изъ охотниковъ сами превратились въ дичь.

Наши скитанія по горамъ были замѣчены зоркими глазами какихъ-то басмачей, и намъ пришлось думать не о рогахъ архара, а о собственной шкурѣ. Насъ съ Юрой басмачи сочли, конечно, представителями совѣтской власти. Убѣждать басмачей въ ихъ ошибкѣ у насъ, къ сожалѣнію, не было ни времени, ни возможности. Нѣкоторое время насъ спасало то обстоятельство, что басмачи были вооружены допотопными мултуками — кремневыя или фитильныя ружья приблизительно XIV вѣка, а у насъ были военныя винтовки. Потомъ нашу отчаянную стрѣльбу услышали на одномъ изъ участковъ совхоза, и на помощь намъ прикатилъ фордъ съ красноармейцами и пулеметомъ. Это было чрезвычайно во время, такъ какъ Юра свалился со скалы и разбилъ себѣ ногу. Разбитая нога была, впрочемъ, единственнымъ кровавымъ происшествіемъ этого дня: намъ было очень неуютно стрѣлять въ людей, положенію и дѣйствіямъ которыхъ мы сочувствовали самымъ искреннимъ образомъ.

При другихъ обстоятельствахъ эти политическія недоразумѣнія обошлись бы намъ очень дорого. При данныхъ обстоятельствахъ они кому-то изъ насъ спасли жизнь. Юра остался въ Кочкоркѣ, и на Джейлау поѣхалъ я одинъ.

На фордъ были погружены кошмы, пулеметъ, два красноармейца, Пархоменко и какой-то плановикъ. Что онъ собирался планировать тамъ, на Джейлау, — такъ и осталось его тайной.

Разсказъ объ этой поѣздкѣ былъ бы, вѣроятно, чрезвычайно поучителенъ для исторіи автомобильнаго транспорта. Триста километровъ мы ѣхали почти трое сутокъ. Мы проваливались въ ямы, переѣзжали вбродъ черезъ горные ручьи и рѣчки. Нашъ фордъ карабкался на скалы, какъ если бы у него было не 4 колеса, какъ у

всякаго честнаго автомобиля, а 40 ногъ, какъ у сороконожки. Около 40 клм. мы ѣхали такъ: глухое ущелье, сжатое сдвинувшимися скалами. По дну ущелья мечется безымянная горная рѣчка. По дну рѣчки ощупью ползетъ фордъ. Рѣчка бросается на колеса, обдавая насъ холодными душами. Два раза вода заливала моторъ, и намъ пришлось проявлять чудеса силы, ловкости, изобрѣтательности и терпѣнія, пока мы вытаскивали машину на мелкое мѣсто и сушили моторъ, дрожа отъ холода, сырости и вѣтра, свирѣпствовавшаго въ этой каменной трубѣ, при этомъ, съ сознаніемъ, что въ окружности на сотню километровъ нѣтъ, вѣроятно, ни одного живого человѣка.

Потомъ на высотѣ около 2.500 метровъ мы вылѣзли на какую-то столообразную долину, окруженную хребтомъ и ровную, какъ шоссе. И въ теченіе минутъ 20 Миша вознаграждалъ себя за вынужденный аскетизмъ тихаго хода по дну рѣчки. Въ концѣ этой долины какіе-то конные пастухи невидимыхъ мною на далекихъ склонахъ стадъ, замѣтивъ своими зоркими глазами таинственную повозку — „шайтанъ-арбу“, летятъ со склоновъ внизъ и потомъ сумасшедшимъ галопомъ скачутъ рядомъ съ машиной. Я смотрю на спидомѣръ — мы идемъ со скоростью 50 клм. въ часъ...

ДЖЕЙЛАУ

Позднимъ вечеромъ мы пріѣзжаемъ, наконецъ, въ Джейлау. Около десятка юртъ. Тощая трава на вершинѣ какой-то столообразной горы. Вдалекѣ рваными зубцами стоятъ покрытые вѣчными снѣгами таинственные памирскіе хребты. Отъ нихъ вѣетъ бесчеловѣчнымъ холодомъ, жуткой безлюдностью луннаго пейзажа, великимъ сномъ милліоновъ лѣтъ... Что для нихъ эти двуногіе микроорганизмы, копошащіеся со своими фордами, стадами и революціями...

Населеніе Джейлау встрѣчаетъ насъ гробовымъ молчаніемъ окаменѣлаго изумленія. Автомобиля они не видѣли въ своей жизни ни въ натурѣ, ни на картинкѣ, ибо картинокъ въ своей жизни они тоже не видѣли. Стол-

пились у машины и смотрятъ на нее своими раскосыми глазами. Ни возгласа, ни вопроса. Просто стоятъ и смотрятъ. Къ намъ сквозь толпу пробирается какой-то толстый киргизъ, который впослѣдствіи оказался чѣмъ-то вродѣ Пархоменки, только въ, такъ сказать, мѣстномъ масштабѣ.

Онъ здѣсь глава мѣстной коммунистической ячейки (я такъ и не смогъ узнать, существовала ли эта ячейка въ реальности), начальникъ джейлаусскаго участка совхоза Качкорка, предсѣдатель какого-то колхоза и, наконецъ, владыка и глава мѣстнаго рода. Здороваясь со мной, онъ на ломанномъ русскомъ языкѣ заявляетъ, что онъ членъ коммунистической партіи съ тысяча девятсотъ... я ужъ не помню какого именно года. Фамилія его Азбаевъ. У него толстое отъѣвшееся лицо, узенькія щелочки пронырливыхъ глазъ, объемистый животъ и шесть женъ. Какимъ образомъ Карлъ Марксъ и партійный билетъ уживаются рядомъ съ шестью женами — я не знаю.

Въ юртѣ у этого коммуниста намъ готовилось царское угощеніе — баранъ, сваренный со всѣмъ его содержимымъ. Если киргизъ не моется самъ, то зачѣмъ ему, во имя Аллаха, мыть зарѣзаннаго барана? Впрочемъ, отношенія Азбаева съ Аллахомъ, Марксомъ и Пархоменкой для меня остались нѣсколько неясными. Послѣ барана мы ѣдимъ какое-то овсяное печенье, сваренное въ бараньемъ жиру, и пьемъ кумысъ, отъ котораго человѣкъ впадаетъ въ состояніе сладкаго и бездумнаго опьяненія.

Рабы (у этого коммуниста есть и рабы) ползаютъ на четвереинькахъ, подавая намъ піалы съ кумысомъ — это честь хозяину и гостямъ. Азбаевъ, членъ коммунистической партіи съ тысяча девятьсотъ какого-то года, глава партійной ячейки, жестомъ, исполненнымъ величія и щедрости, протягиваетъ назадъ черезъ плечо полуобглоданныя кости. Его жены хватаютъ эти кости, издаютъ какія-то раболѣпныя восклицанія и исчезаютъ въ глубинѣ юрты догладывать подарокъ царственнаго супруга...

Мы сидимъ въ центрѣ юрты, гдѣ въ покрывающей полъ кошмѣ вырѣзана дыра, навалены камни, на камняхъ горитъ костеръ, и надъ костромъ стоитъ грубо откованный

желѣзный треножникъ. Дымъ заполняетъ куполъ юрты и уходитъ въ дыру въ этомъ куполѣ. Рабы, какъ тараканы, ползаютъ по полу... Сколько тысячъ лѣтъ совершался точно такой же обрядъ памирскаго гостепріимства?..

Но на животѣ у хозяина тускло поблескиваетъ Маузеръ — единственный, кажется, подарокъ культуры XX вѣка культурѣ каменныхъ вѣковъ...

ТРИ ДѢВУШКИ НАШЛИ ПРИСТАНИЩЕ

Лѣтъ черезъ сто о совѣтской жизни будутъ писать авантюрные романы, и ихъ вымыселъ будетъ блѣденъ и нищъ. Какой вымыселъ могъ бы забросить въ памирскія предгорья, въ кочевую юрту безымяннаго киргизскаго рода трехъ культурныхъ русскихъ дѣвушекъ, которыя живутъ здѣсь не то на правахъ культуртрегеровъ, не то на правахъ родовыхъ Сибиллъ. Одна изъ нихъ была чѣмъ-то вродѣ врача, другая просто занималась с киргизскими ребятишками, третья оказалась геологомъ — спеціальность для киргизскаго кочевья явно ненужная. Но родъ далъ имъ юрту, поилъ и кормилъ ихъ и относился по дружески, но чрезвычайно почтително.

Товарищъ Пархоменко смотрѣлъ на нихъ съ крайнимъ подозрѣніемъ и убѣждалъ меня въ томъ, что это не иначе, какъ контръ-революціонерки, сбѣжавшія отъ небезызвѣстнаго въ Россіи „недреманнаго ока". Убѣждать меня въ этомъ не приходилось. Очень много людей ушло въ глушь, въ тайгу, въ горы, какъ когда-то въ американскіе лѣса уходили пуритане. Мы съ Пархоменкой поговорили о необходимости культурныхъ кадровъ на окраинахъ и, въ результатѣ этого дипломатическаго разговора, Пархоменко зачислилъ всѣхъ трехъ служащими его совхоза и пообѣщалъ прислать паекъ и жалованье. Къ пайку и жалованью три Сибиллы отнеслись въ высшей степени равнодушно, но этотъ проэктъ далъ мнѣ возможность провести въ ихъ юртѣ нѣсколько не совсѣмъ обычныхъ вечеровъ. Тамъ при свѣтѣ коптилки изъ бараньяго сала мы составляли геологическія карты района, приготовляли изъ контрабандныхъ ингридиентовъ какія-

то капли и мази и вели разговоры о судьбахъ дѣвушекъ Родины и человѣчества.

Знакомство же наше состоялось по такому поводу. Какъ-то мы съ Пархоменкой и его свитой поѣхали осматривать его новыя владѣнія, — разумѣется, верхомъ. Въ виду этого обстоятельства, мнѣ пришлось влѣзть въ сѣдло. Если не ошибаюсь, это былъ второй или третій случай въ моей жизни, и чувствовалъ я себя не очень увѣренно. Потомъ кавалькада поскакала галопомъ, и я отсталъ окончательно. Мой киргизскій конь, почувствовавъ на себѣ столь недостойнаго всадника, плюнулъ на всякія понукательныя и прочія мѣропріятія и просто занялся пощипываніемъ травки.

Сижу я въ сѣдлѣ и колочу по бокамъ каблуками. Никакого впечатлѣнія... Я такъ былъ погруженъ въ это нехитрое, но безплодное занятіе, что не замѣтилъ приближенія трехъ амазонокъ. Съ ихъ помощью конь былъ приведенъ въ повиновеніе, и мы поѣхали дальше.

На осторожный вопросъ о моемъ кавалерійскомъ прошломъ я далъ приличествующее случаю объясненіе и услышалъ утѣшительный отвѣтъ, что для второго-третьяго раза моя посадка совсѣмъ не такъ ужъ плоха.

Ихъ посадка была много лучше. Онѣ сидѣли въ сѣдлѣ такъ, какъ теперь сидятъ холливудскія актрисы, выступающія въ ковбойскихъ фильмахъ. Такъ мы ѣхали рядомъ, обмѣниваясь прощупывающими взглядами и развѣдывательными междометіями.

Такъ я составилъ себѣ первое впечатлѣніе о судьбѣ трехъ Сибиллъ киргизскаго рода и внутренне преклонилъ колѣна передъ ихъ незамѣтной героикой.

БАЙГА

Въ честь нашего прибытія нашъ коммунистическій хозяинъ организовалъ своего рода киргизскую олимпіаду, называвшуюся на мѣстномъ нарѣчіи — байга. Началась эта байга такъ:

Около полусотни всадниковъ выстраиваются въ одну шеренгу. Впереди шеренги, шагахъ въ 300, — всад-

никъ. Въ рукахъ у него живой баранъ, котораго онъ держитъ за ногу.

Выстрѣломъ изъ маузера нашъ хозяинъ даетъ сигналъ. По камнямъ и грядамъ горъ начинается бѣшенная скачка. Цѣль ея — отобрать у перваго всадника барана и доставить эту „эстафету“ къ ногамъ родовладыки. На сумасшедшихъ скоростяхъ по хаосу каменныхъ обломковъ, гдѣ, кажется, не то что проскакать коню, но и пѣшкомъ пройти трудно, мечутся всадники. Баранъ переходитъ изъ рукъ въ руки. Сшибаются кони. Надъ кучей спутавшихся конскихъ и человѣческихъ тѣлъ стоитъ дикій азіатскій вой. Потомъ изъ кучи выскакиваетъ кто-то. Конь его распластывается надъ скалами, но наперерѣзъ ему и вдогонку скачутъ всадники. Окровавленный баранъ мотается безформенной общипанной тушей. Наконецъ, какой-то счастливецъ прорывается къ нашей „трибунѣ“ и швыряетъ свой трофей къ ногамъ нашего хозяина. Азбіевъ протягиваетъ призъ побѣдителя — червонецъ и бутылку водки.

Послѣ скачки начинаются какія-то мало понятныя мнѣ киргизскія игры и, наконецъ, — борьба. Борьба ведется приблизительно по правиламъ такъ называемой вольно-американской борьбы, только техника ея находится на уровнѣ приблизительно каменнаго вѣка... Какой-то суровый киргизъ среднихъ лѣтъ, мѣстный чемпіонъ— „батырь“, легко выходитъ изъ нея побѣдителемъ. Въ почтенной области тяжелой атлетики я въ свое время въ Россіи занималъ второе мѣсто. Пархоменко, какъ бывшій матросъ, конечно, зналъ всѣхъ чемпіоновъ, въ томъ числѣ и меня. Въ виду этого я былъ спровоцированъ на борьбу съ „батыремъ“. Борьба никакихъ трудностей не представила.

Поздно вечеромъ на той же кошмѣ, на которой разыгрывался джейлаусскій чемпіонатъ, я давалъ своему недавнему сопернику уроки борцовской техники XX вѣка... Объ его обидѣ мнѣ разсказала одна изъ Сибиллъ. Она же предприняла шаги къ нашему примиренію и переводила мои техническія указанія.

Мои уроки для этого батыря были царственнымъ

подаркомъ. Если бы я подарилъ ему 100 или даже 1000 барановъ, — я не могъ бы открыть передъ нимъ столь ослѣпительныхъ перспективъ, какія были открыты нѣкоторыми видами подножекъ, захватовъ и ключей. Передъ батыремъ открылся прямой путь къ славѣ, къ побѣдамъ, къ прославленію имени своего въ вѣкахъ... Не буду скрывать — этотъ видъ славы мнѣ кажется гораздо болѣе симпатичнымъ, чѣмъ, напримѣръ, слава Чингисъ-Хана. И даже, чѣмъ слава Ленина...

Потомъ меня позвали на ужинъ въ юрту нашего хозяина. Мой батырь дружественно и благодарно хлопалъ меня по животу ладонью и говорилъ слова признательности, которыя мнѣ не безъ труда переводила моя спутница.

Снова торжественный ужинъ изъ того же немытаго барана. Снова ползающіе на четверенькахъ рабы. Снова полуоглоданныя кости, передаваемыя женщинамъ. Мнѣ уже нагвоздили о томъ, чтобы такія кости передавалъ и я. Иначе получается невѣжливо, не по джентльменски. Я передаю. Оглядываться не полагается. Просто нужно просунуть кость черезъ плечо — тамъ ужъ чьи-то женскія руки подхватываютъ ихъ съ изъявленіями признательности и благодарности. Я честно стараюсь держаться по джентльменски по киргизскому образцу, но въ глубинѣ своей души, въ самой глубинѣ своей души, начинаю сочувствовать пархоменковскимъ пулеметамъ.

Послѣ ужина мы пьемъ традиціонный пьяный кумысъ. Потомъ укладываемся въ повалку на слоѣ кошмы, одѣялъ и бараньихъ шкуръ. Сквозь дыру юрты на насъ смотритъ бездонное азіатское небо и саркастически подмигиваютъ звѣзды.

РѢЗНЯ

Они подмигивали не зря. Боюсь, что послѣ кумыса я спалъ крѣпче, чѣмъ здѣсь полагается. Я проснулся уже тогда, когда юрта была уже пуста, а все становище было окружено стрѣльбой, собачьимъ лаемъ, человѣческимъ воемъ и взрывами ручныхъ гранатъ.

Я бросился къ стѣнкѣ юрты, гдѣ стояло оружіе. Оружія не было. Торчала двухстволка, но патроновъ къ ней я найти не могъ. Моимъ единственнымъ оружіемъ оставался фото-аппаратъ. Охватило чувство оскорбительной и мучительной безпомощности. Ясно — это нападеніе басмачей, и ясно, что насъ, пятерыхъ европейцевъ, здѣсь прирѣжутъ, какъ барановъ, не исключена возможность и благосклоннаго участія въ этомъ нашего хозяина, члена коммунистической партіи... Конечно, рѣзать меня, съ моей точки зрѣнія, у киргизовъ никакого основанія нѣтъ, но какъ мнѣ вдолбить эту точку зрѣнія имъ... Мелькнула мысль о томъ, что не плохо бы использовать весь наличный запасъ моего магнія для какого-нибудь особо потусторонняго свѣтового эффекта или какъ-нибудь добраться до юрты трехъ Сибиллъ. Мысли летятъ стремительно и путанно, а рука все еще ощупываетъ деревянные обручи юрты — нѣтъ ли тутъ хоть одного патрона, хотя бы дробового. Но патроновъ нѣтъ, а юрта Сибиллъ — на другомъ краѣ становища...

Кто-то, воровато пригнувшись, влазитъ въ дверь юрты, и я уже нацѣливаюсь на ударъ кулакомъ въ челюсть. Къ моему великому счастью, я съ этимъ ударомъ опаздываю приблизительно на полторы секунды. Слышу приглушенный голосъ моего вчерашняго батыря и вижу его жестикуляцію, мало понятную и плохо различаемую во тьмѣ.

Наконецъ, батырь, въ нѣсколько секундъ истощивъ запасъ своего краснорѣчія и своего терпѣнія, хватаетъ меня за рукавъ и тащитъ куда-то.

Я покорно тащусь за нимъ: въ моемъ положеніи мнѣ терять приблизительно нечего... Можетъ быть, спортивная солидарность вывезетъ? Вылазимъ изъ юрты. Тьма наполнена воемъ и стрѣльбой. Гдѣ-то совсѣмъ близко съ оглушительнымъ трескомъ рвется ручная граната. Загрохоталъ и умолкъ пулеметъ. Батырь пригибаетъ меня къ землѣ, и мы полземъ куда-то по камнямъ, потомъ по арыку на четвереинькахъ по подбородокъ въ водѣ. Потомъ выползаемъ къ какимъ-то кустикамъ — тамъ я смутно различаю двухъ привязанныхъ и осѣдланныхъ коней...

Можно было бы, конечно, задать себѣ вопросъ, когда это мой батырь успѣлъ приготовить этихъ коней и придти за мной. Но мнѣ не до вопросовъ: мой батырь вскочилъ въ одно сѣдло, и мнѣ не остается ничего другого, какъ влѣзть въ другое. Мы скачемъ куда-то въ ночь.

Мнѣ не очень нравится эта скачка, но какимъ образомъ мой батырь, наивный степной наѣздникъ, могъ представить себѣ, что его вчерашній побѣдитель не имѣетъ понятія о такой самой простой въ мірѣ вещи, какъ верховая ѣзда... И какъ ему объяснить это, когда оба коня, стремительно сорвавшись съ мѣста, летятъ надъ какими-то камнями, ямами, кустами чая...

Я вцѣпился ногами въ бока коня, а руками—въ сѣдло, поводъ въ данныхъ условіяхъ былъ бы совсѣмъ безполезенъ, и молю Аллаха, какъ бы это мнѣ не свалиться въ этой сумасшедшей скачкѣ. Въ голову лѣзутъ обрывки скудныхъ теоретическихъ познаній въ области верхового спорта, а по спинѣ колотитъ фото-аппаратъ—„Неттель", формата 6 × 9, тропическая модель, съ 24 заряженными кассетами, и все это въ кожаномъ футлярѣ. Я начинаю чувствовать нѣкоторое отвращеніе къ фотографіи.

То, что я рано или поздно свалюсь съ этого коня, — не вызываетъ во мнѣ никакихъ сомнѣній. Вопросъ заключается въ томъ, что если я свалюсь, такъ сказать, по своей инициативѣ, — будутъ какіе-то шансы выскочить живьемъ. Если меня на очередномъ сумасшедшемъ скачкѣ сброситъ конь, — Юра едва ли сможетъ подобрать здѣсь мои бренные останки.

Я концентрирую всю свою спортивную и гимнастическую опытность и, когда конь на какомъ-то подъемѣ чуть замедляетъ свой бѣгъ, я героически сигаю внизъ, въ ночь, въ какіе-то камни, мелькающіе подъ ногами коня.

Конечно, въ этихъ азіатскихъ дырахъ, кромѣ какъ на Аллаха, расчитывать не на кого и не на что. Но расчетъ на Аллаха оказался правильнымъ расчетомъ. Я, правда, два раза перевернулся. Одинъ разъ, повидимому, въ воздухѣ, другой разъ, повидимому, на землѣ. Поднявшись, я съ искреннимъ изумленіемъ констатирую, что я

совершенно цѣлъ. Такъ, ерунда — подбито колѣно, локоть и лобъ. Остался цѣлъ даже фото-аппаратъ. Вот это повезло!..

Стукъ копытъ коня моего спасителя замираетъ гдѣ-то вдали. Я забираюсь въ какую-то каменную расщелину и думаю о томъ, что по такому поводу хорошо бы воскурить фиміамъ Аллаху — хотя бы въ видѣ папиросы. Но снизу доносится стукъ копытъ, и минуты черезъ три-четыре чуть-чуть въ сторонкѣ отъ моей ямы проносится какая-то кавалькада. Сильно опасаюсь, что эта кавалькада имѣетъ въ виду меня. Еще плотнѣе вжимаюсь въ расщелину.

Сквозь промокшую одежду меня пронизываетъ холодъ горной ночи, а мозгъ — безплодное самобичеваніе за мои туристическіе инстинкты. И какъ это повезло, что Юра остался въ Качкоркѣ...

Вѣдь кому-кому, а мнѣ пора бы уже знать, что какъ только высунешь носъ подальше отъ столицы и магистралей, — сейчасъ же напорешься на какую-нибудь рѣзню. Для активнаго участія въ рѣзнѣ у меня нѣтъ ни желанія, ни таланта, ни соотвѣтствующаго воспитанія. А какое, во имя Аллаха, можетъ быть удовольствіе отъ пассивнаго участія въ рѣзнѣ?

* * *

Свѣтаетъ. Я продрогъ окончательно и до костей... Стрѣльба затихла уже давно. Слышу издалека голосъ моего спасителя. Онъ ведетъ въ поводу мою лошадь, и по его жестам я могу понять, что опасность уже миновала. Спускаемся внизъ, къ становищу, но на этотъ разъ уже не галопомъ, а шагомъ. У нашей юрты лежитъ нашъ плановикъ въ позѣ, не предусмотрѣнной никакими промфинпланами. Онъ изрубленъ приблизительно въ клочки. Открытый глазъ на отрубленной половинѣ лица смотритъ въ бездонное небо, какъ бы говоря: „при такихъ условіяхъ, извините, но планировать ничего нельзя“... Дѣйствительно нельзя.

Метрахъ въ стахъ валяются оба красноармейца — приблизительно въ такомъ же видѣ, какъ и плановикъ. Пулемета нѣтъ. Миши нѣтъ. Грузовика нѣтъ. Нѣтъ и Пархоменки. Трое Сибиллъ кого-то перевязываютъ. Одна

изъ нихъ крѣпко пожимаетъ мнѣ руку и недовольнымъ тономъ говоритъ:

— А вы лобъ себѣ все-таки расквасили...

Я не спрашиваю, что значитъ это „все-таки“. Я не исчезъ безслѣдно, какъ Пархоменко, не лежу въ столь неплановомъ видѣ, какъ эти красноармейцы, — и то слава тебѣ, Господи... Почему же — „все-таки“? Но нужно быть скромным и нѣкоторыя услуги принимать, не замѣчая ихъ... Кто знаетъ, что за полчаса до налета говорили обо мнѣ люди, которые объ этомъ налетѣ знали заранѣе...

Очень возможно, что зналъ и Азбіевъ. На его раздувшемся отъ жира лицѣ написанъ неподдѣльный ужасъ, заплывшіе глазки смотрятъ изъ своихъ щелочекъ окончательными жуликами, а руки воздѣваются горе, какъ бы призывая въ свидѣтели не то Аллаха (кысметъ!), не то Маркса (классовая борьба!) — что подѣлаешь...

Сибиллы обмываютъ неглубокія раны мои и прикладываютъ къ нимъ какую-то настойку на травѣ. Потомъ мы съ Азбіевымъ идемъ по становищу, и я начинаю чувствовать, что Азбіевъ чѣмъ-то очень недоволенъ. Проходимъ мимо огромнаго деревяннаго чана, въ которомъ заквашивается овечье молоко, — и вдругъ надъ его бортомъ поднимается неузнаваемая, залѣпленная овечьей сметаной голова Пархоменки.

Азбіевъ находится въ состояніи полной обалдѣлости. Пархоменко вылѣзаетъ изъ чана, отряхивается, какъ собака послѣ купанья, и потомъ говоритъ мнѣ своимъ постояннымъ эпически недоумѣннымъ тономъ:

— Хорошо, что я это вашъ голосъ заслышалъ. А то пришлось бы сидѣть чортъ знаетъ сколько...

Изъ глотки Азбіева вырываются какія-то очень нечленораздѣльныя поздравленія. Пархоменко на поздравленія не отвѣчаетъ.

— А бадью-то эту, я съ самаго пріѣзда присмотрѣлъ. Ловко придумано, а?

Черезъ нѣсколько часовъ возвращается и Миша съ грузовикомъ. Его приключенія были не столько кровавы, хотя и болѣе романтичны. Онъ поѣхалъ катать какихъ-то киргизскихъ красавицъ и, услыхавъ стрѣльбу, благоразумно рѣшилъ малость подождать. Сибиллы ходили по

становищу съ чрезвычайно таинственнымъ видомъ и на вопросы Пархоменки отвѣчали въ томъ смыслѣ, что ихъ-де здѣсь всѣ знаютъ, что ихъ никто не трогаетъ. Я подтвердилъ Пархоменкѣ полную логичность лишеннаго всякой логики положенія Сибиллъ.

Днемъ мы похоронили убитыхъ и вечеромъ на Мишиномъ грузовичкѣ тронулись назадъ. Изъ оружія у насъ остался только Пархоменковскій маузеръ. Изъ пассажировъ — только половина. Пархоменко не былъ особенно огорченъ и даже не особенно взволнованъ происшедшимъ: такіе ли еще виды онъ видывалъ на своемъ вѣку! Но онъ о чемъ-то упорно думаетъ. Потомъ на одномъ изъ приваловъ онъ ни съ того ни съ сего говоритъ мнѣ:

— Какіе тутъ къ чорту „басмачи“? Это все уѣздная партячейка подстроила... Знаю я ихъ... Сволочь на сволочи сидитъ...

Это, конечно, возможно. Отдѣлаться отъ товарища Пархоменко басмаческими руками — чего проще. Пойди потомъ — доискивайся...

Я думаю о томъ, какъ это замѣчательно вышло, что на насъ напали тѣ же басмачи, что Юра разбилъ себѣ ногу, что онъ остался въ Качкоркѣ... Вдвоемъ — мы едва ли выскочили бы только съ разбитыми лбами...

Памирскіе хребты смотрятъ на насъ съ равнодушіемъ абсолютнаго нуля температуры — имъ-то какое дѣло до меня, до Юры, до Пархоменки, до революціи... Они видывали виды еще почище, чѣмъ ихъ видѣли тысячи товарищей Пархоменокъ...

Я начинаю мечтать о Москвѣ...

* * *

Въ Качкорку мы, по понятнымъ соображеніямъ, пріѣхали въ очень невеселомъ настроеніи. Пархоменко всю дорогу ворчалъ о томъ, что набѣгъ на Джейлау устроили его партійные конкуренты, мнѣ же было совершенно ясно, что это — нападеніе мѣстныхъ повстанцевъ, „басмачей“. Партійные конкуренты могли отдѣлаться отъ товарища Пархоменко гораздо болѣе дешевымъ, болѣе

надежнымъ и менѣе рискованнымъ способомъ: арестовать и потомъ съимпровизировать попытку къ бѣгству: кто его тамъ въ этой глуши разберетъ?..

Но варіантъ партійныхъ конкурентовъ нравился Пархоменкѣ гораздо больше: онъ былъ романтичнѣе и онъ подымалъ товарища Пархоменко въ его собственныхъ глазахъ. Послѣ очень недолгаго обмѣна мнѣній я не только согласился съ Пархоменкой, но и сталъ его поддерживать: чѣмъ больше эта публика будетъ рѣзать другъ друга — тѣмъ лучше для насъ остальныхъ, для всей Россіи... А Пархоменко принадлежалъ къ числу людей, способныхъ зарѣзать ближняго своего — безразлично, партійнаго или не партійнаго — безъ малѣйшаго зазрѣнія совѣсти...

Въ Качкоркѣ мы съ Юрой устроили военный совѣтъ: не слѣдуетъ ли намъ ограничиться пережитыми приключеніями и по-добру по-здорову, пока цѣлы, возвращаться прямо въ Москву?

Нашъ дальнѣйшій предполагавшійся маршрутъ былъ весьма длиненъ. Прежде всего — опять къ озеру Иссыкъ-Куль, потомъ въ село Каракола — бывшій Пржевальскъ—на восточномъ берегу озера, потомъ въ Таджикистанъ и Узбекистанъ.

Таджикистанъ и Узбекистанъ были охвачены возстаніями, и обѣ эти республики были оставлены пока подъ вопросомъ. По озеру же ходили чекисткіе пароходы и иссыккульскій маршрутъ намъ казался вполнѣ безопаснымъ. Увы, какъ оказалось впослѣдствіи, безопасность эта была весьма относительной.

Пархоменко собрался ѣхать во Фрунзе, везти на кого-то какой-то доносъ. У насъ, слѣдовательно, появилась возможность доѣхать до Рыбачьяго на Мишиномъ грузовикѣ. На дорогу Пархоменко снабдилъ насъ рекомендательными письмами къ двумъ своимъ „товарищамъ по партіи“: одному — директору опіумнаго совхоза ОГПУ и къ другому — директору коневодческаго совхоза того же ОГПУ. Оба совхоза находились на восточномъ берегу озера. Въ Рыбачьемъ мы трогательно распрощались съ товарищемъ Пархоменко, и я обѣщалъ ему всяческое

литературное содѣйствіе въ дѣлѣ обработки и устройства его пресловутаго романа.

Романъ этотъ нигдѣ устроенъ, конечно, не былъ. Но вмѣсто литературныхъ талантовъ у Пархоменки оказался какой-то очень тонкій бандитскій нюхъ. Какъ я впослѣдствіи узналъ отъ него самаго — уже въ Москвѣ, — его „назадъ въ Качкорку что-то не тянуло“, и онъ проболтался и пропьянствовалъ во Фрунзе цѣлый мѣсяцъ. А за этотъ мѣсяцъ какіе-то другіе басмачи захватили совхозъ, сожгли его постройки, поломали его машины, вырѣзали почти весь его персоналъ и угнали въ горы его скотъ. Такъ закончилась краткая, бурная и весьма поучительная исторія качкорскаго совхоза.

Пархоменку же я года полтора спустя, передъ самымъ нашимъ побѣгомъ, встрѣтилъ въ Москвѣ. Видъ у него былъ тотъ же — благодушно-медвѣжій, но онъ уже былъ вычищенъ изъ партіи. Насколько я могъ понять — онъ пытался съѣсть кого-то изъ своихъ партійныхъ фрунзенскихъ сотоварищей, но обломалъ себѣ зубы и былъ съѣденъ самъ.

Но онъ не унывалъ. Онъ успѣлъ жениться на какой-то машинисткѣ и обзавестись младенцемъ. Настойчиво приглашалъ меня зайти къ нему. Я зашелъ: нужно было узнать о судьбѣ Качкорки и нѣкоторыхъ другихъ вещей, о которыхъ рѣчь будетъ ниже.

Въ маленькой комнатушкѣ, перегороженной фанерой на двѣ клѣтушки, товарищъ Пархоменко съ материнской нѣжностью нянчилъ своего младенца:

— Ишь ты, беззубенькій...

На медвѣжьихъ лапахъ товарища Пархоменко младенецъ, повидимому, чувствовалъ себя весьма уютно.. А сколько человѣческой крови пролили эти лапы...

* * *

Село Рыбачье это — полупостроенный при старомъ режимѣ и полуразрушенный при новомъ — небольшой поселокъ на западномъ берегу озера. Тутъ—хлѣбные склады, небольшая пристань для двухъ чекисткихъ пароходиковъ, которые совершаютъ болѣе или менѣе регулярные рейсы

между Рыбачьимъ и Караколой, казарма чекисткой части, кое-какія заведенія и нѣчто вродѣ гостиницы.

На этотъ разъ намъ удалось попасть въ гостиницу. Не нужно, конечно, рисовать въ своемъ воображеніи какого-нибудь отеля. Въ комнатѣ, куда мы попали, стояло штукъ двадцать деревянныхъ скамеекъ, покрытыхъ соломенными матрасами. Въ качествѣ уборной служилъ весь міръ, а въ качествѣ умывальника — озеро. Уходя изъ комнаты, вещей въ ней оставлять не рекомендовалось: нужно было сдавать ихъ коменданту на храненіе. Я не видѣлъ никакихъ основаній считать этого коменданта болѣе заслуживающимъ довѣрія, чѣмъ прочихъ партійцевъ, комсомольцевъ и активистовъ, набившихся въ этой комнатѣ, и мы предпочли дѣйствовать по классическому способу: все свое ношу съ собой.

Нагрузивши все свое, мы пошли бродить по поселку, и тамъ, къ великому моему удовольствію, я обнаружилъ витрину профессіональнаго фотографа, примостившагося въ какой-то лачугѣ. Мнѣ очень нужно было проявить хоть нѣсколько своихъ снимковъ,чтобы провѣрить экспозицію въ этихъ горныхъ, залитыхъ солнцемъ мѣстахъ. За небольшую мзду фотографъ согласился предоставить мнѣ на часъ - два свою лабораторію и съ великимъ любопытствомъ общупывалъ два нашихъ фото-аппарата: „Неттель“ 4,5×6 и общеизвѣстную „Лейку“. Самъ онъ работалъ аппаратомъ того типа, какіе фигурировали задолго до изобрѣтенія автомобиля.

Мы съ Юрой расположились въ лабораторіи и въ кратчайшій промежутокъ времени обнаружили, что снимки, сдѣланныя „Неттелемъ“ на совѣтскихъ пластинкахъ — гиблая работа: при первомъ же погруженіи въ проявитель чувствительный слой отклеивался отъ пластинки и какъ ни въ чемъ не бывало всплывалъ на поверхность. Пластинки мы рѣшими оставить до Москвы. Въ Москвѣ изъ нихъ тоже почти ничего не вышло. Качество совѣтской продукціи. Московскіе фотографы работаютъ на контрабандной германской продукціи.

Снимки „Лейкой“ были сдѣланы на германской кинопленкѣ. Не очень благополучно было и съ ними: очень ужъ много оказалось передержанныхъ. На этихъ высотахъ, при разрѣженномъ воздухѣ, полномъ отсутствіи пы-

ли и изобилiи ультрафiолетовыхъ лучей, выдержки надо было дѣлать раза въ три короче.

Но все-таки нѣсколько пленокъ мы проявили и, воспользовавшись аппаратомъ нашего хозяина, сдѣлали съ нихъ нѣсколько увеличенiй, главнымъ образомъ портретныхъ снимковъ качкорскихъ и джейлаусскихъ киргизовъ.

Объ этомъ фотографическомъ мѣропрiятiи я пишу потому, что ровно черезъ два дня оно спасло намъ жизнь. Въ Одессѣ въ такихъ случаяхъ говорятъ: иди, знай. Мы шли, но не знали. Кысметъ.

*
* *

Озеро Иссыкъ-Куль — это величайшiй въ мiрѣ бассейнъ минеральной воды — я ужъ не знаю, какого именно типа. Во всякомъ случаѣ, окрестное населенiе путемъ наружнаго и внутренняго употребленiя его воды излѣчиваетъ всякаго рода катарральныя заболѣванiя. Мы прибѣгали преимущественно къ внѣшнему употребленiю: плавали цѣлыми часами.

Наконецъ, въ Рыбачье пришелъ пароходикъ со скромнымъ наименованiемъ „Чекистъ", погрузился и ушелъ въ Караколу. Угнѣздились на немъ и мы съ Юрой.

Трюмъ и каюты оказались загруженными какимъ-то таинственнымъ грузомъ, какъ оказалось впослѣдствiи, —опiумомъ и оружiемъ для Китайскаго Туркестана. Одна остававшаяся каюта даже и по совѣтскихъ масштабамъ не была достаточно гигiеничной для человѣческаго жилья. Мы съ Юрой устроились на палубѣ и любовались фантастической картиной проплывавшихъ мимо пароходика горъ.

Рядомъ съ нами, на той же палубѣ ѣхало десятка полтора мрачнаго вида киргизовъ. Юра приспособился снимать ихъ своей „Лейкой". Кое-кто изъ этой публики уже былъ посвященъ въ глубокiя тайны фотографiи и съ трогательной настойчивостью просилъ:

— У тебѣ же картина тутъ (и тыкалъ пальцемъ въ „Лейку") дай, пожалуйста, сичасъ дай, деньги платить буду.

О томъ, что снимокъ надо раньше проявить, зафиксировать, отпечатать и высушить, — никто изъ этихъ дѣтей природы не имѣлъ никакого представленія. Юра придумалъ выходъ, который мнѣ показался весьма рискованнымъ, а впослѣдствіи оказался геніальнымъ: онъ раздалъ нашимъ пассажирамъ отпечатанные давеча снимки качкорскихъ и джейлаусскихъ киргизовъ. Снимки произвели потрясающее впечатлѣніе.

Никто изъ киргизовъ самого себя, вѣроятно, никогда и въ зеркалѣ не видѣлъ. Такъ что тотъ фактъ, что на снимкахъ никто совершенно не былъ похожъ на самого себя, что наши первые снимки были произведены на фонѣ горъ, а нынѣшніе — на палубѣ парохода, — оказался совершенно незамѣченнымъ. Единственное сомнѣніе вызвало то обстоятельство, что одинъ изъ присутствующихъ оказался верхомъ на лошади. Сомнѣніе было разсѣяно очень быстро:

— Такъ у тебя конь вѣдь есть?

— Есть, бачка.

— Такъ вотъ онъ тутъ и нарисованъ.

Киргизы смѣялись, хлопали себя по ляжкамъ и даже предложили намъ какой-то гонораръ, собранный между всѣми — преимущественно изъ мѣдяковъ стараго режима. Отъ этого гонорара мы отказались и потомъ долго вели дружественныя бесѣды на темы, непонятныя ни намъ, ни имъ.

Вечерѣло. Пароходикъ мѣрно покачивался на небольшихъ волнахъ. Стало холодно. Мы съ Юрой улеглись на палубѣ, прижались другъ къ другу и заснули.

Проснулся я отъ несильнаго толчка въ плечо. Надъ нами склонились три киргиза. Въ рукахъ у одного былъ револьверъ, у другихъ — ножи. У меня на лбу выступилъ холодный потъ и мелкнула мысль: — нѣтъ, надо было ѣхать прямо въ Москву.

Одинъ изъ киргизовъ наклонился надо мной и шепотомъ сказалъ:

— Бачка, бери лодка, ѣзжай на берегъ, сэйчасъ рѣзыть будемъ.

Юра тоже былъ разбуженъ, смотрѣлъ на происхо-

дящее недоумѣвающимъ взоромъ и судорожно, ощупью искалъ свои очки. Очки были найдены.

Киргизы подвели насъ къ кормѣ пароходика, за которой на недлинной веревкѣ тащилась небольшая спасательная лодочка. Веревку подтянули, лодочка оказалась подъ самой коромой, мы кое-какъ спустились въ нее, одинъ изъ киргизовъ перерѣзалъ веревку своимъ разбойничьимъ ножомъ, и пароходикъ скрылся отъ насъ въ ночномъ туманѣ. Юра подтвердилъ мою мысль:

— Надо было ѣхать прямо въ Москву.

Да, въ Москвѣ оно, конечно, безопаснѣе. Но раньше, чѣмъ добраться до Москвы, надо добраться до берега. Отъ берега до Москвы будетъ, пожалуй, легче.

Такъ сидѣли мы и предавались горькимъ размышленіямъ. Ощупали лодку, нашли одно весло — поломанное и кое-какъ починенное. Оставалось только ждать утра. Издалека, по направленію ушедшаго парохода, донеслось нѣсколько выстрѣловъ: значитъ, начали „рѣзыть". Я утѣшилъ Юру: ни одинъ фотографъ міра не получалъ за свою работу такого чудовищнаго гонорара — свою собственную жизнь. Юру это мало устраивало: лодка качалась, какъ скорлупка, и у него начиналась морская болѣзнь, а этого онъ не любитъ до чрезвычайности.

Наконецъ, стало свѣтать. Южный берегъ постепенно вырисовался верстахъ въ десяти отъ насъ. У Юры лицо стало совсѣмъ зеленымъ, и онъ то и дѣло выразительнымъ движеніемъ склонялся за бортъ. Я сталъ грести. Несмотря на мои усилія, лодка подвигалась весьма медленно. Выломали скамейку — она дѣйствовала лучше этого весла. Когда мы подъѣхали къ берегу на версту-полторы, Юра вдругъ сталъ судорожно раздѣваться:

— Ты это съ чего?

— Я лучше самъ поплыву.

Такого средства отъ морской болѣзни я еще не зналъ. Но оно оказалось дѣйствительнымъ. Лодка же, освобожденная отъ лишней тяжести, пошла быстрѣе, и черезъ полчаса-часъ мы уже уткнулись въ пустынный берегъ, кое-гдѣ поросшій то камышомъ, то мелкимъ кустарникомъ.

Юра, дрожа, какъ въ лихорадкѣ, вылѣзъ на этотъ берегъ и вытащилъ лодку. За нимъ послѣдовалъ и я, захвативъ

всѣ наши вещи. Юра спѣшно одѣлся. Зубы его выколачивали мелкую дробь. Я тоже промерзъ весьма основательно.

Поднялись повыше въ горы, наломали сухихъ вѣтокъ кустарника и разложили костеръ. Когда согрѣлись, стали думать объ ѣдѣ. Увы, на съѣдобномъ фронтѣ дѣло оказалось не очень благополучнымъ. Тамъ были, правда, довольно основательный кусокъ овечьей брынзы, поднесенный намъ товарищемъ Пархоменко, и совсѣмъ небольшой кусокъ хлѣба. Поѣли, посидѣли и подумали: такъ что же дѣлать дальше? Возвращаться въ Рыбачье? Итти въ Караколу? Искать ли жилья поблизости?

По нашимъ подсчетамъ, къ Караколѣ было ближе. Рѣшили итти туда, а если по дорогѣ встрѣтится жилье — завернуть. Пошли. Жилья не встрѣтилось, и ѣсть было нечего. Единственное утѣшеніе, это были своеобразные, уже давно заброшенные киргизскіе „курорты" — ручеекъ минеральной воды, перегороженный плотинкой, и у плотинки — развалившіеся шалаши или мѣста стоянки юртъ. Влѣзешь въ такой прудикъ, тѣло сейчасъ же покрывается милліонами пузырьковъ газа. Вылѣзаешь освѣженнымъ — что было очень пріятно, и съ обострившимся аппетитомъ — что было весьма непріятно: къ концу перваго дня у насъ уже ничего не было, и второй день намъ пришлось итти натощакъ.

Позднимъ вечеромъ второго дня Юрины глаза — болѣе острые, чѣмъ мои—замѣтили вдали какой-то огонекъ. Пошли на огонекъ. Навстрѣчу намъ раздался собачій лай, какая-то фигура поднялась отъ костра, повидимому, съ ружьемъ въ рукахъ, и какой-то голосъ заоралъ:

— Эй, кого тамъ черти несутъ?

Я отвѣтилъ, что черти несутъ своихъ. Поднялось еще нѣсколько фигуръ — тоже съ ружьями. Люди уняли собакъ, мы подошли къ костру и были подвергнуты весьма основательному зрительному ощупыванію. Видъ у насъ былъ не блестящій. Я объяснилъ — не безъ нѣкоторой осторожности: туристы изъ Москвы. Это — марка аполитичная. Если бы я сказалъ „журналистъ", а группа у костра оказалась бы повстанцами, то дѣло могло бы кончиться очень быстро и очень плохо.

Какой-то небольшого роста и очень плотно скроен-

ный человѣчекъ лѣтъ этакъ сорока тоже представился намъ.

— Гео-ботаническая экспедиція Академіи Наукъ.

Стало легче. Человѣчекъ не былъ похожъ на повстанца, а окружающіе его юноши и того меньше. Однако, мы продолжали ощупывать другъ друга взглядами. Человѣчекъ замѣтилъ футляръ на животѣ Юры и потрогалъ его.

— Если я не ошибаюсь — „Лейка"?

— „Лейка", — подтвердилъ Юра.

— Вотъ удивительное явленіе совѣтской природы: Академія Наукъ не можетъ достать разрѣшенія и валюты на выписку „Лейки", а тутъ простые туристы достаютъ. Въ тонѣ его было не то подозрѣніе, не то насмѣшка.

Я пошутилъ:

— Ловкость рукъ и никакого мошенства. Академія дѣйствуетъ оффиціальнымъ путемъ. А есть пути и неоффиціальные.

Юра взмолился:

— Товарищи, мы уже почти два дня ничего не ѣли. Поговоримъ о „Лейкѣ" завтра.

— Василь-Ванычъ, — обратился маленькій человѣчекъ къ одному изъ юношей, — подогрѣйте-ка кондеръ.

— Не стоитъ грѣть, — сказалъ Юра.

— Молодости свойственно нетерпѣніе. Потерпите пять минутъ. Будете ѣсть гречневую кашу съ дикой уткой.

Юра глотнулъ слюну и замолчалъ.

— Ну, что-жъ, — продолжалъ маленькій человѣчекъ, — давайте представимся оффиціально и сядемъ къ костру. Моя фамилія Кондратьевъ (фамилія здѣсь, конечно, вымышлена), я профессоръ... и руководитель этой экспедиціи. А это мои помощники — ботаникъ X, геологъ Y, другой геологъ Z. А это — такъ: примазавшіеся лоботрясы. Туристы, вотъ вродѣ васъ.

Черезъ пять минутъ мы ѣли гречневую кашу съ дикими утками и черезъ минутъ десять-пятнадцать мы спали на кошмѣ въ юртѣ, какъ убитые. У меня было сильное желаніе нѣсколько полежать, подумать и сквозь дыру въ куполѣ юрты посмотрѣть на звѣзды. Изъ этого,

однако, ничего не вышло. Я почувствовалъ себя дома, среди своихъ, и это ощущеніе дома и безопасности сразу, наповалъ, отправило меня на временный тотъ свѣтъ.

* * *

Теперь я постараюсь объяснить, что значатъ всѣ эти безконечныя геологическія, ботаническія, петрографическія, топографическія и прочія экспедиціи. Онѣ представляютъ собою своеобразную разновидность внутренней эмиграціи Россіи. По своимъ функціямъ инструктора туризма я весьма близко стоялъ къ этому дѣлу, и число постоянныхъ участниковъ такихъ экспедицій я опредѣляю цифрой отъ пятидесяти до ста тысячъ: число, какъ видите, не маленькое. Если бы я не собирался предпринять маленькую экспедицію изъ Совѣтской Россіи вообще, я бы занялся именно этой работой.

Бытъ такой экспедиціи, въ среднемъ, складывается такъ: весь конецъ зимы и начало весны ея руководители бѣгаютъ по безконечнымъ совѣтскимъ заведеніямъ и достаютъ: мандаты, продовольствіе, оружіе, инструменты, фото-аппараты, медикаменты, письма отъ соотвѣтствующихъ московскихъ властей къ соотвѣтствующимъ мѣстнымъ (напримѣръ — о предоставленіи верблюдовъ) и, когда мытарства эти вчернѣ закончены (на-бѣло они не бываютъ закончены никогда), то вся компанія, почти всегда уже спаянная предыдущими походами, весело усаживается въ вагонъ и катитъ: на Лену, на Алтай, на Памиръ, на Кавказъ — соотвѣтствующихъ пустынныхъ мѣстъ въ Россіи имѣется вполнѣ достаточное количество.

Шесть-восемь мѣсяцевъ въ году такая компанія цыганствуетъ по степямъ, горамъ и лѣсамъ, будучи на это время внѣ совѣтской власти: все-таки передышка. Живетъ, какъ говаривалъ мнѣ одинъ изъ такихъ старыхъ „экспедиторовъ" — проф. А., „мандатами, охотой и морскимъ разбоемъ". По мандатамъ получаютъ кое-какой хлѣбъ въ мимоѣзжихъ исполкомахъ, занимаются охотой, что же касается морского разбоя, то онъ относится къ разряду поэтическихъ преувеличеній.

Такъ эта компанія цыганствуетъ до поздней осени. Поздней осенью она возвращается въ Москву и Петербургъ и всю зиму занимается „обработкой матеріаловъ". Съ весны все начинается сначала. Бѣготня, хлопоты, мытарства и, наконецъ, вагонъ, въ которомъ всѣ вздыхаютъ свободно: слава Тебѣ, Господи, вырвались.

Нужно сказать правду: эти экспедиціи даютъ совѣтской власти очень много. Одна изъ нихъ, напримѣръ, открыла гелій въ окрестностяхъ Алма-Аты — откуда и произошло скоро забытое совѣтское увлеченіе дирижаблестроеніемъ. Но еще бòльшаго — они давать не хотятъ. Одинъ изъ моихъ знакомыхъ, руководитель вотъ такой же экспедиціи, какъ-то говорилъ мнѣ:

— Вотъ, батенька, въ бывшемъ N-скомъ уѣздѣ мы такія золотыя мѣсторожденія нашли, что Трансвааль можно обставить.

— Получите теперь орденъ Ленина.

— То-есть, отъ кого это?

— Отъ правительства.

— То русское правительство, которому я это мѣсторожденіе открою, орденовъ Ленина выдавать не будетъ. За ордена Ленина оно будетъ вѣшать. Будетъ, такъ сказать, жаловать орденомъ Ленина *за* шею...

. . . Я не думаю, чтобы до свѣдѣнія совѣтской власти доводилась хотя бы половина этихъ открытій. Самыя цѣнныя изъ нихъ скрываются. Во-первыхъ, изъ чисто контръ-революціонныхъ соображеній. Во-вторыхъ, изъ соображеній личнаго характера — при будущемъ русскомъ правительствѣ можно будетъ сдѣлать заявку—и, въ третьихъ, изъ соображеній безопасности. Вотъ вы открыли мѣсторожденіе нефти. Вамъ дадутъ тысячу рублей награды и какой-нибудь орденъ почета и назначатъ чѣмъ-нибудь завѣдывать въ будущемъ предпріятіи. А черезъ полгода-годъ пошлютъ въ Соловки за вредительство. Такъ, что въ общемъ публика предпочитаетъ умалчивать. Но такъ какъ и передъ совѣтскимъ правительствомъ все-таки какъ-то нужно оправдать мандаты и пайки, то кое-что приходится выдавать. Дѣлается это обычно съ большой неохотой.

. . . Эти экспедиціи включаютъ въ себя отъ 50 до 100 тысячъ своеобразныхъ русскихъ „штабсъ-капитановъ“, въ большинствѣ случаевъ великолѣпныхъ наѣздниковъ, моряковъ, стрѣлковъ, охотниковъ и такъ далѣе. Это — не мѣшаетъ знать.

*
* *

Вотъ поэтому-то я и спалъ съ такимъ спокойствіемъ души. Разбудилъ меня веселый шумъ. Профессоръ Кондратьевъ отдавалъ утреннія распоряженія. Отдавались они въ такомъ тонѣ:

— Не считаете ли вы, Василій Ивановичъ, весьма целѣсообразнымъ пройти вотъ на тотъ склонъ и взять тамъ образцы породъ?..

Юра еще спалъ. Я вылѣзъ изъ юрты и осмотрѣлся. Уже горѣлъ костеръ, надъ костромъ висѣлъ котелъ, ароматъ котораго не снился никакому Коти. У костра и около костра хлопотало пять человѣкъ личнаго состава экспедиціи, а проф. Кондратьевъ сидѣлъ на верблюжьемъ сѣдлѣ, курилъ коротенькую трубочку, которую онъ проковыривалъ спичкой каждую минуту, и раздавалъ отеческіе совѣты:

— А вамъ, Иванъ Петровичъ, я бы посовѣтовалъ спуститься вотъ въ эту балку и взять образцы водяныхъ растеній.

Порядка особеннаго не было. У юрты стояли ящики съ гербаріями и съ образцами породъ. Оружіе, какъ мнѣ показалось, валялось гдѣ попало; впослѣдствіи оказалось, что оружіе клали такъ, чтобы оно у каждаго было подъ руками. Лежали четыре верблюда, и два ослика мирно пощипывали травку. Стояло изумительное горное утро: небо — безъ единаго облачка и воздухъ — насыщенный ароматомъ весеннихъ горно-степныхъ травъ. Въ смыслѣ аромата это, какъ говорятъ химики, былъ насыщенный растворъ: дальше некуда.

Проф. Кондратьевъ поднялъ на меня свои чуть-чуть монгольскіе глазки и спросилъ:

— Ну, какъ, товарищъ туристъ, отоспались?

— Промфинпланъ выполненъ на тысячу процентовъ.

Мы посмотрѣли другъ на друга и, какъ это бываетъ почти всегда у подсовѣтскихъ и антисовѣтскихъ людей, поняли другъ друга по какимъ-то трудно уловимымъ признакамъ — вотъ ироническая морщинка въ уголкѣ глаза, вотъ легкая, почти неуловимая интонацiя въ словѣ „товарищъ", вотъ небольшое движенiе папиросой или трубкой. И — все понятно.

У масоновъ есть свои опознавательные знаки — особый способъ рукопожатiя и все такое въ этомъ родѣ. Все это, повидимому, весьма элементарно. Подсовѣтскiе опознавательные знаки слишкомъ, я бы сказалъ, художественны, чтобы ихъ могъ уловить партiйный взглядъ и партiйный мозгъ. Это — нѣсколько высшая школа...

Итакъ, съ проф. Кондратьевымъ мы обмѣнялись нѣсколькими такими опознавательными знаками. Я разсказалъ кое-что о себѣ: „Вотъ разъѣзжаю по Руси и потомъ пишу халтуру." — „А какъ вы сюда попали?" — Я разсказалъ.

— А знаете — это получается очень невеселая халтура! Вамъ, напримѣръ, не приходило въ голову, что въ дѣлѣ захвата парохода обвинятъ и васъ. Тамъ, вѣроятно, перерѣзали всѣхъ — почему это съ вами такъ предупредительно обошлись?

Такого рода идея мнѣ, дѣйствительно, въ голову не приходила. Если разсказать въ любой чрезвычайкѣ исторiю съ моими фотографическими снимками, такъ все равно никакая чрезвычайка этому не повѣритъ — не хватитъ фантазiи. Я закурилъ папиросу и сталъ раздумывать. Профессоръ смотрѣлъ на меня сочувственнымъ и чуть-чуть ироническимъ взглядомъ. Потомъ онъ проковырялъ свою трубку спичкой, затянулся и сказалъ:

— Я уважаю народную мудрость: утро вечера мудренѣе. Что-нибудь придумаемъ. Хотите съ нами поболтаться.

Я согласился съ великимъ удовольствiемъ. Изъ юрты вылѣзъ заспанный Юра. Пошли на какой-то родничекъ и кое-какъ помылись. Вернулись и принялись за кондеръ. Послѣ завтрака вся компанiя начала разбредаться. У меня было дурацкое ощущенiе ненужнаго человѣка.

— Ну, — сказалъ профессоръ, — вамъ прежде всего нужно отдохнуть. Вы знакомы съ ботаникой?

Я вынужденъ былъ признаться, что ни въ ботаникѣ, ни въ геологіи, ни въ топографіи, ни въ этнографіи я не понимаю рѣшительно ничего, а Юра, поскольку это технически возможно, понимаетъ еще меньше.

— Я могу варить кондеръ, — сказал Юра.

— Что-жъ и это дѣло. А вы, И. Л., не можете ли быть у насъ штатнымъ фотографомъ. У васъ есть „Лейка“, а мы мучаемся съ совѣтскими пластинками. А пленки вы оставите намъ, мы ихъ потомъ въ Москвѣ проявимъ.

Это предложеніе насъ устраивало вполнѣ. Черезъ полчаса вся компанія разошлась. Юра, вооруженный на всякій случай винтовкой, остался въ лагерѣ варить обѣдъ. Я съ геологомъ У. пошелъ фотографировать какое-то геологическое смѣщеніе или что-то въ этомъ родѣ. На всякій случай и я былъ снабженъ двустволкой.

Вернулись къ обѣду. Кондеръ, сваренный Юрой, оказался на высотѣ. Послѣ обѣда Юра попросилъ разрѣшенія взять двустволку и отправился на какую-то лужицу стрѣлять утокъ. Принесъ двухъ. Профессоръ подозрительно справился:

— А сколько патроновъ вы истратили?

— Три.

— Ну это, еще подходяще: патроны у насъ на большомъ счету.

Такъ протекло нѣсколько дней нашего пребыванія въ этой геологическо-ботаническо-фантастической экспедиціи. Съ каждымъ днемъ мы все больше сживались съ ея участниками и съ каждымъ днемъ мнѣ все навязчивѣе приходили на умъ стихи совѣтскаго поэта:

„Дѣлать бы гвозди изъ этихъ людей—
Крѣпче бы не было въ мірѣ гвоздей“.

* * *

Съ этой экспедиціей мы околачивались дней десять. Я въ ней приспособился на амплуа фотографа, Юра — на должность кашевара. Оба мы чувствовали себя, какъ

рыбы въ водѣ. Юра варилъ кандеръ, я дѣлалъ фотографіи, экспедиція продвигалась все дальше и дальшс къ востоку; въ часы, свободные отъ „служебныхъ занятій“, мы пострѣливали горныхъ курочекъ (безъ большого успѣха) и еще одинъ разъ попытались поохотиться на архара — тутъ ужъ успѣха не было вовсе никакого.

Профессоръ Кондратьевъ только посмѣивался, глядя на наши тщетныя усилія (самъ онъ былъ первокласснымъ стрѣлкомъ), и въ одинъ изъ вечеровъ у костра далъ мнѣ спасительный совѣтъ.

Совѣтъ этотъ сводился къ слѣдующему:

Мы, дескать, являемся членами экспедиціи. Ни съ какимъ пароходомъ мы никакого дѣла не имѣли. Экспедиція дойдетъ до Караколы, а оттуда мы спѣшно уѣзжаемъ въ Москву — но только уже не черезъ Рыбачье и Пришпекъ, а черезъ Алма-Ату...

— Вы понимаете, — сказалъ мнѣ профессоръ Кондратьевъ, — что если васъ начнутъ допрашивать объ исторіи съ пароходомъ, то доказательство того факта, что вы — не верблюдъ, представитъ нѣкоторыя затрудненія.

Насчетъ нѣкоторыхъ затрудненій я никакихъ иллюзій не питалъ. Затрудненія, дѣйствительно, могли быть. Одинъ ихъ варіантовъ такихъ затрудненій заключался въ томъ, что насъ по-просту могли разстрѣлять по обвиненію въ соучастіи въ басмаческомъ возстаніи. Вещи такого рода довольно просто дѣлаются въ Москвѣ, а ужъ о Киргизіи и говорить нечего. Попадись только въ руки вотъ этакому Пархоменкѣ — размѣняетъ за здорово живешь, и потомъ времени для доказательства не-верблюжьяго происхожденія уже не останется. Я опять начиналъ сожалѣть о Москвѣ: дернулъ же насъ чортъ ввязаться въ такой переплетъ!..

Совѣтъ профессора Кондратьева былъ принятъ съ благодарностью. Мы оказались научными работниками экспедиціи: я — геологомъ, а Юра — энтомологомъ. Долженъ сознаться, что я въ геологіи силенъ точно такъ же, какъ Юра въ энтомологіи: даже и экзаменовать не стоитъ.

Но у профессора Кондратьева нашлись запасные

бланки, снабженныя на всякій совѣтскій случай печатями и подписями, и мы въ одинъ вечеръ были возведены въ рангъ „научныхъ работниковъ".

Это былъ очень беззаботный періодъ нашей жизни. Ни о чемъ не нужно было думать, кромѣ, правда, вопроса о пароходѣ, но и этотъ вопросъ какъ будто былъ рѣшенъ. Профессоръ Кондратьевъ не оставлялъ насъ безработными, такъ что мы и какіе-то тамъ камни раскалывали, и какія-то травы сушили и время отъ времени ходили на охоту.

Юра все время былъ охваченъ честолюбивой идеей ухлопать архара — горнаго козла — предпріятіе, которое намъ въ Качкоркѣ не удалось.

Какъ-то онъ замѣтилъ стадо архаровъ на гребнѣ горы, и по этому поводу мы вооружились двумя винтовками и попытались это стадо перехватить. Нѣсколько разъ промазали и потомъ воочію убѣдились въ томъ, что въ качествѣ ходоковъ по горамъ — мы горнымъ баранамъ никакіе не конкурренты. И въ довершеніе всего — заблудились. Плутали, плутали и только уже къ ночи Юра замѣтилъ огонекъ костра, и мы пришли въ маленькій лагерь научно-изслѣдовательской экспедиціи полумертвые отъ усталости.

Въ лагерѣ не было поставлено ни юрты, ни палатки. Публика спала подъ открытымъ небомъ, на кошмахъ. Профессоръ Кондратьевъ недовольно поднялъ свою голову и слегка выругался: такъ я и зналъ, что вы заблудитесь. У костра лежалъ на животѣ дежурный по лагерю, и рядомъ съ нимъ лежала винтовка: мало ли что можетъ быть. Дежурный по лагеру предложилъ намъ разогрѣть на кострѣ кашу. Юра сообщилъ, что онъ смертельно голоденъ, но каши онъ дождаться не сумѣлъ. Думаю, что онъ заснулъ въ моментъ перехода изъ стоячаго в лежачее положеніе. Во всяком случаѣ, когда онъ прилегъ на землю въ ожиданіи каши, то черезъ нѣсколько секундъ выяснилось, что онъ спитъ непробуднымъ сномъ.

Ночи въ горахъ довольно холодны. Я и „дежурный по лагерю" перекатили Юру на кошму и покрыли его

другой кошмой. Мнѣ не хотѣлось ни есть, ни спать — слишкомъ усталъ.

Дежурный по лагерю былъ юношей лѣтъ двадцати пяти. Небольшого роста, но очень крѣпко сшитый, онъ производилъ впечатлѣніе какой-то спокойной и концентрированной силы. „Дежурный по лагерю" — его почему-то звали Чижикомъ—лѣниво подбрасывалъ какіе-то сучья въ костеръ и напряженно вслушивался въ ночную тишину: эта тишина въ любой моментъ могла быть прервана и волками, и басмачами. У Чижика было лѣниво-настороженное лицо, и на этомъ лицѣ — сознаніе важности возложенной на него задачи.

Задача, конечно, была важна. Я уже потомъ узналъ, что въ то время, когда мы съ нимъ лежали у костра, отряды киргизскихъ повстанцевъ вырѣзали нѣсколько совхозовъ вокругъ Иссыкъ-Куля. Но, какъ оказалось, данная экспедиція весьма мирно уживалась съ самыми разнообразными „бандами": снабжала ихъ махоркой, а иногда и патронами, повстанцы относились къ ней весьма, такъ сказать, либерально; но могли быть и нѣкоторыя опечатки: сначала зарѣжутъ, а потомъ будутъ разбирать. Поэтому ночныя дежурства были весьма отвѣтственной вещью.

Мнѣ спать не хотѣлось. Я подобрался къ костру и тоже улегся на животѣ рядомъ съ Чижикомъ. Ночь была звѣздная и, я бы сказалъ, совершенно беззвучная. Только чуть-чуть потрескивалъ костеръ и похрапывалъ кое-кто изъ „научныхъ работниковъ".

Съ Чижикомъ мы за это время успѣли познакомиться болѣе или менѣе близко. Онъ повернулся на на бокъ, посмотрѣлъ на меня испытующимъ взоромъ и конфиденціально спросилъ:

— Что, тоже скрываетесь?

Я не скрывался, о чемъ и сообщилъ Чижику. По формѣ и тону этого вопроса было видно, что самъ-то Чижикъ скрывается, но . . . Но, конечно, спрашивать объ этомъ было неудобно. Чижикъ облокотился на свою загорѣлую руку, посмотрѣлъ на меня чрезвычайно внимательно и съ видомъ облегченія сказалъ:

— А вы все-таки на прохвоста не похожи.

Мнѣ ничего не оставалось, какъ поблагодарить за столь лестное обо мнѣ мнѣніе. Но моей ироніи Чижикъ не замѣтилъ.

— Очень ужъ много прохвостовъ развелось сейчасъ у насъ.

— Не такъ много, какъ вы думаете.

— Много.

— Стрижено — брито.

— Я буду отстаивать другую точку зрѣнія. Прохвостовъ, пожалуй, даже меньше, чѣмъ было, напримѣръ, до войны. Но раньше прохвостъ скрывался. Теперь онъ, такъ сказать, оффиціальное лицо. Онъ организованъ въ государственную власть. А впрочемъ, все зависитъ отъ того, кого именно называть прохвостами.

— Ну, вы сами знаете.

— Думаю, что знаю.

Помолчали. Чижикъ подбросилъ въ костеръ какихъ-то сучьевъ...

— Вы все-таки хоть немного мирнаго времени видали..

— Не очень много...

— Ну, а все-таки. А вотъ наше поколѣніе расхлебываетъ ваши грѣхи полной ложкой. Я вотъ, напримѣръ, даже и на зиму въ Москву не ѣзжу.

— Стоитъ ли спрашивать, почему именно?

— Стоитъ. Мы съ ребятами къ вамъ уже присмотрѣлись. Сказать по правдѣ — такъ въ вашу исторію съ побѣгомъ съ парохода мы не очень вѣримъ.

— Возможно. Но представьте себѣ, что она все-таки изложена съ почти фотографической точностью.

Чижикъ пожалъ плечами:

— Да, конечно... Если бы любой изъ насъ сталъ бы разсказывать свои исторіи, — тоже трудно было бы повѣрить. Мы живемъ въ неправдоподобное время. Я, напримѣръ...

— А вы не разсказывайте.

— Почему?

— Во-первыхъ, вы меня толкомъ не знаете. Во-вторыхъ, если, допустимъ, въ нѣкоторомъ заведеніи меня будутъ допрашивать „по третьему градусу", то, не зная

ничего, — ничего я не могу сказать. А если буду знать? Трудно за себя поручиться въ такихъ случаяхъ.

Чижикъ посмотрѣлъ на меня еще внимательнѣе.

— У васъ, вѣроятно, не очень плохой конспиративный стажъ.

— Давайте не будемъ говорить и о конспиративномъ стажѣ.

Чижикъ полѣзъ рукой въ карманъ своихъ рваныхъ и грязныхъ брюкъ, досталъ трубку и кисетъ съ махоркой; мы молча закурили. Чижикъ, съ трубкой въ зубахъ, мечтательно уставился въ огонь костра.

— Да, а все-таки кашу заварили вы. Расхлебывать приходится намъ.

— И мнѣ пришлось хлебнуть.

Чижикъ снова помолчалъ.

— Мнѣ кажется, что мы васъ раскусили. Когда съ человѣкомъ проживешь пять лѣтъ въ городѣ, — ни черта о немъ не узнаешь. Когда проживешь съ нимъ недѣлю въ лагерѣ, — какъ стеклышко.

— Что вы подъ этимъ стеклышкомъ увидали?

— А мы увидали, что вы контръ-революціонеръ.

Я сказалъ „гм"... Что мнѣ оставалось говорить?

— Вы понимаете, что если Андрей Андреевичъ (проф. Кондратьевъ) даетъ вамъ завѣдомо фальшивые документы, — значитъ мы довѣряемъ вамъ всѣ. Было общее собраніе. Проголосовали. Я зачѣмъ это говорю?—А вотъ зачѣмъ: „контръ-революціонеры всѣхъ странъ объединяйтесь".

— Хоть бы однимъ русскимъ контръ-революціонерамъ удалось объединиться!

— Удастся. Конечно, не сразу. Но намъ нужно научиться узнавать друга съ перваго взгляда..

— Откровенничаете?

Я даже вздрогнулъ отъ неожиданности. Сзади къ намъ подошелъ профессоръ Кондратьевъ. Онъ спокойно усѣлся у костра, вынулъ изъ кармана трубку и посмотрѣлъ со своей всегдашней лукавинкой въ чуть-чуть монгольскихъ глазахъ — сначала на Чижика, потомъ на меня. Я сказалъ, что особенно разоткровенничаться мы еще не успѣли. Профессоръ досталъ изъ костра горящій сукъ,

прикурилъ свою трубку, тщательно запихнулъ сукъ обратно въ костеръ и какъ-то быстро и рѣзко обернулся ко мнѣ.

— Но намъ съ вами придется пооткровенничать. Это опасно. Я знаю. Можете ли вы въ Москву передать одинъ пакетъ?

Я нѣсколько растерялся. Во-первыхъ — какой пакетъ, во-вторыхъ — кому, въ третьихъ — съ какой цѣлью?

Профессоръ смотрѣлъ на меня въ упоръ, и его глаза сузились до щелочекъ.

Я подумалъ и спросилъ:

— А скажите, пожалуйста, что вы, собственно, такое: научная экспедицiя или повстанческiй отрядъ?

— Какъ говорится въ старинномъ анекдотѣ — „и того, и другаго по тарильцѣ".

— На какомъ основанiи вы рѣшаетесь довѣрять мнѣ, повидимому, рискованное дѣло?

— Рискъ получается въ обоихъ случаяхъ. Но за эту недѣлю мы васъ успѣли прощупать весьма внимательно. Напримѣръ — ваши негативы.

— А вы ихъ видали?

— Обязательно. Пока вы съ сыномъ на охоту ходили.

— И что вы тамъ нашли?

— Если васъ съ вашими негативами поймаетъ ГПУ, то вамъ сильно не поздоровится.

Негативы были такого типа, что отъ нихъ, дѣйствительно, сильно не поздоровилось бы.

— Значитъ, устраивали обыскъ? — спросилъ я.

— А то какъ же иначе?

Конечно, иначе дѣлать было, въ сущности, нельзя. Чижикъ почелъ своимъ долгомъ извиниться и оправдаться. Ни то, ни другое не было нужно. Конечно, эта научно-повстанческая экспедицiя обязана была провѣрить, кто именно попалъ къ ней столь необычнымъ образомъ. Но я все-таки былъ въ нѣкоторомъ замѣшательствѣ.

Профессоръ посмотрѣлъ на меня вдумчиво и прокзительно.

— Положеніе создается такое: мы вамъ довѣряемъ, а вы намъ не довѣряете.

Я неопредѣленно пожалъ плечами: провезти неизвѣстнаго содержанія пакетъ и отъ неизвѣстныхъ мнѣ людей отъ озера Иссыкъ-Куль въ Москву было предпріятіемъ чрезвычайно рискованнымъ... Профессоръ еще разъ оглядѣлъ меня, потомъ всталъ и ушелъ ковыряться въ своемъ багажѣ. Чижикъ посмотрѣлъ на меня весьма неодобрительно:

— И чего это вы кочевряжитесь?

Я скромно сознался въ томъ, что я очень стрѣляный воробей.

— Всѣ мы стрѣляные, — отвѣтилъ Чижикъ. — Да еще — какъ!

— Гдѣ же это вы успѣли?

— Успѣли. Вы думаете — мы только для собственнаго удовольствія толчемся тутъ, въ Киргизіи?

Я отвѣтить не успѣлъ. Профессоръ Кондратьевъ снова подошелъ къ костру и разложилъ на землѣ какой-то листъ. Листъ оказался географической картой.

— Мнѣ приходится разсѣивать ваше недовѣріе. Вотъ, смотрите: что нашла наша экспедиція и о чемъ совѣтская власть не узнаетъ ни слова.

Я, конечно, не могу говорить о томъ, что было помѣчено на этой картѣ. Профессоръ сложилъ ее и сказалъ:

— Все это для будущей Россіи. Теперь вы довѣряете?

Не довѣрять уже было нельзя.

Я взялъ пакетъ. Впослѣдствіи я передалъ его по указанному мнѣ московскому адресу. Когда мы вернемся въ Россію, я, можетъ быть, узнаю, что именно въ немъ находилось. Сейчасъ я этого не знаю.

Мы сидѣли у костра, курили и молчали. Потомъ профессоръ сказалъ, обращаясь къ Чижику:

— Я бы настоятельно рекомендовалъ бы вамъ пойти спать.

— А какъ же съ дежурствомъ, Андрей Андреевичъ?

— Я спать не буду. Посижу вмѣсто васъ. Только передайте мнѣ мою винтовку.

Профессоръ пользовался среди остальныхъ сочленовъ этой таинственной экспедиціи неограниченнымъ авторитетомъ. Чижикъ поднялся, принесъ винтовку, по дорогѣ провѣрилъ—заряжена ли она, и почтительно передалъ ее профессору. Видъ у Чижика былъ нѣсколько смущенный.

— Ну, чего вы мнетесь?

— Если разрѣшите, Андрей Андреевичъ, я еще посижу.

— Ну, и сидите.

Чижикъ сѣлъ у костра, по-турецки поджавъ подъ себя ноги. Но сидѣть пришлось недолго. Въ горной степи раздался конскій топотъ, и черезъ нѣсколько секундъ весь лагерь былъ на ногахъ.

На ногахъ, онъ, впрочемъ, былъ тоже только нѣсколько секундъ. Сейчасъ же всѣ отползли отъ костра въ темноту. Меня и Юру наспѣхъ снабдили двустволками, которыя въ данныхъ условіяхъ—въ ночи, въ темнотѣ — были нѣсколько рентабельнѣе трехлинеекъ. Одно было плохо: даже днемъ по близорукости своей я не вижу мушки на концѣ ствола. Ночью — это было еще хуже.

Конскій топотъ остановился шагахъ въ ста отъ лагеря, и какой-то гортанный голосъ что-то прокричалъ, вѣроятно, по-киргизски. Въ отвѣтъ изъ тьмы раздался спокойный отвѣтъ профессора — какъ оказалось позже — тоже по-киргизски.

Къ костру подъѣхало около полудюжины всадниковъ, вооруженныхъ чѣмъ попало. У двухъ были англійскія винтовки военнаго образца, но зато у одного была даже и кремневка. Всадники спѣшились, и между ними и профессоромъ произошелъ короткій, но довольно оживленный обмѣнъ мнѣній на совершенно непонятномъ мнѣ языкѣ. Потомъ всадники сѣли на коней и ускакали въ ночь, въ степь. Юра нѣсколько минутъ постоялъ со своей двустволкой, потомъ подошелъ къ своей комшѣ и не легъ, а просто свалился. Остальные послѣдовали его примѣру. У костра остались только мы трое: профессоръ, Чижикъ и я. Вопросовъ о темѣ таинственныхъ переговоровъ я, конечно, задавать не сталъ. И профессоръ не счелъ нужнымъ, что бы то ни было сообщить мнѣ о

таинственной ночной встрѣчѣ. Потомъ профессоръ, какъ бы продолжая разговоръ на тему, которая раньше и вовсе не затрагивалась, сказалъ:

— Въ нѣкоторой степени революціи все-таки оправдываются...

Я удивленно воззрился на него:

— Позвольте, но вѣдь вы, насколько я успѣлъ понять, — контръ-революціонеръ?

— Да. И самаго крайняго толка.

— Какъ это совмѣстить?

— Очень просто: бей русскаго — часы сдѣлаетъ. Насъ бьютъ безчеловѣчно. Но часы мы сдѣлаемъ. Если будетъ настоящее русское правительство...

Чижикъ какъ-то безпокойно заерзалъ и почтительно прервалъ.

— Простите, Андрей Андреевичъ, развѣ можно говорить объ „если“. Конечно, будетъ.

Профессоръ обратилъ очень мало вниманія на эту реплику, но свою фразу повторилъ въ нѣсколько другомъ варіантѣ:

— *Когда* будетъ настоящее русское правительство, *мы* ему дадимъ чудовищныя богатства.

Объ этихъ чудовищныхъ богатствахъ я уже коечто зналъ: уже зналъ, что въ той же Киргизіи найдены и мѣдь, и свинецъ, и золото, и даже гелій. О геліи совѣтская власть, къ сожалѣнію, освѣдомлена. Объ остальныхъ богатствахъ — не знаетъ ничего.

— Видите ли, — продолжалъ профессоръ раздумчиво, — процессъ битья удовольствія не доставляетъ. Но дореволюціонная Россія слишкомъ облѣнилась и зажирѣла. Теперь у насъ остались: кожа, кости и мускулы.

Я посмотрѣлъ на профессора и внутренне согласился съ тѣмъ, что, кромѣ кожи и костей, мускулы у него, дѣйствительно, есть.

— А что касается васъ, — сказалъ профессоръ совершенно равнодушнымъ тонкомъ, — то бѣжать черезъ Персію я вамъ не совѣтую. Лучше ужъ попробуйте черезъ Амуръ.

Я отъ удивленія даже перевернулся на бокъ и уставился въ профессора.

Дѣло заключалось въ томъ, что реальной цѣлью нашей поѣздки была развѣдка персидской границы южнѣе Асхабада. Планъ нѣкоторыхъ, такъ сказать, прелиминарныхъ экскурсій — вотъ вродѣ качкорской — былъ составленъ съ такой цѣлью: объѣхать всю Среднюю Азію, запастись всякими письмами, знакомствами, рекомендаціями и прочимъ и къ границѣ подъѣхать, такъ сказать, во всеоружіи. И вотъ, теперь, какъ снѣгъ на голову, — открытіе профессора Кондратьева...

— Откуда вы это взяли?

— Сумма косвенныхъ доказательствъ. Вашъ предполагаемый маршрутъ, письма вашей жены — вы напрасно держите такія вещи въ спинномъ мѣшкѣ; потомъ, мы съ вами, кажется, видались когда-то въ редакціи „Новаго Времени“.

У меня отвратительная память на лица — вѣроятно, вслѣдствіи моей близорукости. И объ этой встрѣчѣ я ничего вспомнить не могъ.

— Ну, это не важно, — сказалъ Андрей Андреевичъ. — А на нашъ обыскъ вы, я надѣюсь, не обижаетесь?

Вмѣсто отвѣта я задалъ вопросъ:

— А вы увѣрены, что среди членовъ вашей экспедиціи нѣтъ сексота?*)

— Мы работаемъ вмѣстѣ нѣсколько лѣтъ. Если бы къ намъ попался сексотъ, то я не имѣлъ бы удоволствія съ вами разговаривать. Но мы обязаны были провѣрить, не сексотъ ли и вы...

Конечно, обязаны были. Обижаться тутъ было совершенно нечего... Теперь у меня есть весьма вѣскія основанія благодарить проф. Кондратьева за этотъ обыскъ. Очень вѣроятно, что онъ спасъ намъ жизнь.

Мы просидѣли у костра всю ночь. Оказалось, что Среднюю Азію профессоръ знаетъ вдоль и поперекъ. И въ числѣ совѣтовъ, данныхъ имъ мнѣ, былъ и такой: ни въ какомъ случаѣ не пытаться бѣжать черезъ персидскую границу.

Мы бѣжали черезъ финляндскую. Но нашъ первоначальный проэктъ имѣлъ въ виду персидскую границу.

---

*) Секретный сотрудникъ ОГПУ.

около городка Карагола, южнѣе Асхабада. Если бы не встрѣча съ профессоромъ Кондратьевымъ, — мы бы и остановились на этомъ варіантѣ. Это здѣсь, въ эмиграціи, я прочелъ злоключенія Вартанова, и только на этихъ дняхъ (я пишу эти строки 25 іюня 1937 года) я получилъ изъ Персіи письмо нашего читателя и нашего сотоварища по побѣгу: онъ съ женой послѣ побѣга черезъ персидскую границу просидѣлъ въ персидской тюрьмѣ три съ половиной года — пока велись переговоры о выдачѣ ихъ совѣтскимъ властямъ. Ихъ не выдали. Но просидѣть въ тюрьмѣ три съ половиной года въ ожиданіи выдачи — то-есть, смертной казни — это удовольствіе не слишкомъ большое.

... Закономѣрность въ жизненныхъ дѣлахъ — вещь трудно уловимая, даже если она и существуетъ. Очень вѣроятно, что фантастическая эта встрѣча предопредѣлила судьбу всей нашей семьи. Но на основаніи какой закономѣрности и какой логики можно было такую встрѣчу предположить?

Уже почти на разсвѣтѣ профессоръ сказалъ, что пора будить ребятъ и свертывать лагерь: нужно было спѣшно перекочевывать въ другія мѣста. Я поставилъ эту спѣшность въ связь съ ночнымъ визитомъ таинственныхъ всадниковъ, но ничего не спросилъ.

Черезъ два дня экспедиція доставила насъ въ нѣкое мѣсто, откуда до желѣзной дороги мы доѣхали на грузовикѣ. На прощанье мы крѣпко, по-русски перецѣловались со всѣми представителями этой таинственной научно-повстанческой экспедиціи, профессоръ Кондратьевъ еще разъ подтвердилъ мнѣ, что отъ пакета зависитъ жизнь нѣсколькихъ людей и обѣщалъ по прибытіи въ Москву зайти ко мнѣ въ Салтыковку. Такое же обѣщаніе дали и другіе члены экспедиціи.

Никто не зашелъ. Мои попытки что-нибудь узнать о дальнѣйшей ея судьбѣ кончились полнымъ проваломъ: ничего не узналъ. Погибла ли она по недоразумѣнію отъ повстанческихъ пуль, или — не по недоразумѣнію — отъ чекистскихъ наганов, переправилась ли она отъ

Иссыкъ-Куля куда-нибудь въ Китайскій Туркестанъ — такъ я и не знаю.

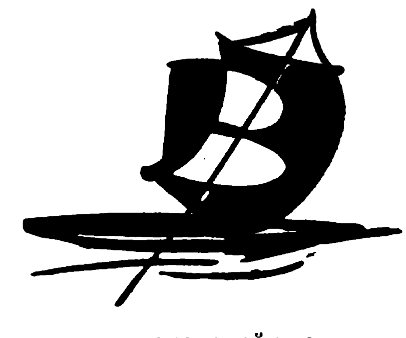
Но если она погибла, то съ нею погибли очень большія русскія цѣнности: семеро людей, выкованныхъ изъ желѣза, и карта золотыхъ мѣсторожденій Киргизіи.

ОТКРЫВАТЕЛИ НОВЫХЪ ЗЕМЕЛЬ

МОРСКІЯ ВОЛЧИЦЫ

ОТКРЫВАТЕЛИ НОВЫХЪ ЗЕМЕЛЬ

МОРСКІЯ ВОЛЧИЦЫ

МОЕЙ микроскопической комнатушкѣ, въ Москвѣ, на Тверской, 75, кое-какъ приноровленной для жилья изъ бывшей ванной, было накурено до отказа. Короткая ночь московской весны уже подходила къ концу. Я посмотрѣлъ на часы — было около половины четвертаго. Это значило, что въ теченіе почти семи часовъ пытался я вдолбить въ два упрямыхъ восемнадцатилѣтнихъ дѣвичьихъ черепа мысль о томъ, что карьера „морского волка", при всей ея занимательности (можетъ быть...) и романтичности (весьма сомнѣваюсь...), для человѣка женскаго пола — карьера совсѣмъ неподходящая.

Запасы моихъ аргументовъ, краснорѣчія и терпѣнія были уже исчерпаны до дна. Мися сидѣла, заложивъ нога за ногу и болтая въ воздухѣ красноармейскимъ сапогомъ, попивала водку и тянула махорочную собачью ножку. Къ моимъ папиросамъ Мися отнеслась пренебрежи-

тельно: дамское курево. Ея спутанные волосы падали на упрямый, нелѣпо наморщенный лобъ, а глазами Мися уставилась куда-то внизъ, въ полъ, и за все время нашей дискуссіи не взглянула на меня, кажется, ни разу.

Шура водки не пила, махорки не курила — сидѣла и грызла своими бѣличьими зубами сахаръ (лакомство!). Обѣ будущія морскія волчицы твердо стояли на своемъ: онѣ будутъ капитанами дальняго плаванья. Поѣдутъ въ Ленинградъ. Поступятъ въ какую-то штурманскую школу...

— Да вѣдь не примутъ же васъ...

— Пусть только попробуютъ,—мрачно сказала Мися...

Шура не говорила почти ничего и въ мою аргументацію вмѣшивалась только изрѣдка — подзадоривающими и насмѣшливыми междометіями. Мися бубнила уныло и упорно: хватитъ, попили нашей кровушки, все хорошее вы (то-есть, мужчины) поразбирали себѣ — намъ (то-есть женщинамъ) одни огрызки остались. Теперь-то ужъ послѣ, революціи мы вамъ покажемъ...

Впрочемъ, въ ряду этихъ перепѣвовъ былъ и такой аргументъ: на крайній случай — если съ капитанствомъ ничего не выйдетъ — лучше ужъ работать юнгой на пароходѣ, чѣмъ чернорабочей въ совхозѣ, на копкѣ свеклы. Не знаю — лучше ли? Но зачѣмъ же непремѣнно юнгой? Есть вѣдь и другія профессіи. Однако, никакія другія профессіи морскихъ волчицъ не прельщали: наладила сорока якова...

За семь часовъ этакаго обмѣна мнѣніями и мнѣнія, и обмѣнъ надоѣли мнѣ окончательно: не слѣдуетъ метать бисера передъ поросятами. Хотятъ итти въ морскіе волки — пусть идут, чортъ съ ними... Мнѣ-то, въ концѣ концовъ, какое дѣло, мало ли дуръ околачивается по бывшей Святой Руси?

Обѣ будущія мореплавательницы попали ко мнѣ по, такъ сказать, протекціи добраго моего пріятеля, занимавшагося подбираніемъ и попытками спасенія всякихъ заблудшихъ душъ. Пріятель исходилъ изъ той презумпціи, что я-де работаю среди молодежи, знаю ее и имѣю на нее вліяніе, каковое вліяніе я, значитъ, и долженъ использовать для спасенія двухъ дѣвичьихъ душъ. Использовалъ. Польза получилась невеликая: пропалъ вечеръ работы, литръ водки, килограммъ сахару и окончательно про-

пало всякое терпѣніе. О водкѣ же пріятель сдѣлалъ спеціальное предупрежденіе: дѣвушки-де онѣ застѣнчивыя и для преодолѣнія оной застѣнчивости нужно никакъ не меньше литра...

Біографическія данныя о будущихъ мореплавательницахъ были сообщены скупо и не очень внятно. Изъ нихъ явствовало, что Мися была дочерью весьма небезызвѣстнаго на югѣ Россіи хирурга, хирургъ былъ разстрѣлянъ ВЧК. Мися цѣплялась за жизнь, какъ могла, работала на табачной фабрикѣ, откуда ее изъяли за прегрѣшенія покойнаго хирурга, что-то такое грузила на кіевской пристани, потомъ копала свеклу въ какомъ-то совхозѣ, потомъ пробралась на какіе-то сельско-хозяйственные курсы и получала стипендію что-то въ размѣрѣ рублей двадцати. Шурина біографія была чуть-чуть яснѣе: отецъ, астрономъ, померъ вполнѣ благополучно—то-есть, не отъ голода и не отъ чеки. Въ наслѣдство оставилъ нѣсколько тысячъ книгъ, которыя по тѣмъ временамъ пошли на топливо, и нѣсколько астрономическихъ стеколъ, которыя по тѣмъ временамъ были использованы для производства зажигательныхъ стеколъ. Вдова астронома принялась за прачешное ремесло — посему Шура имѣла возможность кое-какъ учиться. Впрочемъ, большую часть своего времени Шура проводила на Днѣпрѣ — отсюда, повидимому, и возникли эти мореплавательные проэкты. Въ дальнѣйшемъ ихъ развитіи эти проэкты получили поддержку отъ какой-то комсомольской организаціи, которая дала обѣимъ заблудшимъ душамъ по „удостовѣренію“: „Безпартійная товарищъ такая-то направляется въ Ленинградъ для поступленія въ школу штурмановъ дальняго плаванія“, дала по безплатному билету и по пять кило хлѣба на дорогу. По дорогѣ заблудшія души нѣсколько застряли въ Москвѣ и вотъ сидятъ — и хоть имъ колъ на головѣ теши...

Шуру тянуло на море изъ одного энтузіазма—это было довольно очевидно. Мисѣ же, видимо, просто некуда было дѣваться отъ копки совхозной свеклы; не то что на пароходъ, а хоть головой въ омутъ. Если бы мысленно снять съ Миси ея рваную красноармейскую рубашку и сапоги, причесать ей волосы и привести ее въ нормальный дѣвичій видъ — Мися оказалась бы опредѣленно хо-

рошенькой дѣвушкой... Н-да... Хорошенькая дѣвушка въ компаніи совхозныхъ рабочихъ, пристанскихъ грузчиковъ и всякихъ такихъ людей — ситуація невеселая. Не отсюда ли Мисина натопорщенность противъ нашего брата? И почему это она такъ упорно избѣгаетъ моего взгляда — словно боится показать что-то такое, чего, по ея мнѣнію, показывать не слѣдуетъ.

Словомъ — литръ былъ выпитъ, сахарница пуста, окно уже стало голубѣть, а я выдохся окончательно и безнадежно и принялъ демонстративно тоскующій видъ. Шура замѣтила это и поднялась.

— Ну, дядя Ваня, мы пойдемъ. Мисю я доведу, не безпокойтесь. Вотъ видите, хотя вы и мужчина и геркулесъ, а Мися не меньше вашего выпила. А вы еще о женщинахъ спорите...

— Вотъ что, Шура, приходите-ка ко мнѣ лѣтъ этакъ черезъ пять. За это время опыта, я надѣюсь, прибавится... И мозговъ — тоже.

— Мозговъ я еще и вамъ могу одолжить, спасибо. А вашъ опытъ, дядя Ваня, совсѣмъ никому не нуженъ. За сахаръ — спасибо, а опытъ оставьте ужъ при себѣ. Мы, новые люди — вотъ!.. Что захотимъ, то и сдѣлаемъ!

— Ну, и дѣлайте, — сказалъ я.

— Ну, и сдѣлаемъ, — Шура передернула плечами и задорно тряхнула путаной своей шевелюрой:— „Пошлый опытъ — умъ глупцовъ“...

— Ладно, когда онъ у васъ будетъ — поговорим еще...

— И говорить не о чемъ. Вы просто старый, затрушенный интеллигентъ...

— Почему старый и почему затрушенный?

— Ну, просто — затрушенный. Смѣлости у васъ нѣтъ. Горѣнья. „А вы на землѣ проживете, какъ черви слѣпые живутъ“ ...

— Богъ дастъ — проживу...

— И ничего не сдѣлаете. А мы все можемъ! Мы— открыватели новыхъ земель.

— Ну, и открывайте, — сказалъ я.

Мисю слегка мутило. Она бросила на полъ окурокъ и придавила его тяжелымъ красноармейскимъ сапогомъ — жестъ вышелъ неумѣлымъ, дѣланнымъ, нарочитымъ.

Во мнѣ зародились подозрѣнія, что и сапоги эти, и махорка, и водка, и попытки говорить басомъ — что все это просто нѣкая защитная окраска... Но къ чему Мисѣ защищаться, напримѣръ, отъ меня?

— Ну, дядя Ваня, — пока. — Шура пожала мнѣ руку. Пожатіе было, такъ сказать, мужественнымъ — чувствовалось, что изо всѣхъ силъ — силъ этихъ для морского волка было маловато, а рука была маленькая и мягкая. Мися же норовила уйти даже и безъ рукопожатія. Я сказалъ:

— Что же это вы, Мися, за всѣ благія мои намѣренія даже и попрощаться не хотите?

Мися ткнула мнѣ свою безразличную руку. Глаза ея попрежнему смотрѣли внизъ, куда-то въ уголъ между поломъ и стѣнкой.

— Охъ, Мися, Мися, что-то чудится мнѣ, что вы слегка на взводѣ... Говорилъ я вамъ...

— Ни черта подобнаго, — буркнула Мися басомъ.

— Это, дядя Ваня, не ваше дѣло, — вмѣшалась Шура. — Обойдется и безъ вашего опыта и безъ вашихъ поученій... Если вамъ жалко было водки, — сказали бы прямо...

Я посмотрѣлъ на обѣихъ подругъ. Мися торчала этакой искуственной каменной бабой, уткнувъ въ полъ свои невидимые мнѣ глаза, Шура оглядывала меня съ, такъ сказать, комсомолистымъ вызовомъ: тоже, дескать, учитель нашелся. Я только вздохнулъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, ужъ мы и сами дойдемъ, — сказала Шура, замѣтивъ провожательное движеніе съ моей стороны. — Сидите. Ложитесь спать. И безъ васъ обойдемся...

— Ну, и обходитесь, — сказалъ я.

Шура подхватила Мисю подъ руку.

— Ну, такъ — пока... А вы, дядя Ваня, не такъ ужъ, собственно, плохи. Бросили бы только учить, да совѣтовать. Ну, что вы понимаете въ молодежи? Вѣдь — ни тютельки!.. Ну, спите, спите...

Парочка морскихъ волчицъ ушла. Я все-таки выглянулъ въ окно. Уже свѣтало. Шура дружественно поддерживала Мисю за талію, а Мисина головка достаточно поэтически — въ особенности для столь непоэтическаго

повода, — склонилась на Шурино плечо. Отъ этой головки ни красноармейщиной, ни комсомольщиной сейчасъ не пахло. Оно, конечно, надо было наплевать на Шуринъ отказъ и проводить двѣ эти заблушія души, но я былъ раздраженъ и золъ. Въ комнатѣ плотнымъ туманомъ плавалъ густой махорочный дымъ. На полу валялись растоптанные окурки. Литровая бутылка стояла совсѣмъ пустой, а я выпилъ сравнительно немного — слѣдовательно, Мися усидѣла больше полулитра, вотъ вамъ и „онѣ, видите-ли, застѣнчивыя дѣвушки" — хорошенькая застѣнчивость!..

На душѣ было „въ общемъ и цѣломъ" достаточно отвратительно. Не слѣдовало мнѣ во всю эту исторію ввязываться, не слѣдовало брать на себя роль учительную и безнадежную, а паче всего не слѣдовало поить эту нелѣпую дѣвченку водкой. Я былъ очень, очень золъ. А своему пріятелю — и скажу же я ему нѣсколько теплыхъ словъ.

Однако, я ихъ не сказалъ. Обѣ будущія мореплавательницы куда-то исчезли, какъ сквозь землю провалились. Вѣроятно, поѣхали держать экзаменъ. Этотъ экзаменъ я представлялъ себѣ не безъ нѣкотораго злорадства: ну, посмотримъ, посмотримъ...

* * *

Въ началѣ весны слѣдующаго года я попалъ въ Кіевъ по дѣлу весьма путанному. Я въ тѣ времена руководилъ спортивной работой: оффиціально — союза служащихъ, а неоффиціально (безпартійный спецъ!)—работой всѣхъ профсоюзовъ вообще. Въ эти же времена я увлекался постройкой водныхъ станцій, и въ Кіевѣ строилъ крупнѣйшую въ Россіи... Настроивъ ихъ нѣсколько десятковъ, я, къ горестному своему изумленію, констатировалъ, что изъ всей этой затѣи не выходитъ рѣшительно ни черта. Станціи — были. А на станціяхъ — былъ кабакъ. На нихъ распоряжались „профсоюзы и комсомолъ", т. е. на практикѣ рѣшительно всѣ, кому было не лѣнь. Но за однимъ исключеніемъ — за исключеніемъ самихъ спортсменовъ. Такимъ образомъ, тренировочныя команды изгонялись со станцій и съ лодокъ, устраи-

валась какая-нибудь „массовая политэкскурсія“ со знаменами, лозунгами, рѣчами, водкой, поломанными веслами, потерянными уключинами... Кто-то говорилъ рѣчи, кто-то тонулъ, кого-то били, кого-то никакъ не могли доискаться на другой день: то-ли утопъ, то-ли отсыпается по пьяному дѣлу. Территоріи станцій превращались въ уборныя — выражаясь совѣтскимъ языкомъ — „въ масштабахъ, невиданныхъ въ исторіи человѣчества“... Словомъ, надо было добиться какого-то спортивнаго самоуправленія на этихъ станціяхъ — самоуправленія же совѣтская власть не любитъ до чрезвычайности...

О томъ, какъ я пытался обжулить власти предержащія, можно было бы написать цѣлый детективный романъ, впрочемъ, безъ обязательнаго для такихъ романовъ happy end'a: конецъ оказался совсѣмъ невеселымъ. Но къ веснѣ, кажется, 1929 года я получилъ значительныя полномочія и съ оными полномочіями въ карманахъ пріѣхалъ въ Кіевъ „организовывать самодѣятельность спортивныхъ массъ“... „Спортивныя массы“ сказали, что въ числѣ прочихъ активистовъ воднаго спорта есть нѣкая товарищъ Шошина, которая, такъ сказать, возглавляетъ женскую часть спортивной молодежи Кіева и которая собирается ставить новый женскій рекордъ: пройти на лодкѣ черезъ Днѣпровскіе пороги. Не дамъ ли я этой товарищу Шошиной нѣсколько сотъ рублей на лодку? Къ рекорду я отнесся скептически, съ товарищемъ же Шошиной стоило поговорить...

Вечеромъ въ дверь моей комнаты постучали. Къ моему несказанному удивленію, это оказалась Шура. Видъ у нея былъ всклокоченный и дѣловой. Разговоръ начался стремительно:

— Ну что-жъ, дядя Ваня, такъ вы мнѣ денегъ дадите?

— Какихъ денегъ?

— А на лодку для пороговъ.

— Ахъ такъ это вы — Шошина?

— А кто же больше? — Шура гордо тряхнула копной своей шевелюры.

— Ну, не вы одна — такая умная.

— А вы думаете, что вы одинъ — такой умный.

— Ну, не я одинъ. Есть и еще. Но не вы въ ихъ числѣ.

Шура посмотѣла на меня и съ сожалѣніемъ, и съ вызовомъ, но ругаться не стала: деньги-то на лодку были все-таки у меня. Я внимательнѣе всмотрѣлся въ Шуру. На ней была кокетливая, но надѣтая на спѣхъ блузка, юбочка была измазана какими-то красками, синее пятно краски украшало и кончикъ ея задорнаго носика. Шевелюра у Шуры была окончательно всклокочена и торчала во всѣ стороны этакимъ ореоломъ — что-то среднее между поэтическимъ одуванчикомъ и прозаическимъ помеломъ. Общій видъ былъ такой: дѣвушкѣ, которая собирается ставить міровой рекордъ, извините, не до всякихъ тамъ прическокъ...

— Позвольте, Шура, а какъ же съ этими вашими морскими экзаменами?

— Не играетъ роли. Я къ вамъ насчетъ денегъ на лодку пришла.

— Денегъ на лодку я вамъ, Шура, не дамъ.

— Опять?

— Что опять?

— Опять будете всякую свою унылую логику разводить? Насчетъ женщинъ и моря и все такое.

— Угу. Насколько я понимаю —вы на море такъ и не попали?

— Я же вамъ говорю: это не играетъ роли. Не попала, такъ попаду.

— Такъ все-таки: какъ же съ вашими экзаменами?

— Я вамъ еще разъ говорю: это не играетъ никакой роли. Старые идіоты.

— Почему идіоты?

— Идіоты... Тоже разводятъ всякія малахольныя теоріи — ей Богу, не многимъ умнѣе васъ... Ну, ну, не сердитесь, дядя Ваня, это я только такъ, чтобы васъ подразнить... Вы только, дядя Ваня, послушайте... Мы съ Мисей сдали экзамены блестяще. Ей Богу, блестяще! Я вовсе не хвастаюсь. Мы знали въ милліонъ разъ лучше этихъ идіотовъ мальчишекъ, которые вмѣсто того, чтобы заниматься, пьютъ водку и за дѣвченками бѣгаютъ...

— Ну, во-первыхъ, Мися, насколько я успѣлъ замѣтить, тоже отъ водки не отказывается. А во-вто-

рыхъ, бѣгаютъ-то эти мальчишки не за кѣмъ другимъ, а за вами... Такъ что... Кстати, а гдѣ же Мися?

— Мисю вы, дядя Ваня, оставьте въ покоѣ. Вы Мисю не знаете. Мися совсѣмъ замѣчательная дѣвочка. Что она пьетъ водку, такъ это... Впрочемъ, это не ваше дѣло... Да, такъ вотъ... Сидитъ тамъ, знаете, такое ста-арое, ста арое, такое безмо-озглое, безмо-озглое дубье. Намъ, говорятъ, капитановъ въ юбченкахъ не нужно. А? Вы понимаете — въ юбченкахъ? Ну, я имъ скандалъ устроила! Охъ, и устроила же я имъ скандалъ. Я имъ все прямо въ рожи такъ и сказала...

— То-есть, что же это все?

— Ну, вообще — все. Неужели вы не понимаете? Я имъ сказала, что они все равно, хоть лопни, а примутъ насъ, что мозги — они въ головѣ, а не въ штанахъ, что у нихъ головы, хоть и сѣдыя, но совсѣмъ пустыя... Ну, и все такое. Такъ вы мнѣ, дядя Ваня, денегъ на лодку всетаки дайте.

— А какая, собственно, связь между лодкой и экзаменами?

Шура уставилась на меня съ ироническимъ удивленіемъ.

— Ага, — сказала она торжествующе, — а еще хвастается, что умный! О, Господи, какъ же вы не понимаете!.. Если я поставлю этотъ рекордъ, проѣду черезъ пороги, посмотрю это я, какъ они тогда меня не примутъ. Пусть они тогда только заикнутся насчетъ юбченки. Понимаете, наконецъ? Я имъ...Я имъ тогда всѣ ихъ патлы выдеру...

Шура сжала свои кулаченки, и этотъ жестъ, видимо, доставилъ ей большое моральное облегченіе. Я понималъ, что въ случаѣ „рекорда“ положеніе этихъ „старыхъ идіотовъ“ будетъ совершенно безнадежно: заставятъ принять. Я также понималъ и еще много вещей, которыхъ Шура еще не понимала и, въ частности, слѣдующее: если бы Шурѣ и удалось не утонуть на этихъ порогахъ — что было весьма маловѣроятно,— то этотъ колоссальный рискъ далъ бы только одинъ практическій результатъ: Шура все-таки втемяшилась бы въ эту школу морскихъ волковъ дальняго плаванія. Это — не для нея. Достаточно всмотрѣться въ ея рожицу, задорную, немного, можетъ быть, и вздорную, но, въ сущности, очень милую рожи-

цу... Долгіе переходы, единственная дѣвушка въ окруженіи вѣчно голодной матросни, такихъ же голодныхъ, традиціонно щеголеватыхъ юныхъ помощниковъ капитана, столь же юныхъ, менѣе щеголеватыхъ, но пропитанныхъ презрѣніемъ ко всякому „мѣщанству" секретарей комсомольской и прочихъ ячеекъ... Нѣтъ, Шурѣ это не подходитъ... Вздоръ.

— Такъ дадите?

— Не дамъ, — сказалъ я уныло и твердо.

— Дядя Ваня, ей Богу, я и ваши патлы выдеру.

— Не поможетъ, Шура. Вы бы лучше ужъ свои пригладили.

Шура рефлективно подняла руки къ головѣ и такъ же рефлективно оглянулась, нѣтъ ли тутъ зеркала... Шура поймала себя на неподобающихъ морскому волку мысляхъ и движеніяхъ и покраснѣла. Нѣкоторое время она сидѣла молча и надувшись. Морская атака была отбита. Абордажъ не удался. Я сидѣлъ и молчалъ уныло и твердо.

— Знаете что, дядя Ваня?

— Не знаю.

— Дядя Ваня, голубчикъ, ну дайте же эти деньги. Ну, не будьте же сволочью. Мнѣ вѣдь это нужно... Я васъ... знаете... даже поцѣловать готова.

Атака была возобновлена съ другого фланга. Въ глазахъ Шуры появились огоньки. Огоньки были убѣдительны.

— Хотите, Шура, я вамъ скажу, кто вы такая?

— Н-ну?

— Вы просто — мурзилка. Маленькая дѣвочка мурзилочка. Со всякимъ вздоромъ въ головѣ и съ синей краской на носу.

Шура вскочила, какъ будто ее укусилъ тарантулъ.

— Ахъ, такъ,—голосъ Шуры прерывался отъ негодованія. — Ахъ, такъ, значитъ, маленькая дѣвочка! Значитъ, маленькой дѣвочкѣ нужно подрасти и замужъ выходить и ни о чемъ больше не думать, ни къ чему не стремиться!

— Замужъ обыкновенно и выходятъ. Такъ ужъ завелось... Традиція.

— Не я. Ни за какой замужъ я не выйду. Никогда!

— Старой дѣвой останетесь?

Шура окончательно задыхалась отъ негодованія. Она сжала свои кулаченки и потрясала ими приблизительно

передъ моимъ носомъ. Я счелъ болѣе благоразумнымъ отодвинуть свой носъ за предѣлы досягаемости этихъ кулачковъ.

— Ахъ, дѣвой? Мы обойдемся и безъ васъ, безъ мужчинъ. Да, у меня будутъ дѣти, но это будутъ мои дѣти...

— Такъ сказать — непорочное зачатіе...

Шура даже кулачки свои опустила.

— Ахъ, такъ... А я-то думала, что вы хоть на капельку, самую капельку лучше другихъ.

Шура повернулась и исчезла изъ комнаты прежде, чѣмъ я успѣлъ сообразить, въ чемъ дѣло. Ея спортивныя туфельки мягко и быстро затопали вдоль корридора гостиницы: раньше — къ выходу, потомъ — обратно. Дверь на полметра отворилась, и въ щель просунулась всклокоченная головешка.

— А я все равно поѣду. Если бы вы мнѣ дали денегъ, — я поѣхала бы на хорошей лодкѣ и проѣхала бы навѣрняка. А такъ придется ѣхать на чемъ попало. Вашихъ денегъ я сейчасъ не возьму, хоть плачьте. На вашей совѣсти будетъ!

Головешка исчезла, и туфельки затопали и затихли. Шура, конечно, не знала, что такое парфянская стрѣла, но сей видъ вооруженія она использовала блестяще: въ самомъ дѣлѣ попретъ, чортъ ее раздери совсѣмъ. И потонетъ. А я потомъ буду упрекать себя: вотъ, далъ бы деньги на хорошую лодку... Вотъ — двадцать два несчастья со всѣми этими головами и головками, набитыми всякимъ романтическимъ вздоромъ... Майнридовщина. В „голубыхъ даляхъ океана" мерещатся ей не прозаическіе штурмана, укротители буйныхъ командъ и поставщики взятокъ портовымъ чиновникамъ, неизлѣчимые посѣтители береговыхъ публичныхъ домовъ и прочее, а „капитаны, открыватели новыхъ земель", которые гдѣ-то тамъ

„На полярныхъ поляхъ и на южныхъ,
У базальтовыхъ скалъ и жемчужныхъ"

запузыриваютъ что-то весьма романтическое съ вахтами, курсами, гюйсами, вестами, узлами, штормами, гитовами и чѣмъ-то тамъ еще. Этимъ всѣмъ и я лѣтъ въ

двѣнадцать занимался, безъ этого нельзя. И мой доблестный, но, увы, единственный потомокъ лѣтъ въ шестнадцать вздыхалъ въ своихъ стихахъ:

„...Хорошо было жить, когда съ карты пергаментой
Бѣлыми пятнами звала жизнь“.

Бѣлыхъ пятенъ нѣтъ. А есть порты, уголь, кабаки, контрабанда, сифъ, фобъ, бичкомѣры и прочая муть мірового воднаго транспорта. Да, конечно, — романтическій вздоръ... Долженъ, впрочемъ, сознаться, что нѣкто помоложе, сидѣвшій внутри меня, нашептывалъ мнѣ словами Шуры: а въ общемъ, какъ я вижу, сволочь вы, дядя Ваня, старая затрушенная сволочь... Подрѣзаете крылья...

Но о крыльяхъ думать было некогда. Вопросъ водной станціи получилъ не слишкомъ неожиданный, но весьма безвыходный, принципіально безвыходный оборотъ: одинъ изъ тѣхъ „оборотовъ“, сумма которыхъ и заставила меня отряхнуть прахъ со своихъ ногъ и со всѣхъ этихъ ногъ бѣжать куда глаза глядятъ.

Если станціи мои организовывать, такъ сказать, в „общемъ порядкѣ“ — то-есть, съ тѣмъ, что на этихъ станціяхъ будутъ, какъ и вездѣ, распоряжаться „партія и комсомолъ“ —не стоитъ и огорода городить: все равно ничего путнаго не выйдетъ: нужно, значитъ, добиться „самоуправленія спортсменовъ“. Но въ тѣ года я еще не понималъ, что вся моя затѣя: добиться самоуправленія безпартійныхъ ребятъ въ рамкахъ партійной диктатуры — совершеннѣйшая чепуха, сапоги въ смятку. Мѣстныя кіевскія власти и тогда понимали это значительно лучше, чѣмъ я, — поэтому къ моимъ полномочіямъ сразу же отнеслись скептически и подозрительно, и я одно время думалъ уже не столько о самоуправленіи, сколько о томъ, какъ бы мнѣ отсюда во благовременіи ноги унести, а то посадятъ — доказывай потомъ, что ты не верблюдъ. Потомъ власти какъ-то очень неожиданно и странно отступили. Выручило, какъ оказалось, ОГПУ. Время было сравнительно тихое, сажать было сравнительно некого — а дѣлать что-то нужно! Всякое учрежденіе хочетъ дѣйствовать. Цыпленки тоже хочутъ жить. Мое самоуправленіе превращалось въ ловушку. При этомъ

„самоуправленіи“ ГПУ приставитъ свой недреманный глазъ, и не можетъ же оно поставить дѣло такъ, чтобы впослѣдствіи оказалось: и не дремалъ-то онъ зря. Тогда — зачѣмъ вообще эти недреманныя очи?.. Организую самоуправляющихся спортсменовъ— и потомъ поѣдутъ они изучать водный спортъ на водахъ Ледовитаго океана. Пришлось изворачиваться, какъ всѣ восемь ногъ осминога, вмѣстѣ взятыхъ, предупреждать людей и заботиться, въ частности, и о томъ, какъ бы не поѣхать къ Ледовитому океану и мнѣ самому. Было нѣсколько не до Шуры и ея рекордовъ.

МІРОВОЙ РЕКОРДЪ

Не то въ іюнѣ, не то въ іюлѣ 1929 года — на даты я нѣсколько слабъ — въ „Комсомольской Правдѣ“ появилась сначала телеграмма о томъ, что комсомолка Шошина проплыла на лодкѣ черезъ днѣпровскіе пороги, въ томъ числѣ и черезъ знаменитый Ненасытецъ, который на своемъ вѣку съѣлъ, пожалуй, больше жизней, чѣмъ Верденъ; потомъ появились замѣтки и статьи съ заголовками, говорящими о совѣтской дѣвушкѣ, которая при поддержкѣ-де совѣтской общественности прокладываетъ какіе-то тамъ пути, утираетъ чьи-то тамъ носы, и вообще демонстрируетъ, что только при власти трудящихся... ну, и такъ далѣе въ этомъ родѣ. Потомъ появилась фотографія Шуриной каравеллы: поддержкой общественности здѣсь и не пахло — это былъ какой-то кособокій, косопузый утлый челнъ съ примитивнымъ четыреугольнымъ парусомъ—явственно изъ маминой или тетушкиной простыни... Потомъ телеграммы, замѣтки и фотографіи стали передвигаться внизъ по Днѣпру, вышли въ Черное море, обошли Крымскій полуостровъ и остановились въ Ялтѣ. Вездѣ были встрѣчи, митинги, оркестры, лозунги и все такое: побѣда трудящейся дѣвушки... Совѣтскіе ребята чужой энтузіазмъ использовать умѣютъ. Новыя фотографіи: Шура на лодкѣ, у лодки, надъ лодкой, подъ лодкой — со всѣхъ доступныхъ фото-объективу точекъ зрѣнія...

Мнѣ, правду говоря, стало какъ-то нехорошо или, выражаясь по совѣтски, „въ общемъ. и цѣломъ кала-

митно“. Не знаю, какъ міровой буржуазіи, а ужъ мнѣ-то Шура утерла носъ навѣрно. Эхъ, нужно было дать деньги! Взлохмаченная головешка Шуры, просунувшаяся въ дверную щель, встряхивала своей шевелюрой какъ живая: „а я все равно поѣду“. Вотъ — и все равно поѣхала... На этакомъ корытѣ... Позже я узналъ, что корыто-то было даже не досчатое, а долбленое... Чортъ его знаетъ — можетъ быть, я и штурманскія перспективы столь же вѣрно оцѣниваю, какъ оцѣнивалъ днѣпровскія... Вотъ тебѣ — и взрослый опытъ... Ну, въ общемъ — было нехорошо...

Позднимъ лѣтомъ я встрѣтилъ Шуру въ высшемъ совѣтѣ физкультуры въ Москвѣ. Шура извергала изъ себя ніагары энергіи и личнаго магнетизма. Какія-то справки и удостовѣренія выправлялись ей съ молніеносной быстротой, въ темпахъ, совершенно невиданныхъ въ исторіи совѣтской канцелярщины. Шура протянула мнѣ свою лапку съ такимъ видомъ, какъ будто хотѣла сказать: „ага“... Но не сказала. Мелькнула и исчезла. Я снова нѣсколько былъ озадаченъ: неужели же Шура не воспользуется случаемъ продемонстрировать мнѣ свое великодушіе (или не-великодушіе) побѣдительницы. Но Шура не воспользовалась.

Черезъ нѣсколько дней я по какимъ-то дѣламъ попалъ къ моей доброй знакомой Зинаидѣ Ипатьевнѣ. Зинаида Ипатьевна была дѣвушка прямая и разумная, съ черными косами до пятъ. Зинаида Ипатьевна считала всѣхъ человѣковъ мужескаго пола принципіальными и совершенно неисправимыми прохвостами, и видъ ея, при встрѣчѣ съ нашимъ братомъ выражалъ приблизительно слѣдующее: „я, конечно, понимаю, что всѣ вы сволочи, но если вы меня трогать не будете, то я такъ и быть, въ морду вамъ не дамъ“. Кромѣ того, Зинаида Ипатьевна вела нѣкою научную работу по физкультурѣ, она была почти профессоромъ, несмотря на свои лѣтъ двадцать пять. Зинаида Ипатьевна утверждала, что она работаетъ лучше, чѣмъ пять среднихъ мужчинъ, вмѣстѣ взятыхъ. Насчетъ пятикратнаго увеличенія я сомнѣваюсь, но раза въ три она работала, дѣйствительно, лучше. Сейчасъ Зинаида Ипатьевна пребываетъ, какъ и многіе другіе, въ концентраціонномъ лагерѣ, и ея отношеніе къ мужскому устрой-

ству нашего міра получило, такимъ образомъ, весьма мощное подкрѣпленіе.

У Зинаиды Ипатьевны я, къ моему изумленію, обнаружилъ Шуру. Зинаида Ипатьевна сказала: „Позвольте васъ познакомить, моя старая подруга“. Шура сказала сухо и коротко: „Да мы уже знакомы“. Тутъ меня и осѣнило: старыя пріятельницы! — такъ вотъ откуда эти женскіе рекорды и, такъ сказать, дѣти безъ мужского содѣйствія... Ну, ну...

Но Шура не удостоила меня даже презрѣніемъ. Она продолжала только что начатый разсказъ о своемъ рекордѣ. „Човенъ“, сирѣчь челнъ, былъ даже не купленъ и даже не добытъ, а просто спертъ у зазѣвавшагося госрѣчпара, то-есть, государственнаго рѣчного пароходства, которое совершенно неизвѣстно для чего конфисковало его у какого-то неизвѣстнаго мнѣ рыболова-„кулака“. Челнъ былъ скрытъ пониже Кіева, въ камышахъ, тамъ былъ заштопанъ, зашпаклеванъ, замазанъ, закрашенъ, вооруженъ простыней, правда, не маминой и не теткиной, какъ я предполагалъ, ибо ни у мамы, ни у тетки простыни не оказалось, а тоже спертой. Спертой тамъ, вообще (жестъ въ неопредѣленную сторону). Да, „содѣйствіемъ широкой совѣтской общественности“ здѣсь и не пахло. Въ томъ числѣ, увы, и моей собственной.

Госрѣчпароходство свой утлый и спертый Шурой челнъ, вѣроятно, впослѣдствіи опознало, но при данной конструкціи обстоятельствъ ему проще было не рипаться: побѣдителей не судятъ.

Словомъ, лодка была спущена въ сенсаціонное плаваніе. Было нѣкоторое торжество, какъ говорятъ въ Россіи, „мѣстнаго масштаба“, но все же съ фоторепортеромъ на всякій случай: если Шура проѣдетъ благополучно,—репортеръ заработаетъ трешницу; если потонетъ,—репортеръ рискуетъ пластинкой.

Штрихъ для меня нѣсколько непредвидѣнный: оказывается, съ Шурой увязался „ставить рекордъ“ какой-то юный кіевскій художникъ со шведской фамиліей. Въ началѣ „информаціоннаго доклада“ Шуры объ этомъ художникѣ было сказано: „вотъ это мужчина“ — мимолетный взглядъ въ мою сторону и хорошій булыжникъ въ мой огородъ. Дальше выходило какъ-то неясно, вродѣ

какъ-будто „вотъ это мужчина“ гдѣ-то по дорогѣ не то предъявилъ какія-то мужскія претензіи, не то что-то въ этомъ родѣ. Словомъ, „вотъ это мужчина“ съ середины пороговъ изъ Шуриной каравеллы былъ вышибленъ, забралъ пожитки свои и исчезъ въ неизвѣстность и безславность, предоставивъ Шурѣ испить чашу тріумфовъ и славы до дна. Чаша была испита, какъ слѣдуетъ. Оваціи, портреты, интервью, оркестры, знамена. А въ Ялтѣ было сдѣлано и посерьезнѣе: секретарь комсомольскаго комитета на торжественномъ митингѣ ошарашилъ Шуру торжественнымъ врученіемъ ей комсомольскаго билета— какъ же такъ, можно сказать, гордость совѣтской молодежи и вдругъ не комсомолка. Отъ билета открутиться, разумѣется, было нельзя, да я не думаю, чтобы Шура стала бы отъ него откручиваться. Предполагаю, что въ этомъ тріумфальномъ настроеніи Шура безо всякихъ колебаній согласилась бы возложить на себя, напримѣръ, корону египетскихъ фараоншъ, Клеопатры, въ частности и въ особенности.

Оказалось, что тѣ справки, удостовѣренія, командировки, которыми Шура запасалась въ высшемъ совѣтѣ физкультуры, предназначались для ея поступленія въ ленинградскую школу штурмановъ дальняго плаванья. Устремляя свой взглядъ въ перспективу временъ, я понимаю ясно: положеніе „старыхъ идіотовъ“ этой школы совершенно безнадежно. Но дальнѣйшее было окутано туманами всѣхъ океановъ міра. Зинаида Ипатьевна поддакивала Шурѣ сочувственно и съ этакой, такъ сказать „классовой гордостью“, утерли-де носъ мужскому тиранству. Но на меня не смотрѣла. Когда Шура на полусловѣ сорвалась и убѣжала, бросивъ „ну, пока“, потомъ снова, просунувъ свою рожицу сквозь щель двери, — „такъ, значитъ, завтра въ пять“, Зинаида Ипатьевна оглядѣла меня неодобрительнымъ взоромъ и спросила:

— Такъ это вы не дали Шурѣ денегъ на лодку?

Мнѣ оставалось скромно признаться въ прегрѣшеніи своемъ. Дѣйствительно, я не далъ. Произошелъ нѣкоторый разговоръ о „крыльяхъ“, „порывахъ“, „мужской тупости“ и о прочихъ вещахъ...

Въ комнатѣ Зинаиды Ипатьевны было очень неуютно. Это была по московскимъ масштабамъ довольно боль-

шая комната, и съ внѣшней стороны она напоминала какой-то сарай, заваленный случайными вещами, кипами бумагъ, книгъ и прочимъ въ этомъ родѣ. На столѣ, который игралъ роль и письменнаго, и обѣденнаго, и кухоннаго, рядомъ съ примусомъ мирно уживался микроскопъ, стѣны были голы... Конечно, гдѣ ужъ Зинаидѣ Ипатьевнѣ заниматься какими-то уютами, когда у нея три службы, двое дѣтей, нянька и мужъ въ ссылкѣ. Правда, мужъ доводился мнѣ пріятелемъ, но посылки ему я слалъ безъ вѣдома Зинаиды Ипатьевны — это было преступленіемъ противъ ея прерогативъ. Правда, окружавшее Зинаиду Ипатьевну мужское населеніе проявляло исключительную изобрѣтательность, чтобы снабдить ея дѣтишекъ жирами и прочимъ, но это дѣлалось въ чрезвычайно завуалированной, путаной формѣ — объ этомъ Зинаида Ипатьевна не знала, да и некогда ей было знать — на работѣ съ восьми утра до десяти вечера...

Въ силу всѣхъ этихъ обстоятельствъ съ Зинаидой Ипатьевной о мужскомъ эгоизмѣ спорить не сталъ.

*
* *

Я въ тѣ времена жилъ подъ Москвой, верстахъ въ двадцати, на ст. Салтыковка Нижегородской желѣзной дороги, и занималъ тамъ весьма странную по совѣтскимъ масштабамъ „жилплощадь", которой случалось бывать прибѣжищемъ для многихъ страждущихъ и не страждущихъ, весьма привиллегированныхъ и вовсе нелегальныхъ, страстотерпствующихъ священниковъ и воинствующихъ безбожниковъ. Для меня эта жилплощадь имѣла рядъ неоцѣнимыхъ техническихъ преимуществъ, въ частности, и потому, что шпіонажа за мной тамъ технически быть не могло. Потомъ онъ пришелъ нѣсколько извнѣ — изъ Ленинграда — и посадилъ насъ всѣхъ на 8 лѣтъ въ концлагерь за нашу попытку побѣга изъ СССР. Восьми лѣтъ мы не просидѣли.

Былъ поздній мокрый осенній вечеръ. Я волокся къ себѣ домой по непролазной грязи и непроглядной тьмѣ.

Мой сынъ Юра встрѣтилъ меня упрекомъ: „вотъ сижу въ темнотѣ, нѣтъ свѣта, а ты болтаешься". Я не болтался, я былъ занятъ поисками литра керосина. Въ Салтыковкѣ керосина вовсе не было, провозъ его въ поѣздахъ былъ воспрещенъ, и я таскалъ его изъ Москвы по бутылкѣ въ портфелѣ. Словомъ, мы налили и зажгли лампу. Юра извлекъ изъ печки жарившійся тамъ пловъ; по части плова Юра могъ конкурировать съ любымъ персидскимъ поваромъ, баранина же была получена вчера чрезвычайно сложнымъ и, такъ сказать, детективнымъ способомъ. Пловъ былъ торжественно водруженъ на столъ, и вдругъ внизу, въ дверь кто-то постучался.

Народу ко мнѣ ходило много, и въ данный моментъ я, въ сущности, не имѣлъ особыхъ основаній опасаться визитовъ со стороны почтеннаго и весьма общеизвѣстнаго совѣтскаго заведенія. А все-таки при каждомъ стукѣ слегка екало сердце: совѣтское житье, ничего не подѣлаешь.

Юра зажегъ свѣчу и пошелъ внизъ. Раздались голоса. Одинъ Юринъ, другой какой-то неизвѣстный. Потомъ по лѣсенкѣ вверхъ поднялся Юра со свѣчей въ рукѣ, впереди него какая-то странная фигура, закутанная въ какое-то подобіе рванаго плаща. Съ плаща на ступеньки лѣстницы стекали струйки воды

— Не узнаете, дядя Ваня? — спросилъ хрипловатый голосъ. Это, оказывается, была Мися.

Когда „плащъ боевой" былъ съ Миси совлеченъ, она оказалась въ весьма странномъ одѣяніи: на ней былъ чей-то рваный мужской пиджакъ, подъ пиджакомъ блузка, на ногахъ по-прежнему сапоги, опасаюсь, тѣ же самые, въ которыхъ я видалъ Мисю года два тому назадъ. Все это было мокро, плащъ, очевидно, не помогалъ, и со всего этого на полъ лилась вода.

— Дядя Ваня, у васъ Зинаиды Ипатьевны нѣтъ?

Зинаиды Ипатьевны у меня не было. Мися приняла огорченный видъ.

— Простите, что побезпокоила: я, собственно, Зину ищу. До свиданія.

При свѣтѣ лампы я кое-какъ разсмотрѣлъ Мисино личико. Оно было худо и озлоблено, и по тому, какъ у

Миси чуть-чуть расширились ноздри отъ наполнившаго комнаты запаха классическаго плова, я понялъ, что Мися прежде всего смертельно голодна.

— Вы, Мися, переодѣньтесь и давайте пловъ ѣсть. А о дальнѣйшемъ поговоримъ позже.

Мися посмотрѣла смущенно и сурово.

— Нѣтъ, мнѣ надо Зину найти.

— Во-первыхъ, гдѣ же вы ее найдете? А во-вторыхъ, раньше пообѣдаемъ.

— Нѣтъ, я вѣдь только на минуту...

Я подмигнулъ Юрѣ. Юра взялъ командованіе въ свои руки.

— Простите, какъ ваше имя и отчество?

— Зовите меня просто Мисей.

— Ну, хорошо. А меня, просто Юрой. Такъ вотъ что, просто-Мися, не нужно никакихъ протестовъ, совершенно безнадежно. Я сейчасъ достану мамины вещи, переодѣвайтесь.

Юра съ веселой и шутливой дружественностью сталъ стаскивать съ Миси ея плащъ. Мися глядѣла нѣсколько растерянно. Сопротивленіе было недолгимъ. Мися была заперта въ комнатѣ и черезъ нѣсколько минутъ пріобрѣла тамъ человѣческій видъ—въ вязанкѣ, юбкѣ и ботинкахъ моей жены.. Ея аутентичное одѣяніе было развѣшено у печки для просушки.

Къ плову Мися приступила нѣсколько стѣснительно. Но, глядя на то, какъ Юра тарелка за тарелкой уписываетъ благоухающую чеснокомъ баранину, постепенно разошлась и Мися. Суровая настороженность ея лица стала таять. Юра болталъ всякій вздоръ о томъ, какъ онъ обучался у бывшаго повара шаха персидскаго искусству приготовленія плова, какъ въ одномъ совхозѣ у Асхабада онъ поймалъ черепаху и пытался варить изъ нея черепаховый супъ и какъ вслѣдствіи этого мы были съ позоромъ изъ этого совхоза изгнаны вонъ, и прочее въ этомъ родѣ. Мися держалась, потомъ вдругъ фыркнула, расхохоталась, уткнула лицо въ сгибъ руки и худенькія плечи ея вздрагивали отъ приступовъ смѣха. Когда Мися подняла глаза, въ нихъ не было ни слѣда того, что я видалъ въ нихъ въ наше первое свиданіе.

Не было ни комсомольщины, ни красноармейщины, ни каменной бабы. Загнанный жизнью звѣрекъ отогрѣвался въ теплѣ нашей салтыковской печки и почувствовалъ себя молодымъ. Мало молодости у совѣтскихъ мальчиковъ, но еще меньше ея у совѣтскихъ дѣвушекъ. Съ первыхъ же шаговъ, сразу — борьба за кусокъ хлѣба и борьба противъ галантныхъ поползновенiй презирающихъ „мѣщанство" комсомольскихъ секретарей и прочей публики въ этомъ родѣ. Копка совхозной свеклы. Угнетающiя казармы - общежитiя на заводахъ и рабфакахъ. Я подумалъ о томъ, что живетъ, вотъ, Юра болѣе или менѣе какъ у Христа за пазухой. А что дѣлаетъ и какъ живетъ эта дѣвочка?

Я имѣлъ неосторожность спросить Мисю объ этомъ. Смѣхъ прервался какъ-то сразу, глаза снова уставились въ полъ, голосъ снова сталъ грубымъ.

— А вамъ какое дѣло?

— Послушайте, Мися, что вы на меня все ершитесь, я же вамъ въ отцы гожусь...

— Не надо мнѣ никакихъ отцовъ, — глухо сказала Мися.

Юра высказалъ нѣсколько мыслей, направленныхъ противъ отцовъ вообще, не касаясь присутствующихъ.

— Да и ты, напримѣръ, вотъ не далъ Шурѣ — это, кажется, ваша подруга — денегъ на лодку. Вѣдь вотъ не далъ же?

— И тебѣ не далъ бы. А, кстати, гдѣ Шура?

— Поступила. Заставила принять себя.

Въ голосѣ Миси было торжество. Я пожалъ плечами. Юра сталъ на сторону открывательницъ новыхъ земель: лучше прожить годъ, какъ слѣдуетъ, чѣмъ сто лѣтъ небо коптить. Что знали всѣ они — и Мися, и Шура, и Юра — о жизни „какъ слѣдуетъ". Этакiе поросята...

— Послушайте, Мися, я васъ спрашивалъ о вашихъ дѣлахъ вовсе не изъ любопытства. Я знаю всю Москву. Мало ли какъ можно было бы вамъ помочь.

— Не надо мнѣ вашей помощи, — глухо сказала Мися.

Я сдѣлалъ глупость: критическимъ окомъ посмот-

рѣлъ на развѣшанную у печки Мисину рвань и сказалъ:

— Не знаю, какъ моя помощь, но чья-то вамъ обязательно нужна.

— Знаю, какъ вы всѣ помогаете... Вотъ всѣ наши дѣвушки... Вы только и смотрите, чтобы... А я не захотѣла, такъ вотъ изъ общежитія вышвырнули... на улицу... Угла своего нѣтъ. Господи, ничего нѣтъ.

Мися снова уткнулась лицомъ о столъ, и плечи ея снова начали вздрагивать, на этотъ разъ отъ рыданій. Юра бросилъ на меня негодующій взоръ.

— Перестаньте, Мисенька, онъ же вовсе не хотѣлъ васъ обидѣть, вотъ ей-Богу, ну, просто такъ, ляпнулъ...

Но у Миси была уже истерика...

Мы съ Юрой растерялись оба. Юра сталъ говорить Мисѣ какія-то успокоительныя слова, которыхъ Мися, конечно, не слышала, а если и слышала, то не понимала. Впрочемъ, и понимать въ нихъ было нечего. Я же устремился къ своей аптечкѣ, нашелъ въ ней бромъ и для вѣрности всыпалъ его въ стаканчикъ крѣпчайшаго виски, полученнаго мною по нѣкоему дипломатическому блату... Зубы Миси стучали по краямъ стакана, наконецъ, стаканъ былъ выпитъ. Мися, видимо, давно уже ничего толкомъ не ѣла и еще большее время ничего не пила. Она какъ-то сразу ослабѣла, замолчала, отвернулась отъ насъ лицомъ къ печкѣ, уткнулась въ рваный свой плащъ и только чуть слышно всхлипывала.

— Хотите еще стаканчикъ?

— Давайте, — глухо отвѣтила Мися.

Юра снова бросилъ на меня негодующій взглядъ: спаиваю, дескать, дѣвочку. А что больше было дѣлать?

— Наконецъ, Мисю мы кое-какъ успокоили, уговорили остаться у насъ ночевать — куда идти ночью, въ проливной дождь, да и поѣздовъ на Москву до утра больше нѣтъ. Мися покорно и безразлично соглашалась. Юра приготовилъ ей постель, и я долго ворочался въ своей кровати, и въ голову лѣзли всякія чрезвычайно неуютныя вещи...

На утро я нашелъ въ нашей „столовой", гдѣ спала Мися, аккуратно сложенныя вещи жены и коротенькую записку:

„Мнѣ нѣту времени, нужно ѣхать въ городъ, не хотѣла васъ будить, до свиданья. Мися“.

***

Прошло что-то около года. Какъ-то въ моей Салтыковской голубятнѣ появилась Зинаида Ипатьевна. Видъ у нея былъ нѣсколько смущенный, хотя, казалось бы, для ея женскаго торжества было достаточно основаній: Шура въ качествѣ юнги-практикантки совершила свой первый рейсъ: вокругъ Европы — отъ Ленинграда до Одессы, и въ „Огонькѣ“, „Комсомольской Правдѣ“ и прочихъ изданіяхъ снова замелькали ея портреты.

Мися же, насколько я зналъ, устроилась какимъ-то „морскимъ волкомъ“ на какой-то волжскій пароходъ. Словомъ, всѣ мои пророческія карты оказались биты. Съ Шурой же произошла такая исторія. Издательство „Огонекъ“ заказало ей книгу о ея путешествіи вокругъ Европы. Книга была написана молніеносно — какъ и все, что дѣлала Шура. Теперь — издательство что-то тянетъ, денегъ не платитъ, книги не издаетъ и прочее въ этомъ родѣ. Шура же обрѣтается въ какихъ-то неопредѣленныхъ мѣстахъ и условіяхъ — то-ли въ штурманской школѣ, то-ли не въ школѣ — не понять. Выходило и такъ, что она была занята книгой, слѣдовательно, — не до школы; выходило и такъ, что она была въ школѣ, слѣдовательно — не до книги. Вообще таинственности тутъ было сколько угодно. Отъ меня же требовалась, такъ сказать, профессіональная помощь, у меня были связи съ „Огонькомъ“ — не могу ли я ихъ использовать, чтобы выяснить, въ чемъ дѣло съ книгой.

Я пошелъ въ издательство. Тамъ были знакомые. Откуда-то была вытащена рукопись Шуры — страницъ полтораста, исписанныхъ мелкимъ, четкимъ почеркомъ — неровныя, какія-то взбалмошныя строки, на поляхъ понарисованы чортики и что-то еще въ этомъ родѣ. Были и кляксы. Издательство не удосужилось дать перепечатать эту рукопись на пишущей машинкѣ.

— Такъ въ чемъ тутъ дѣло? — спросилъ я.

Почтенный одесситъ, сидящій надъ правкой начинающихъ авторовъ, „ударниковъ въ литературѣ", выдвиженцевъ и прочихъ, пожалъ плечами.

— А я знаю? Вы же понимаете — мы всякимъ барахломъ прямо съ головой завалены. Эта авторша была у Кольцова, такъ тамъ былъ такой крикъ, какого я на еврейскомъ базарѣ не слыхалъ. А Кольцовъ потомъ сказалъ, чтобы этой пиратки къ нему и на порогъ не пускать. Вотъ рукопись и лежитъ.

— А вы ее читали?

— Что значитъ читалъ? Конечно, читалъ — мнѣ же за это мою ставку платятъ... Ну, конечно, это въ общемъ не такъ что-бъ грамотно — но я бы напечаталъ. Можете съ меня кожу на фальшивые червонцы содрать — тутъ что-то есть, понимаете, — не халтура, а настоящій талантъ. Конечно, надо бы переработать — ну, тамъ, стилистически и грамматически,—но объ этомъ стоитъ разговаривать... Но только съ кѣмъ разговаривать?

— Дайте-ка мнѣ эту рукопись, я ее прочту.

— Ну, нѣтъ, этого я не могу. Какъ же я могу выпускать рукопись изъ издательства?

— Такъ вы вѣдь все равно не собираетесь ее печатать.

— Развѣ я собираюсь и развѣ я не собираюсь. Поговорите съ Кольцовымъ.

Но по нѣкоторымъ внутри-политическимъ причинамъ у меня не было никакого желанія разговаривать съ Кольцовымъ. А такъ какъ я въ нѣкоторой степени былъ тоже одесситомъ, а всѣ одесситы нѣсколько похожи на таинственное и преступное сообщество тѣхъ жидомасоновъ, которые устраиваютъ въ мірѣ все, начиная отъ революцій и кончая землетрясеніями,— то изъ издательства я ушелъ съ рукописью въ портфелѣ; такъ въ этомъ портфелѣ — между бутылками съ керосиномъ и водкой, газетами, бараниной и чѣмъ-то еще — она и провалялась недѣли двѣ, пока на моемъ горизонтѣ, какъ нѣкій укоръ совѣсти, не появилась Зинаида Ипатьевна. Я взялся за рукопись.

Рукопись, дѣйствительно, была не очень грамотна. Начало было написано, видимо, подъ чью-то комсомоль-

скую диктовку: такую чушь могъ наворотить только комсомольскій пропагандистъ, больше никому въ мірѣ это не подъ силу. Тамъ была и міровая революція, и трудящіеся классы, и раскрѣпощеніе женщины, и колхозное строительство. Для чего-то приплетенъ былъ и Чемберленъ —къ тому времени его монокль уже пересталъ фигурировать на всякихъ чучелахъ и на мишеняхъ осоавіахимовскихъ тировъ. Чушь въ общемъ была совершенно непролазная. Потомъ эта чушь прекращалась сразу, и шелъ такой свѣжій, такой непосредственно женскій разсказъ о переходѣ черезъ пороги, о степныхъ даляхъ надъ Днѣпромъ, о великолѣпномъ одиночествѣ на Черномъ морѣ — лодочка, въ лодочкѣ дѣвушка, надъ дѣвушкой парусъ и небо и больше никого въ мірѣ нѣтъ. Дальше скомканное повѣствованіе объ экзаменахъ и о школѣ, морская ширь, пароходъ, маленькая дѣвушка со взбалмошными глазами, пытающаяся итти „нога въ ногу" съ прожженной матросней. Никакого „облагораживающаго вліянія" женщины и никакого „совѣтскаго уваженія къ женщинѣ". Одинъ изъ помощниковъ капитана — потолковѣе — снабдилъ Шуру маленькимъ браунингомъ — на всякій слишкомъ романтическій случай. Штормъ въ Бискайскомъ заливѣ. Приступы морской болѣзни. Упорная взбалмошная воля, превозмогающая болѣзнь, безсиліе тонкихъ дѣвичьихъ рукъ, впряженныхъ въ авральную работу на началахъ „равноправія половъ" и никакъ не желающихъ отстать отъ привычныхъ ко всему матросскихъ лапъ. Потомъ — отдыхъ. Снята матросская „роба" и надѣто что-то болѣе подходящее — помню такую фразу: „тѣло стало такимъ слабымъ, а душа такой покорной и глубокой"... Словомъ, за рукописью — она все-таки была малоразборчива — я просидѣлъ всю ночь.

Въ Совѣтской Россіи есть много хорошихъ книгъ, которыя не печатаются и въ данныхъ условіяхъ напечатаны быть не могутъ. Но очень хорошихъ книгъ. Рукопись Шуры была одной изъ нихъ. Что же было дѣлать дальше?

Я все-таки собрался съ мужествомъ и пошелъ къ Кольцову. Кольцовъ встрѣтилъ меня недовѣрчиво и даже

непріязненно — у него, впрочемъ, нѣкоторыя основанія для этого были по нашимъ предыдущимъ встрѣчамъ:

— А вы какое, собственно, имѣете къ этому отношеніе?

„Отношеніе" было заготовлено заранѣе: бумажка отъ высшаго совѣта физкультуры, въ которомъ въ тѣ времена и я имѣлъ честь околачиваться. Совѣтъ физкультуры, какъ вѣдомство, непосредственно заинтересованное въ изданіи книги товарища Шошиной, проситъ издательство... ну, и такъ далѣе.

Но къ совѣту физкультуры, даже и къ высшему, Кольцовъ никакого респекта не питалъ:

— Скажите вашему совѣту, чтобы онъ ко мнѣ всякихъ вашихъ пиратокъ и истеричекъ не посылалъ. Читали вы эту рукопись?

— Читалъ.

— Ну?

Я тоже сказалъ: ну?

— Что же вы, не видите сами? Развѣ здѣсь есть типъ совѣтской дѣвушки? Развѣ здѣсь есть энтузіазмъ? Какая-то мерлехлюндія. Никуда не годится. Я ей предлагалъ передѣлать — она мнѣ чуть глазъ не выцарапала. Нѣтъ ужъ, увольте. Если вашъ совѣтъ хочетъ издавать этотъ ароматъ женской души, пусть издаетъ самъ. Могу вамъ гарантировать одно: никакой главлитъ этого не пропуститъ. Будьте здоровы.

Да, по существу, Кольцовъ былъ правъ: ужъ главлиты-то онъ зналъ хорошо. Конечно, не пропустятъ. Что же дѣлать? Гонораръ хоть получить, что-ли?

Я пошелъ къ завѣдующему конторой. Завѣдующій конторой уже имѣлъ неудовольствіе знать меня по нѣкоторымъ предыдущимъ моимъ мѣропріятіямъ. Я ему сказалъ, что — независимо отъ того будетъ ли эта рукопись напечатана или нѣтъ — на много удобнѣе оплатить ее полностью, потому что, знаете ли, — тутъ можно будетъ поднять скандалъ въ „Комсомольской Правдѣ". Завѣдующій сказалъ, что по договору они платить не обязаны. Я отвѣтилъ, что я все это очень хорошо знаю и безъ него, завѣдующаго. Что никто на договоръ и ссылаться не будетъ, что издательство будетъ обойдено

совсѣмъ съ другого фланга: недооцѣнка пролетарскихъ талантовъ, искаженіе лозунга объ ударникахъ въ литературѣ, бюрократизмъ, отсутствіе классового чутья — въ общемъ, выйдетъ нехорошо, проще заплатить.

Завѣдующій конторой посмотрѣлъ на меня этакимъ Торквемадой. Я отвѣтилъ ему невиннымъ и прозрачнымъ взглядомъ браваго солдата Швейка. Завѣдующій сказалъ: „Ну-ну“, потомъ посмотрѣлъ еще, подумалъ и добавилъ:

— Ладно, пусть приходитъ, чортъ съ ней, заплатимъ.

Я скромно откланялся и пошелъ къ Зинаидѣ Ипатьевнѣ, такъ сказать, „рапортовать о достиженіяхъ“. У нея таинственнымъ образомъ оказалась Шура. Первымъ инстинктивнымъ движеніемъ Шуры была попытка спрятаться отъ меня за шкафъ — эта попытка не удалась. Шура какъ-то неохотно протянула мнѣ руку, видъ у нея былъ надутый, щеки — впалыя, а глаза были устремлены въ полъ. Я доложилъ обѣимъ суффражисткамъ о положеніи дѣлъ и выразилъ свое вынужденное согласіе съ выводами Кольцова: никакіе главлиты этого, дѣйствительно, не пропустятъ. Шура кратко сказала: „Сволочи“...

— Вы вѣдь понимаете, — сталъ разъяснять я, — что отъ васъ требовалось? Требовалось, чтобы вы показали пролетарскому и непролетарскому міру — какое, дескать, благодѣяніе оказываетъ совѣтская власть женщинѣ, позволяя ей, скажемъ, перекладывать лѣсные матеріалы на палубѣ парохода. Чтобы вы пріѣхали въ Одессу, исполненная энтузіазма и жажды продолжать такую перенагрузку и перекладку всю вашу пролетарскую жизнь. А что у васъ вышло? Каторга, изъ которой вы какъ-то выскочили живьемъ, вѣдь видно же, что въ другой разъ вы на этомъ пароходѣ не поѣдете.

— Не поѣду, — сказала Шура глухо.

— Ну, вотъ видите. Все это нужно передѣлать на энтузіазмъ.

— Не буду я передѣлывать, — сказала Шура.

— Почему это?

— А вамъ какое дѣло? Сказала — не буду, и не буду.

Шура смотрѣла въ полъ мрачно и упрямо. Я уже нѣсколько разъ пытался ее кое въ чемъ переубѣждать

и, вспомнивъ о тщетѣ попытокъ своихъ, на этотъ разъ рѣшилъ не вмѣшиваться. Да и передѣлать было нельзя, надо было писать заново.

Сообщеніе о согласіи „Огонька" на уплату всего гонорара я приберегъ къ концу своего „рапорта". Къ моему удивленію, отъ полученія этого гонорара— рублей что-то шестьсотъ-семьсотъ — Шура отказалась категорически. Я нѣсколько изумился:

— Отчего это? Идите и получайте, пока даютъ.

— Не пойду. Пусть подавятся.

Зинаида Ипатьевна посмотрѣла на Шуру одобрительно. Шура же въ это время, какъ я узналъ позже, пробавлялась распродажей всякихъ блузокъ, светеровъ, чулокъ и прочаго, купленнаго ею заграницей во время плаванья. Перспективы же были очень неясны и за всѣмъ этимъ — было и нежеланіе опускаться въ какой-то, скажемъ, рядовой женскій бытъ — послѣ взлетовъ Днѣпра, рейса, интервью, портретовъ, славы, — и ощущеніе, что пути къ этой славѣ выбраны не вполнѣ соотвѣтствующіе природнымъ даннымъ Шуры. Все это такъ. Но почему отказываться отъ халтуры — халтурятъ же всѣ, въ томъ числѣ халтурю же вотъ и я? Но Шура смотрѣла въ полъ и бубнила однотонно и упрямо: „Не хочу, не буду, сволочи, чортъ съ ними" и прочее въ этомъ родѣ. Тогда я рискнулъ выразить свое личное мнѣніе о Шуриномъ творчествѣ. Выразилъ. Шурины глазенки поднялись на меня съ обрадованнымъ изумленіемъ. Я процитировалъ по памяти нѣсколько наиболѣе яркихъ мѣстъ. На похудѣвшихъ щечкахъ Шуры появились ямочки.

— А знаете, дядя Ваня, не такая ужъ вы сволочь, какъ я думала.

— Спасибо. Вы тоже не такая дура, какъ я думалъ.

— Комплименты очень тонкіе, — засмѣялась Зинаида Ипатьевна.

— Да, но все-таки, знаете, Шура, что: во-первыхъ, вамъ вообще нужно писать и, во-вторыхъ, вашу книгу надо все-таки слегка подправить — вы вѣдь пишите въ первый разъ, и тамъ есть технически неумѣлыя вещи. Давайте, займемся этимъ вмѣстѣ.

— А зачѣмъ?

У меня въ тѣ времена былъ довольно смѣлый проэктъ, изъ котораго, впрочемъ, не вышло ничего: переправлять заграницу нѣкоторыя рукописи, талантливыя, но совсѣмъ ужъ непріемлемыя ни для какихъ главлитовъ. Такихъ рукописей — много. Талантами русская земля отнюдь не оскудѣла, но только въ атмосферѣ обязательнаго энтузіазма, соціальнаго заказа главлитовъ, классоваго подхода и прочаго этимъ талантамъ ходу нѣтъ. У людей опытныхъ, прошедшихъ великую школу халтуры, при ихъ техническихъ навыкахъ, получается что-то болѣе или менѣе съѣдобное. Но большинство талантовъ пишетъ для себя.

Объ этомъ проэктѣ Шурѣ говорить пока что не стоило — я сказалъ нѣсколько иначе. Шура вскочила со стула, точно кто-то подкололъ ее булавкой, хлопнула себя руками по бедрамъ и сказала:

— Вотъ вѣдь какъ можно ошибиться въ человѣкѣ!

Я, смѣясь, посмотрѣлъ на Шуру — ошибиться, дѣйствительно, можно, что ужъ тутъ и говорить?

*
* *

Словомъ, начались наши совмѣстные сеансы по переработкѣ Шуриной книги. На этихъ сеансахъ, ведомая неистребимымъ своимъ недовѣріемъ къ нашему брату, неизмѣнно присутсувовала и Зинаида Ипатьевна, забрасывая для этого даже свои лабораторіи. Время отъ времени я пытался навести у нихъ справки о судьбахъ Миси, но обѣ суффражистки отвѣчали уклончиво и маловразумительно. Наконецъ, передъ очереднымъ сеансомъ получаю письмо — кусокъ газеты, на поляхъ которой нацарапаны какія-то торопливыя каракули:

„Дядя Ваня, исчезаю, не сердитесь, спасибо за помощь, чмокъ въ лысину (лысины у меня не было никакой — это такъ, поэтическое преувеличеніе), до свиданья, еще увидимся. Шура".

Я даже обозлился: кто ихъ тамъ разберетъ, всѣхъ этихъ морскихъ волчицъ, да ну ихъ ко всѣмъ чертямъ! Однако, на моемъ горизонтѣ появилась преисполненная

гнусныхъ подозрѣній фигура Зинаиды Ипатьевны, и ея косы лежали, какъ двѣ змѣи, готовыя устремиться на меня за похищеніе Шуриной невинности — ежели таковая и существовала. Вѣроятно, у меня былъ совсѣмъ искренній видъ, ибо даже Зинаида Ипатьевна за эти подозрѣнія не то чтобы извинилась, а такъ — обошла ихъ сторонкой. Оказалось, что исчезновеніе Шуры было загадкой и для нея. Я повторилъ афоризмъ, гласящій о томъ, что поступки женщины быстры и непослѣдовательны, какъ прыжки блохи. Прыжки блохи привели Зинаиду Ипатьевну въ состояніе гордаго окамененія.

— Да что вы понимаете, дядя Ваня, — сказала она холодно.

— А вы что-нибудь понимаете? И вообще — какъ можно понять или предугадать поступки взбалмошной дѣвченки?

Зинаида Ипатьевна приняла таинственно понимающій и, по существу, насквозь лицемѣрный видъ. Мѣсяца черезъ три она получила отъ Шуры примѣрно такую же записку, какъ и я, — записка эта мнѣ показана не была. Изъ нея выходило, что Шура околачивается въ робинзоновскомъ положеніи гдѣ-то въ лѣсу, около Сочи, на Черноморскомъ побережьи — и совсѣмъ счастлива. Больше ничего выудить я не смогъ. Еще черезъ нѣсколько мѣсяцевъ я получилъ таинственную посылку съ почтовымъ штемпелемъ Сочи. Въ посылкѣ оказался вырѣзанный изъ какого-то кавказскаго дерева медвѣженокъ и на медвѣженкѣ — цитата изъ Гайяваты, относящаяся лично ко мнѣ.

* * *

Приблизительно за полгода до моего предпослѣдняго побѣга изъ СССР на моей салтыковской голубятнѣ появилась странная процессія: Шура съ какимъ-то сверткомъ на рукахъ, за Шурой нѣсколько конфузливая фигура какого-то обстоятельнаго парня — пудовъ этакъ на пять съ лишнимъ и лѣтъ этакъ двадцати пяти. Шура вбѣжала по лѣсенкѣ такъ, какъ если бы свое кавказ-

ское пребываніе она использовала для уроковъ у горныхъ козъ, протянула мнѣ свертокъ и заорала съ торжествомъ:

— А ну, дядя Ваня, что я вамъ говорила?

Изъ свертка выглядывала мордочка ребенка: ни о чемъ подобномъ Шура мнѣ никогда не говорила, но спорить не было смысла.

— А это мой мужъ, — сказала Шура столь же торжествующимъ тономъ.

Парень конфузливо ухмыльнулся и сказалъ:

— Очень пріятно, Свенсонъ.

Ахъ, вотъ оно что — это и есть тотъ самый „вотъ это мужчина", съ которымъ Шура начала было свою днѣпровскую эпопею. Какъ они оба попали въ сочинскій лѣсъ и что они тамъ дѣлали — осталось невыясненнымъ: „удили рыбу и собирали орѣхи, орѣховъ тамъ — до чорта, а остальное васъ не касается". Не касается, такъ не касается. Во всякомъ случаѣ и рыба, и орѣхи пошли Шурѣ впрокъ...

* * *

Сроки нашего побѣга приближались. Мы съ Юрой были заняты массой вещей, связанныхъ съ подготовкой къ этому побѣгу. Я собирался ѣхать въ Харьковъ, — конечно, по служебной командировкѣ, и, конечно, по дѣламъ, никакого отношенія къ службѣ не имѣющимъ. Или, какъ сказано было подъ одной крокодильской карикатурой: „Вы по дѣламъ ѣдете? — Нѣтъ, я по командировкѣ."

За день или два до отъѣзда ко мнѣ пришли Зинаида Ипатьевна съ Шурой. Видъ у обѣихъ былъ нѣсколько встревоженный. У меня сидѣлъ кто-то совсѣмъ ненужный, и нашъ разговоръ протекалъ въ обычныхъ рамкахъ совѣтско-свѣтскаго тона. Видъ у Шуры былъ совсѣмъ неважный, щеки впали, глаза ввалились. Да, заботы... жить негдѣ, занимаемъ уголъ въ общежитіи, для мальчишки молока купить не на что... Да, тутъ не попрыгаешь. Развѣ что, перепрыгнувъ черезъ границу, какъ это собирался дѣлать я.

Наконецъ, нѣкто ненужный понялъ ненужное свое положеніе и ушелъ. Зинаида Ипатьевна и Шура накинулись на меня сразу. Оказалось слѣдующее: Мися плавала на какомъ-то волжскомъ пароходѣ, была уже выдвинута на почетно-отвѣтственный постъ секретаря ячейки какого-то затона и попалась на участіи въ кулацкомъ возстаніи, сидитъ теперь въ саратовскомъ ГПУ. Почему и какъ все это вышло, опять же ничего не было извѣстно: пріѣхалъ нѣкто изъ Саратова и въ случайномъ разговорѣ сообщилъ объ очередномъ варіантѣ Мисиной карьеры. Отъ меня же требовалось — немедленно поѣхать въ Саратовъ, выяснить, передать Мисѣ продовольствіе—въ провинціальныхъ тюрьмахъ ГПУ пропасть съ голода совсѣмъ просто и общедоступно.

По неписанной, но весьма строго соблюдаемой подсовѣтской обывательской конституціи, просьбы и порученія такого рода нужно выполнять обязательно, иначе вы подвергаетесь нѣкоему общественному остракизму, Если бы не эта взаимопомощь, въ совѣтской Россіи жизнь была бы вовсе ужъ непереносимой. Пришлось ѣхать. Однако, полученіе очередной команднровки и „внѣочередного“ желѣзнодорожнаго билета заняло больше недѣли. Когда я пріѣхалъ въ Саратовъ, Миси я тамъ уже не засталъ.

Долгое время, а времени у меня было очень мало, я никакъ не могъ выяснить: какимъ это образомъ Мися втемяшилась въ возстаніе и куда она дѣлась теперь. Потомъ подвернулся знакомый по Москвѣ чекистъ, которому и было скормлено припасенное для передачи Мисѣ продовольствіе, а также и бутылка полученнаго по дипломатическому блату виски. Такимъ путемъ мнѣ удалось возстановить чрезвычайно, впрочемъ, схематически нѣкоторыя перепитіи путаной Мисиной судьбы. Судьба эта толкнула Мисю не только на участіе въ возстаніи, но и, такъ сказать, во главу его. Возстаніе, какъ это часто бываетъ, было начато бабами: заберутъ своихъ голодныхъ ребятъ, идутъ къ исполкому, и тамъ ужъ справиться съ ними нѣтъ никакой возможности. Потомъ за бабами слѣдуютъ мужики, и дальше исторія развивается, такъ ска-

зать, по стандартнымъ путямъ. Такъ вотъ, Мися оказалась во главѣ этихъ бабъ, а арестовать ее успѣли до вступленія въ бой тяжелой мужицкой артиллеріи, слѣдовательно, до кровопролитія. Надо полагать, что дѣвушку, почти дѣвочку, да еще и комсомолку, стерегли не очень ужъ тщательно; по дорогѣ въ Саратовъ Мися съ парохода исчезла.

Мнѣ оставалось вернуться въ Москву и доложить Зинаидѣ Ипатьевнѣ о результатахъ моей развѣдывательной поѣздки. Но и изъ этого доклада ничего не вышло: Зинаида Ипатьевна „исчезла въ неизвѣстномъ направленіи", разыскивать ее времени уже не было. Мы предприняли нашу попытку побѣга, вернулись ни съ чѣмъ, и весной 1933 года я получилъ отъ Зинаиды Ипатьевны письмо. На конвертѣ былъ штемпель Харькова, а изъ письма явствовало, что Зинаида Ипатьевна кочуетъ въ какихъ-то тунгузскихъ юртахъ, въ низовьяхъ Ангары, лечитъ тунгузскихъ ребятъ и раскрѣпощаетъ тунгузскихъ женщинъ, какъ къ ней относились тунгузскіе мужчины изъ письма видно не было. А въ концѣ письма—приписка: „часто бываетъ Мися, ѣздитъ съ экспедиціями, стрѣляетъ медвѣдей, шлетъ вамъ привѣтъ... Очень поправилась"... Насчетъ медвѣдей Юра выразилъ нѣкоторое сомнѣніе. Впрочемъ, на это письмо я не отвѣтилъ: не было никакого смысла затѣвать переписку, которая послѣ моего очередного побѣга могла бы попасть и не по адресу. И Мися, и Зинаида Ипатьевна нашли, значитъ, свое прибѣжище въ мѣстахъ, идеже упокояется много праведныхъ россійскихъ душъ обоего пола — въ тундрѣ, въ тайгѣ, въ горахъ. Вѣроятно, къ настоящему времени къ Зинаидѣ Ипатьевнѣ присоединился и ея мужъ: тотъ медвѣдей не то что стрѣлять, а и на обѣ лопатки класть можетъ.

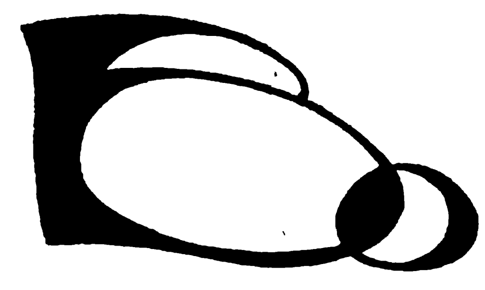
* *

Шуры больше я не видалъ: все равно будемъ бѣжать еще разъ — не нужно оставлять за собою знакомыхъ, которыхъ будутъ потомъ таскать по всякимъ нехорошимъ мѣстамъ и допрашивать. Думаю, что ея нели

тературное произведеніе уже ходитъ на всѣхъ своихъ двоихъ ногахъ и переживаетъ первыя неудобства мальчишеской жизни — хронически разбитый носъ и все такое: благонравной наслѣдственностью это произведеніе, вѣроятно, не отягчено. Что же касается литературнаго произведенія Шуры, то его судьба нѣсколько болѣе таинственна. Передъ самымъ побѣгомъ 1933-го года мы съ Юрой укладывали въ старый бидонъ изъ подъ керосина все то, чего уже нельзя было переправить заграницу и что жаль было выбрасывать вонъ. Туда уложена и Шурина рукопись. Бидонъ съ соотвѣтствующими предосторожностями зарытъ въ подходящемъ мѣстѣ въ лѣсу. Когда мы вернемся въ Россію — а мы, конечно, вернемся — я надѣюсь, что и литературное произведеніе Шуры Шошиной увидитъ свѣтъ.

РОМАНЪ
ВО ДВОРЦѢ
ТРУДА

РОМАНЪ ВО ДВОРЦѢ ТРУДА

„ДВОРЦѢ Труда" нѣтъ рѣшительно ничего дворцоваго. Это просто грандіозная канцелярія „Всесоюзнаго Центральнаго Совѣта Профессіональныхъ Союзовъ" — сокращенно ВЦСПС—и центральныхъ комитетовъ отдѣльныхъ профсоюзовъ. Въ ней около 2 тысячъ комнатъ и около десятка тысячъ служащихъ. „Дворецъ" помѣщается на Солянкѣ, 12, въ огромномъ пятиэтажномъ зданіи, которое при старомъ режимѣ было, если можно такъ выразиться, колоніей тогдашнихъ безпризорниковъ — воспитательнымъ домомъ. Одинъ изъ его гигантскихъ Екатерининскихъ фасадовъ — мощная и великолѣпная въ своей простотѣ стѣна, выходитъ на набережную Москва-рѣки. На всякаго рода профсоюзныхъ значкахъ, плакатахъ, жетонахъ и прочемъ этотъ стилизованный фасадъ почему-то фигурируетъ въ качествѣ эмблемы профсоюзнаго движенія СССР. Словомъ, Дворецъ Труда это маховикъ, закручивающій „приводной ремень отъ партіи къ массамъ".

Въ полуподвальномъ этажѣ его находятся общежитія всякаго рода профсоюзныхъ гостей, делегатовъ, стипендіатовъ, питомцевъ и дармоѣдовъ. Первый этажъ занятъ тѣми профсоюзами, которые никакихъ ремней не закручиваютъ — напримѣръ, союзомъ медицинскихъ работниковъ и прочими золушками профсоюзнаго движенія СССР. Это низкій и темный этажъ. Часть его занята раз-

ными складами, въ томъ числѣ и организованнымъ было мной складомъ инвентаря для профсоюзныхъ физкультурниковъ, созданнымъ въ пику монополіи и грабежу спортивнаго общества войскъ и сотрудниковъ ГПУ — „Динамо".

Второй этажъ занятъ профсоюзами, заслуживающими нѣкотораго политическаго вниманія — напримѣръ, работниками искусствъ (Рабисъ) и работниками просвѣщенія (Работпросъ). Третій этажъ занимаетъ серединную позицію. Тамъ раскинулъ кущи свои самый многочисленный и по существу самый вліятельный профессіональный союзъ СССР — союзъ совѣтскихъ и торговыхъ служащихъ, такъ сказать, профсоюзъ совѣтской бюрократіи. Онъ держится скромно и въ тѣни: въ странѣ диктатуры пролетаріата неудобно подчеркивать самодержавіе бюрократіи. Четветрый этажъ, высокій и свѣтлый, занимаетъ, такъ называемая, „опора пролетарской диктатуры" — тяжелая промышленность: металлисты и горнорабочіе. На высотахъ пятаго этажа все это возглавляется ВЦСПС и Профинтерномъ. Впрочемъ, съ этихъ высотъ Профинтернъ возглавляетъ и все революціонное профдвиженіе міра. У входа въ Профинтернъ стоитъ ГПУ-скій патруль и тамъ все время шныряютъ подозрительныя личности мексиканско-абиссинскаго типа... Словомъ— пирамида построена по всѣмъ правиламъ чинопочитанія.

Внутри эту пирамиду прорѣзываютъ безконечные корридоры, по которымъ въ свое время мотался Остапъ Бендеръ въ поискахъ столь необходимыхъ ему милліоновъ и не нашелъ. Еще раньше, въ 1812 году, по тѣмъ же корридорамъ какой-то легендарный русскій генералъ въ, такъ сказать, конномъ строю удиралъ отъ французской кавалеріи — и удралъ. По этимъ же корридорамъ въ теченіе приблизительно семи лѣтъ циркулировалъ и я — и тоже, въ концѣ концовъ, удралъ.

Семь лѣтъ этого циркулированія дали весьма обильный матеріалъ для тайнъ мадридскаго двора труда... Но на показной сторонѣ — дворцово-трудовая жизнь Солянки, 12 шла совершенно такъ же, какъ она идетъ во всѣхъ прочихъ совѣтскихъ дворцахъ, приказахъ, канцеляріяхъ и вообще „присутственныхъ мѣстахъ". Въ без-

численныхъ, перегороженныхъ фанерой, щеляхъ сидѣли безчисленные машинистки, бухгалтера, инструктора, отвѣтственные работники, стучали, строчили, инструктировали, засѣдали, руководили и шалѣли. Непрерывнымъ потокомъ вливались одни люди и выливались другіе. Аппаратъ то забюрокрачивался, то освѣжался. Я не знаю, можно ли сказать по-русски „забюрокрачивался“, но въ Москвѣ такъ говорятъ. Вотъ аппаратъ начинаетъ забюрокрачиваться, вотъ онъ уже забюрократился, на его мѣсто пріѣзжаютъ другіе люди, которые вчера оказались забюрократившимися на другихъ мѣстахъ, и освѣжаютъ новое мѣсто. Впрочемъ, въ Москвѣ рѣдко говорятъ „освѣжили“. Говорятъ „освѣжевали“. Освѣжеванные, но не унывающіе профсоюзные подьячіе забираютъ изъ своихъ старыхъ столовъ: всю наличную чистую бумагу, огрызки карандашей, пустые водочные бутылки, при достаточной ловкости рукъ прихватываютъ электрическія лампочки, канцелярскія нитки и вообще все то, что такъ необходимо индустріализированному человѣку и чего за деньги достать нельзя, и что можно упрятать въ многострадальный совѣтскій портфель.

Портфель же этотъ давно пересталъ быть чѣмъ-то лишь внѣшне приспособленнымъ къ человѣку. Онъ сталъ органомъ, какъ защечные мѣшки суслика или сумка кенгуру. Портфель вросъ въ совѣтскаго человѣка. Портфель — это классовое отличіе отвѣтственнаго работника, это складъ пайковаго хлѣба, захваченной съ утра запасливымъ совгражданиномъ бутылки водки (вечеромъ можно уже и не достать) полученныхъ по служебной карточкѣ буттербродовъ учрежденческаго буфета, личныхъ документовъ, самая необходимая коллекція которыхъ въ средній карманъ не влѣзаетъ, и вообще всего того, что совѣтскій гражданинъ — въ порядкѣ ли текущей потребности или такъ, на всякій случай—ухитрится купить, получить, достать, благопріобрѣсти или просто спереть въ теченіе его суматошнаго рабочаго и нерабочаго дня.

Не отличается Дворецъ Труда отъ прочихъ присутственныхъ мѣстъ и тѣмъ, что его отвѣтственные работники отсутствуютъ почти всегда. Никакое въ мірѣ ГПУ не въ состояніи проконтролировать, что дѣлаетъ

отвѣтственный работникъ. Въ Москвѣ — ему совершенно необходимо быть въ одно и то же время на пяти засѣданіяхъ. Понятно, что можно не пойти ни на одно. Но въ Москвѣ отвѣтственный работникъ бываетъ мало: мотается по всему бывшему лицу земли Русской и загромождаетъ поѣзда командировками, бригадами, обслѣдованіями, ревизіями и прочимъ. Всякая такая поѣздка это признакъ активности: ѣздитъ-де человѣкъ и соприкасается съ массами: калужскими, архангельскими, владивостокскими и прочими. Поѣздка, кромѣ того, подкрѣпляетъ и скудную финансово-экономическую базу отвѣтственнаго: учрежденіе платитъ суточныя, проѣздныя и квартирныя, а „периферія" кормитъ на казенный счетъ: какъ-никакъ пріѣхало центральное начальство—лучше покормить. Начальство же, кормленное на казенный счетъ, по понятнымъ соображеніямъ, предпочитаетъ закрыть глаза на тотъ прискорбный фактъ, что на тотъ же казенный счетъ подкармливается и „периферія".

Иногда такія поѣздки на кормленіе кончаются, такъ сказать, нѣсколько щекотливо... Такъ, союзъ служащихъ, въ которомъ я имѣлъ честь околачиваться лѣтъ шесть, никакъ не могъ выяснить — почему это не удается достроить майкопскаго клуба. На обслѣдованія туда ѣздилъ товарищъ Преде. Потомъ какой-то мѣстный активистъ, охраченный усердіемъ не по разуму, прислалъ въ ЦК фотографію: какъ тов. Преде, вкупѣ со строителями клуба, пропиваетъ этотъ клубъ на его же недостроенной крышѣ. Дѣло было лѣтнее — отчего не выпить и на крышѣ? Нѣкоторое время въ ЦК надъ этой крышей весело подтрунивали отвѣтственные сотоварищи товарища Преде. До ГПУ такія дѣла въ среднемъ не доходятъ: люди болѣе или менѣе свои...

Преде, впрочемъ, былъ въ ГПУ совсѣмъ своимъ. Сквозь его путаную и извилистую біографію проходилъ одинъ неизмѣнный стержень: явная или скрытая, отвѣтственная или на побѣгушкахъ, но непрерывная за всѣ годы революціи работа въ ГПУ... По линіи же ГПУ онъ былъ посланъ въ Германію и Гамбургъ, завѣдывалъ тамъ экспортомъ „лексырья" — лекарственныхъ травъ изъ Россіи. Объ этомъ экспортѣ онъ разсказывалъ мнѣ забав-

ныя вещи. Напримѣръ: привезли шестьсотъ тоннъ сушеной малины. Сушеная малина въ количествѣ шестисотъ тоннъ — это количество, такъ сказать, астрономическое. Къ тому же выяснилось: въ тѣхъ прискорбныхъ случаяхъ, въ которыхъ русскіе люди въ былое время пили чай съ малиной (теперь не пьютъ — чая нѣтъ, а малину экспортируетъ товарищъ Преде) — такъ въ тѣхъ случаяхъ нѣмцы предпочитаютъ принимать просто аспиринъ. И тотъ, конечно, не тоннами. Словомъ — когда расходы по кредиту (подъ малину былъ полученъ банковскій кредитъ) и по складамъ (600 тоннъ сушеной малины занимаютъ весьма солидный объемъ) превысили самые пессимистическіе расчеты, берлинское торгпредство рѣшило раскошелиться и предписало гамбургской конторѣ вывезти это сырье въ море и выбросить его вонъ: все равно никто не покупаетъ, не везти же обратно. Преде предложилъ геніальную комбинацію: нашелъ какого-то дядю, который купилъ эту малину на кормъ скоту, — по цѣнѣ, равной половинѣ расходовъ по фрахту.

Преде считалъ, что за этакую идею торгпредство должно бы премировать его. Я же полагалъ, что Преде получилъ свою премію и безъ торгпредства отъ этого „дяди“ непосредственно. На мой намекъ по этому поводу Преде иронически скривилъ губы такъ, что его неизмѣнная трубка поднялась до уровня его сѣрыхъ забубенныхъ глазъ: „а, что тамъ! выпито, конечно, было“.

Выпито бывало неоднократно и въ масштабахъ, неслыханныхъ для капиталистическихъ странъ. Преде, какъ работникъ торгпредства, былъ лицомъ экстерриторіальнымъ, но и экстерриторіальныхъ лицъ полицейскіе протоколы не украшаютъ. Преде былъ отозванъ въ Москву и снова занялся освѣжеваніемъ аппарата ЦК.

2.

Къ концу лѣта отвѣтственныя командировки обычно достигали своего апогея. Центральные работники избирали это время для соприкосновенія съ массами, проживающими въ Ялтѣ, на Минеральныхъ Водахъ, — на

худой случай — въ Одессѣ или Николаевѣ. Оставшіеся отвѣтственные выполняли функціи уѣхавшихъ. Вотъ почему я въ августѣ 1928 года оказался обремененнымъ отвѣтственной работой составленія списковъ стипендіатовъ союза и служащихъ, обучающихся или долженствующихъ обучаться въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Москвы. Дѣло, впрочемъ, было очень несложное. Изъ списковъ кандидатовъ каждаго губернскаго отдѣла нужно было на авось выкинуть три четверти, оставшуюся четверть переписать въ новый списокъ. Вычеркивать не на авось ни я и никто другой не имѣли рѣшительно никакой возможности: откуда я могу знать, что представляетъ собою Ивановъ, рекомендуемый, скажемъ, ташкентскимъ отдѣломъ союза. Самъ ташкентскій отдѣлъ, можетъ быть, и знаетъ (мало вѣроятно), но ташкентскій отдѣлъ стипендіями распоряжаться не имѣетъ права. Разпоряжается „центръ", долженствующій контролировать прежде всего политическую сторону кандидатуръ. Центръ — это, во-первыхъ, ЦК союза, во-вторыхъ, это — завѣдующій культурно-просвѣтительнымъ отдѣломъ тов. Канторъ, которому президіумъ ЦК поручаетъ эту работу по должности, и въ третьихъ и послѣднихъ, это — я, которому тов. Канторъ поручилъ эту работу, вслѣдствіе необходимости для него самого соприкоснуться съ кисловодскими трудовыми массами. Итакъ, политически контролирующимъ центромъ на практикѣ оказываюсь я — скромный инструкторъ ЦК въ области спорта и туризма. Я получаю на руки около пяти тысячъ анкетъ, пяти тысячъ рекомендацій, отзывовъ, удостовѣреній и прочаго — все въ пяти тысячахъ экземпляровъ каждое. Я не Господь Богъ, въ особенности лѣтомъ. На спискахъ губернскихъ отдѣловъ я отмѣчаю птичками достойныхъ кандидатовъ, машинистки перестукиваютъ эти имена въ отдѣльный и почти окончательный списокъ и этотъ окончательный списокъ идетъ на утвержденіе президіума центральнаго комитета.

Президіумъ — тоже не Господь Богъ, въ особенности лѣтомъ. Въ кабинетѣ предсѣдателя собирается полдюжины человѣкъ, измотанныхъ, ошалѣлыхъ и мечтающихъ о кисловодскихъ массахъ.

— Слѣдующій вопросъ: докладъ тов. Солоневича о спискахъ стипендіатовъ... Что, товарищъ Солоневичъ, проработали вы эти списки?

— Будемъ зачитывать?

— Да ну его къ чертямъ — до утра сидѣть придется...

— А послушай, Солоневичъ, тамъ вотъ ленинградскій отдѣлъ просилъ за какого-то Иванова — какъ онъ тамъ у тебя?

— Иванова? Нѣтъ, Ивановъ не попалъ.

— А ну, вставь-ка ты его — выкинь кого-нибудь рядышкомъ.

— Нѣтъ возраженій?

— Ну, значитъ, вставьте Ивановна.

— Еще предложенія есть? Нѣтъ? Ну, списокъ, значитъ, принятъ, — только вы, тов. Солоневичъ, смотрите ужъ, чтобы, такъ сказать, ни задорники.

— Да, что я — маленькій?..

— Ну, то-то... Слѣдующій вопросъ...

Десять тысячъ человѣкъ трудовыхъ придворныхъ вотъ и занимаются такими дѣлами.

Во всякомъ случаѣ, въ „отчетный отрѣзокъ времени" я попалъ въ положеніе этакаго диктатора по вузовскимъ дѣламъ. Какъ-то сидѣлъ я въ машинномъ бюро и что-то писалъ. Курьерша сказала мнѣ:

— Тамъ васъ, тов. Солоневичъ, какой-то парень, поди, уже съ часъ времени дожидается.

Я пошелъ въ свою комнату. У ея стѣны съ видомъ какого-то равнодушія и готовности торчать вотъ этакимъ столбомъ до пришествія міровой революціи стоялъ какой-то парень лѣтъ двадцати, одѣтый въ старинный долгополый сюртукъ и обутый въ истасканные лыковые лапти. Лицомъ онъ былъ, что называется, кровь съ молкомъ, а фигурой напоминалъ небольшого, но очень крѣпко скроеннаго бычка.

— Вы ко мнѣ?

— Да, должно быть, къ вамъ.

Видъ у парня былъ не то, что равнодушный, а скорѣе, я бы сказалъ, безнадежный: „отъ тебя, или не отъ тебя — все равно никакого толку не добьешься".

— Что вамъ нужно?

Парень оглядѣлъ меня, какъ бы задавая себѣ самому вопросъ — а стоитъ ли еще и съ этимъ типомъ разговаривать? Потомъ рѣшилъ все-таки разговаривать.

— Учиться хочу, — сказалъ онъ прозаическимъ тономъ.

Заявленіе было весьма скромнымъ. Такъ, какъ если бы въ капиталистической странѣ человѣкъ сказалъ „хочу разбогатѣть". Юношей, которые хотѣли учиться и по этому поводу были вооружены десятками различныхъ справокъ, рекомендацій и прочаго, передъ моимъ столомъ проходило въ день въ среднемъ десятка два-три. Только для очень немногихъ, двухъ-трехъ изъ сотни, я могъ что-нибудь сдѣлать. Обычно это было сопряжено съ тѣмъ актомъ, который по старой терминологіи назывался служебнымъ подлогомъ. Партійныя и комсомольскія ячейки въ порядкѣ разверстки посылали принудительно учиться активистскихъ остолоповъ, которые учиться не могли въ силу внутренней своей неприспособленности къ такого рода дѣятельности и не хотѣли въ силу того обстоятельства, что участіе въ какой-нибудь активистской ревизіи — и веселѣе, и прибыльнѣе учебы. Но тѣ, кто интересовались учебой, въ такихъ ревизіяхъ участія не принимали и, слѣдовательно, никакими партійными рекомендаціями и „путевками" вооружены не были. По всей видимости, мой парень принадлежалъ къ числу послѣднихъ. Я спросилъ его — какого онъ союза. Парень недоумѣнно поднялъ свои пудовыя плечи:

— Какого союза? Извѣстно какого — совѣтскаго...

— Да я не о томъ: вы какого профессіональнаго союза?

— Профессіональнаго? Да, должно, никакого, мы — по крестьянству.

Парень говорилъ какъ-то странно, безъ всякаго выраженія, безъ малѣйшаго жеста, словно нѣкто, тщательно спрятанный за нимъ, вѣщалъ сквозь дыру рта этой дубовой каріатиды, вросшей въ стѣну. Собственно это обстоятельство и обратило мое вниманіе на парня: ежедневно въ ЦК приходило или пріѣзжало человѣкъ двадцать-тридцать по поводу стипендій, а стипендіи означали

не столько нѣкую матеріальную поддержку, сколько право на поступленіе въ ВУЗ. Пришлось пріучиться отмахиваться отъ людей — бюрократы въ противоположность поэтамъ „не рождаются, а создаются".

Парень не имѣлъ рѣшительно никакого отношенія къ союзу служащихъ, и сдѣлать для него я рѣшительно ничего не могъ. Повинуясь условному рефлексу всякаго бюрократа, я собрался было сказать парню: пойдите въ Домъ Крестьянина. Въ Домѣ Крестьянина ему нѣкто вродѣ меня сказалъ бы — пойдите въ ЦК комсомола. Въ ЦК комсомола ему бы сказали: пойдите въ московскій комитетъ комсомола и т. д. до безконечности. Но парень какъ-то очень ужъ не былъ похожъ на сотни „просителей", прошедшихъ передъ моими глазами за это время, и я спросилъ:

— А вы какъ въ Москву попали?

— Да, такъ — пришелъ.

— Пѣшкомъ пришли?

— Пѣшкомъ.

— Откуда?

— Да изъ подъ Вологды.

— Сколько же времени вы шли?

— Да недѣли съ три. И вотъ здѣсь недѣлю хожу.

Выяснилось, что парень уже цѣлую недѣлю ходитъ по замкнутымъ квадратамъ корридоровъ Дворца Труда и тыкается къ кому попало. Кто попало говоритъ: пойдите въ комнату 666 къ товарищу Иванову. Товарищъ Ивановъ говоритъ: пойдите въ комнату 667 къ товарищу Петрову, словомъ — у попа была собака... Я посовѣтовалъ парню бросить эту волынку, вернуться домой, тамъ пролѣзть въ профессіональный союзъ батраковъ (сельхозрабочихъ), запастись хоть какой-нибудь профсоюзной бумаженкой — и тогда начинать все это сначала. Въ первый разъ за все время разговора лицо парня пришло въ какое-то движеніе: на немъ показалась улыбка — насмѣшливая, чуть чуть свысока, какъ бы говорящая: „не изъ такихъ я, чтобы назадъ возвращаться, это ужъ — извините"...

— Домой я не пойду. Я учиться пришелъ. Хоть

годъ буду ходить... Вотъ только — ѣсть нѣту. А учиться я буду.

— А чему вы хотите учиться?

— Все равно—чему. Мнѣ бы по рисовательной части.

На художественную натуру парень никакъ не былъ похожъ. „А вы пробовали рисовать?" — „Пробовалъ".— „Есть при васъ ваши рисунки?" — „А то какъ же"... — „Покажите".

Изъ внутренняго кармана своего длиннополаго сюртука парень извлекъ пачку бумажекъ, завернутыхъ раньше въ газету, потомъ въ кусокъ рваной клеенки и перевязанную какимъ-то мочальнымъ шнуркомъ. Его неуклюжіе пальцы съ неожиданной ловкостью стали развязывать этотъ шнурокъ...

— Садитесь пока.

Парень пододвинулъ стулъ и съ опаской сѣлъ на него. Я досталъ изъ портфеля кусокъ хлѣба, предложилъ его парню и подвинулъ къ себѣ довольно основательную пачку всякихъ бумажныхъ огрызковъ: листиковъ старыхъ тетрадей, титульныхъ листовъ, вырванныхъ изъ какихъ-то книгъ, обойныхъ обрывковъ и прочаго въ этомъ родѣ. Парень со сдержанной жадностью сталъ отламывать кусочки хлѣба и медленно, со смакомъ жевать ихъ.

Рисунки его не были разнообразны. На фонѣ сѣвернаго пейзажа паслись, лежали, работали коровы, овцы, лошади — все это вырисованное неумѣло, съ искаженной перспективой, съ трогательной тщательностью неопытной руки. И тѣмъ не менѣе — все это жило, не такъ, какъ живетъ быкъ Яна Поттерса или кони Фальконета: это была не декоративная мощь звѣриныхъ гигантовъ, а мужичья жизнь „трудящейся животины". Было видно, что оригиналы этихъ набросковъ — хорошіе личные знакомые моего парня. Каждое пятно на шкурѣ было вырисовано, какъ портретная деталь, сломанный рогъ оставался сломаннымъ, и каждая сивка жила какой-то особенной, своей лошадиной жизнью. Не нужно было быть художественнымъ критикомъ, чтобы увидать: парня не даромъ тянуло въ Москву.

Въ теченіе очень короткаго разговора было выяс-

нено: парень — сынъ вологодскаго мужика, учился въ сельской школѣ, никакихъ документовъ, кромѣ увольнительнаго свидѣтельства отъ сельсовѣта, не имѣетъ, слѣдовательно, не имѣетъ и никакихъ шансовъ попасть куда бы то ни было. Или, во всякомъ случаѣ, — лично я ничего для парня не могъ сдѣлать, о чемъ я ему и сообщилъ. Сообщеніе мое парень принялъ съ прежнимъ равнодушіемъ: ничего другого онъ, дескать, и не ждалъ и, повидимому, собирался возобновить безплодное свое циркулированіе по безконечнымъ корридорамъ Дворца Труда.

Но даже и забюрократившееся сердце бываетъ иногда склонно къ безкорыстнымъ порывамъ... Я попросилъ парня подождать, взялъ его рисунки и пошелъ къ одному изъ вождей союза служащихъ — товарищу Валхару.

Товарищъ Валхаръ былъ коммунистомъ изъ чеховъ. Какъ чехъ, былъ когда-то соколомъ. Какъ соколъ, всячески, поддерживалъ мои физкультурныя мѣропріятія, — почему у насъ съ нимъ возникъ нѣкоторый „персональный контактъ", укрѣпленный дружескими бесѣдами за бутылкой въ моей Салтыковской голубятнѣ... Это былъ невысокій, плотный, чуть-чуть насмѣшливый, для совѣтскаго уровня очень культурный и для коммуниста — очень добродушный человѣкъ. Я показалъ ему рисунки моего посѣтителя. Валхаръ отложилъ въ сторону свою папиросу, дымъ отъ которой лѣзъ ему въ глаза, склонилъ голову нѣсколько на бокъ и сталъ вглядываться. Посмотрѣвъ всю пачку, Валхаръ съ какимъ-то сожалѣніемъ въ голосѣ констатировалъ:

— А способно, собака, рисуетъ... Вы говорите — крестьянинъ?

— Крестьянинъ.

— Гмъ... — раздумчиво сказалъ Валхаръ.

— То-то и оно.

Помолчали...

— Что-нибудь надо придумать... А временно — пойдемъ посмотримъ на этого товарища... А вдругъ — Рѣпинымъ будетъ.

Пошли посмотрѣть на будущаго Рѣпина. Валхаръ бокомъ усѣлся на мой столъ и испытующе сталъ огля-

дывать парня. Будущій Рѣпинъ не обратилъ на этотъ осмотръ ровно никакого вниманія, сидѣлъ и дожевывалъ остатки хлѣба. Осмотрѣвъ парня съ головы до пятъ, Валхаръ поднялъ глаза въ потолокъ, подумалъ и спросилъ:

— А вы — хорошо грамотный?

Парень вынулъ изо рта мокрую корку хлѣба и сказалъ:

— Подходяще.

— Гмъ, — сказалъ Валхаръ. — Васъ надо раньше въ союзъ провести... — Снова подумалъ. — Ну, конечно, въ союзъ... Хотите — мы васъ устроимъ курьеромъ въ ЦК... Проведемъ въ союзъ... А потомъ и учиться устроимъ... А?

Парень поспѣшно проглотилъ свою жвачку и поднялъ на Валхара сразу ожившій и недовѣрчиво изумленный взглядъ.

— Ей Богу?

Дальнѣйшее прошло легко и быстро. Парень написалъ заявленіе, на углу этого заявленія Валхаръ „наложилъ резолюцію", по телефону былъ вызванъ завѣдующій хозяйствомъ ЦК, и парень былъ сданъ ему съ рукъ на руки. Этотъ способъ пріема былъ незаконенъ, но для Центральнаго Комитета союза не всѣ законы были писаны. Уходя, парень сказалъ — „вотъ это здорово" — и въ дверь протиснулся нѣсколько бочкомъ, какъ бы опасаясь зацѣпить плечомъ за стѣну и продѣлать въ ней брешь.

Такъ Коля Алешинъ началъ свою рѣпинскую карьеру.

3.

Я ѣздилъ по командировкамъ, „соприкасался съ массами", ревизовалъ физкультуру по „мандатамъ" ВЦСПС, животноводство по мандатамъ журнала „Ударникъ Соціалистическаго животноводства", Донбассъ — по мандатамъ „Ударника угля" и еще кое-что еще кое по какимъ удостовѣреніямъ и полномочіямъ. Колю Алешина я видалъ рѣдко. На жилье онъ пристроился въ темной и сырой фото-лабораторіи, обслуживавшей фото-репор-

теровъ „Дворца Труда“ и его многочисленныя изданія, молча шагалъ изъ комнаты въ комнату, разнося всякіе пакеты и бумажки, въ свободныя минуты такъ же молча сидѣлъ въ комнатѣ курьеровъ и рисовалъ своихъ коровъ и коней. На предварительную учебу онъ попалъ къ руководителю мѣстнаго „художественнаго кружка“, каковой кружокъ занимался преимущественно малеваніемъ всякаго рода плакатовъ и лозунговъ на потребу текущаго политическаго дня и поэтому былъ обезпеченъ бумагою, красками и прочими приспособленіями художественнаго ремесла. Съ каждымъ мѣсяцемъ пудовыя плечи Алешина худѣли и опускались, деревенскій румянецъ сползалъ со щекъ, а во взглядахъ мелькало какое-то безпокойство. Потомъ, кромѣ рисованія, Алешинъ сталъ и что-то читать: нѣсколько разъ я заставалъ его въ комнатѣ курьеровъ, въ углу, у ротатора, крѣпко усѣвшимся въ какое-то измочаленное кресло и углубившимся въ чтеніе. Иногда онъ изумлялъ меня нѣсколько неожиданными вопросами, напримѣръ: можно ли машинами дѣлать молоко или куда дѣнутъ коней, когда настроятъ тракторовъ. Нѣсколько позже появились вопросы характера политическаго и весьма недоумѣннаго. И, наконецъ, какъ-то поздно вечеромъ, я увидалъ Алешина, сидящаго на подоконникѣ въ тупичкѣ одного изъ корридоровъ рядомъ съ какой-то дѣвушкой. Повидимому, у нихъ шло какое-то производственное совѣщаніе. Голоса ихъ были приглушены и напряжены.

4.

На другомъ полюсѣ столичной жизни велъ свое странное полупризрачное бытіе подмосковный пригородъ — станція Салтыковка, на 17-ой верстѣ Нижегородской желѣзной дороги. Я прожилъ тамъ почти всѣ года моей московской дѣятельности.

Въ іюлѣ 1926 года, когда я снялъ тамъ свою мансарду, въ Салтыковкѣ были еще: одна мощеная улица („шоссе Ильича“), досчатые тротуары и уличное освѣщеніе. Потомъ, въ процессѣ индустріализаціи страны,

рѣдкія подводы стали объѣзжать шоссе Ильича немощеными улицами, тротуары были преданы сожженію въ „румынкахъ“ мѣстныхъ обитателей, освѣщеніе улицъ было прекращено въ силу нехватки нефти. Въ силу этой же причины обывателямъ было запрещено жечь больше одной 25-свѣчной лампочки на комнату. Накалъ же былъ такой, что у меня на письменномъ столѣ стояла лампа въ 400 свѣчей — при ней можно было кое-какъ работать. Лампа же была мною благопріобрѣтена въ одномъ изъ клубовъ и въ моментъ отсутствія постороннихъ людей, послѣ исчерпанія всѣхъ легальныхъ и полулегальныхъ способовъ обезпечить себѣ освѣщеніе рабочаго стола.

Въ Салтыковкѣ жило тысячъ двѣнадцать „зимогоровъ“. Зимогоры — это люди, работающіе въ Москвѣ и жительствующіе въ радіусѣ до 50—60 верстъ отъ нея. Салтыковка имѣла много неудобствъ: потеря 2-3 часовъ въ день на переѣзды, непролазная грязь въ осенніе вечера, необходимость таскать съ собой въ портфелѣ керосиновый фонарикъ для того, чтобы въ эти вечера не утонуть въ трясинахъ бывшей мостовой и многое другое. Но, пожалуй, самымъ обиднымъ была „Голубая стрѣла“— совѣтскій люксъ-экспрессъ, пущенный между Москвой и Нижнимъ. Въ этомъ экспрессѣ нѣсколько разъ приходилось ѣздить и мнѣ: великолѣпный поѣздъ. Роскошные пульмановскіе вагоны, постельное бѣлье, десять съ половиной часовъ ѣзды. По расписанію.

Но съ расписаніемъ не выходило. Гдѣ-то по дорогѣ изъ Нижняго въ Москву поѣздъ неизмѣнно запаздывалъ на часъ-полтора. Для людей, ѣдущихъ изъ Нижняго въ Москву, этотъ часъ не имѣлъ рѣшительно никакого значенія, но для зимогоровъ Нижегородской дороги — онъ былъ очень тяжелъ. Въ ожиданіи прослѣдованія „Голубой стрѣлы“ останавливались всѣ пригородные поѣзда, и тысячъ двадцать людей, набитыхъ въ вагоны и на вагоны такъ, какъ не всякій специалистъ можетъ уложить сельдяную бочку, торчали на станціяхъ: Салтыковка, Никольское, Реутово, Ново-Гиреево, Кусково, Чухлинка и Москва Рогожская. Въ Салтыковкѣ въ поѣздъ еще можно было сѣсть — не во всякій, въ Реутовѣ въ вагонъ еще можно было втиснуться — не во всякій, отъ Реутова и

дальше — люди подвѣшивались на поручни, балансировали на буферахъ и соединительныхъ щиткахъ, забирались на крыши вагоновъ. Въ морозныя зимнія утра это было очень неуютно. И вотъ — стоятъ эти обмерзшіе поѣзда и ждутъ, пока мимо этихъ замерзшихъ людей, цѣпляющихся окоченѣлыми руками за жгучее желѣзо поручней, съ великолѣпнымъ грохотомъ, обдавая пролетаріатъ снѣжной пылью и ледянымъ вѣтромъ, голубой молніей мелькнетъ показательно-издѣвательскій экспессъ съ его отвѣтственными — вотъ вродѣ меня — пассажирами...

Для меня — этотъ голубой экспрессъ сталъ нѣкіимъ символомъ соціализма, индустріализаціи, пятилѣтокъ, рекламы, блефа и халтуры. Я ѣздилъ на немъ. И мнѣ, какъ и остальнымъ „отвѣтственнымъ" и „командировочнымъ", было рѣшительно безразлично — пріѣду ли я въ Москву въ половинѣ десятаго или въ половинѣ одиннадцатаго. Но рабочій, пріѣхавшій на работу на пять минутъ позже срока, терялъ половину дневного заработка, пріѣхавшій на полчаса позже — весь дневной заработокъ — это ему безразлично не было... Но „Голубая стрѣла" — это соціализмъ, индустріализація, реклама: сторонись, жизнь!..

Лично для меня Салтыковка имѣла рядъ неоцѣнимыхъ преимуществъ: просторъ, тишина, почти полная невозможность мало-мальски путной слѣжки и, наконецъ, тотъ фактъ, что мансарду свою я снималъ у частника...

Европейскій житель, я думаю, не имѣетъ и понятія о томъ, какое это великое благодѣяніе — частникъ, собственникъ, если хотите — даже и капиталистъ... Вотъ — снимаю я кватиру у частника и имѣю возможность на цѣлые мѣсяцы уѣзжать куда-нибудь на Уралъ, не опасаясь, что мою квартиру разграбятъ или отберутъ. А то въ Москвѣ бываетъ — и очень часто — такъ: вы уѣзжаете на мѣсяцъ въ командировку или въ отпускъ. Уѣзжая, конечно, достаете всякія бумажки, закрѣпляющія за вами ваше жилье. Черезъ мѣсяцъ пріѣзжаете. Васъ встрѣчаетъ какой-то заспанный типъ: „Вамъ кого?" — „Какъ кого? Я къ себѣ домой пріѣхалъ"... — „Ну, такъ и ищите себѣ вашего дома — здѣсь я живу". По-

томъ вы идете къ преддомкому и стараетесь выяснить, куда дѣвались ваши вещи, оставшіяся въ квартирѣ. Потомъ вы можете три года судиться или же точно такимъ же образомъ влѣзть въ жилищную щель какого-нибудь другого неудачника. Иногда, при наличіи достаточной физической силы, вы можете набить морду вашему „интервенту" и вышвырнуть его вонъ: пускай теперь *онъ* судится. Жилецъ съ набитой мордой пойдетъ къ преддомкому, преддомкомъ вызоветъ милицію, придетъ милиціонеръ, очумѣло выслушаетъ галдежъ: вашъ, вашего конкурента, преддомкома, сосѣдей и кого-нибудь еще, составитъ протоколъ — и уйдетъ. Теперь судится придется не вамъ, а вашему конкуренту — что вамъ и требовалось. За мордобой вы получите послѣ дождика въ четвергъ „общественное порицаніе" или „мѣсяцъ принудительныхъ работъ условно" — это называется „бытовое правонарушеніе", а не политическое преступленіе. А вашъ конкурентъ, понявъ, что судиться-то этакимъ путемъ можно три года — но эти три года жить-то гдѣ-то нужно — постарается забраться въ чье-нибудь другое, временно опустѣвшее, логово... Нельзя сказать, чтобы все это было очень весело...

А я половину года имѣлъ возможность проводить въ поѣздкахъ и пребывать въ той утѣшительной увѣренности, что моей мансарды за это время никто не раскулачитъ. Зимою я ѣздилъ рѣдко. На службѣ я появлялся, когда мнѣ вздумается. Въ сѣняхъ моей мансарды всегда стоялъ десятокъ паръ лыжъ, и у меня собиралась самая невѣроятная и, казалось бы, несовмѣстимая публика. Какимъ-то таинственнымъ россійскимъ способомъ она все-таки совмѣщалась: чекистъ Преде, милый батюшка изъ микроскопической салтыковской церковушки, главный и самый безкорыстный другъ Совѣтской Россіи м-ръ Инкпинъ, регулярно пріѣзжавшій въ Москву, чтобы выклянчить очередную субсидію и получить очередную директиву, секретарь ЦК англійской компартіи м-ръ Горнеръ, наѣзжавшій то на покаяніе, то на поклоненіе, нѣкоторые люди, удобно скрывавшіеся за этимъ прикрытіемъ отъ небезызвѣстнаго недреманнаго ока, и много всякой молодежи... Отвѣтственные пріѣзжали походить на лыжахъ и

привозили съ собою ѣду и питія — больше питій, чѣмъ ѣды; молодежь уписывала воронъ, которыхъ я стрѣлялъ изъ малокалиберной винтовки; Преде подымалъ свою стопочку и говорилъ: „ну-ка, батюшка, благословите-ка еще по единой"...

Когда пишешь о Совѣтской Россіи, приходится очень много объяснять; читателю это, вѣроятно, скучно, но безъ этихъ объясненій трудно что-нибудь толкомъ понять. Такъ, напримѣръ, о воронахъ.

Всякаго рода молодежь на салтыковскую голубятню привлекали, подозрѣваю, преимущественно вороны. Подмосковная же ворона — звѣрь опытный и пуганый, на мякинѣ и на капканахъ ее не проведешь. Мы съ сыномъ стрѣляли ихъ изъ малокалиберныхъ винтовокъ, каковыхъ винтовокъ никакія частныя лица ни покупать, ни держать не имѣли права. Я же былъ инструкторомъ спорта — въ томъ числѣ и стрѣлковаго, а союзъ служащихъ былъ союзомъ, который объединяетъ, въ числѣ прочихъ „совслужащихъ", и работниковъ заграничныхъ полпредствъ и торгпредствъ съ ихъ колоссальными „показательными" ставками: машинистка, служащая въ берлинскомъ торгпредствѣ, получаетъ реальную заработную плату разъ въ 15—20 выше, чѣмъ та же машинистка въ томъ же ЦК.

Съ такихъ „полпредскихъ" взимали дань — „профвзносы".

Такихъ взносовъ набралось около пятидесяти тысячъ долларовъ — и они какъ-то проскользнули между пальцами валютнаго управленія наркомфина... Впрочемъ, валютное управленіе состояло изъ тѣхъ же „совслужащихъ", и китамъ этого управленія, уѣзжавшимъ въ заграничныя командировки, ЦК по-свойски мѣнялъ два рубля на долларъ. Въ виду этого, валютное управленіе предпочитало протягивать свою руку, а не сжимать ее въ кулакъ.

Потомъ, когда съ валютой стало совсѣмъ ужъ плохо и когда ГПУ стало выколачивать ее путемъ пытокъ и „просвѣчиванія", — Наркомфинъ все же сталъ подбираться и къ долларамъ ЦК. На „узкомъ" засѣданіи президіума ЦК рѣшено было разбазарить ихъ возможно ско-

ространнѣе и благопристойнѣе. Въ числѣ прочихъ способовъ разбазариванія я предложилъ закупку фото-аппаратовъ для культурно-просвѣтительной работы и винтовокъ для стрѣлковаго спорта. Винтовками и фото-аппаратами вооружились всѣ „отвѣтственные“, въ томъ числѣ и я. Три тысячи винтовокъ я все же успѣлъ перехватить и, какъ говорится въ СССР, „спустить въ низовку“ — винтовки пригодятся всегда. Такимъ путанымъ путемъ я былъ обезпеченъ воронами. Мы съ сыномъ брали по винтовкѣ и отправлялись на промыселъ. Если гостей не предполагалось, ограничивались парой воронъ: вотъ вамъ и обѣдъ. Если ожидался наплывъ посѣтителей — шли подальше и приносили десятка полтора-два: вотъ вамъ и пиръ.

***

Профессіональные союзы въ СССР — это организація довольно загадачнаго типа. На нихъ лежитъ выколачиваніе профсоюзныхъ, мопровскихъ осоавіахимовскихъ и прочихъ взносовъ, культурно-просвѣтительная работа среди рабочихъ и служащихъ, а паче всего — всяческая слѣжка и нѣкоторые—наиболѣе мягкіе—виды ущемленія.

Профсоюзное ущемленіе примѣняется въ тѣхъ случаяхъ, когда ничего конкретнаго человѣку „пришить“ нельзя: просто не проявляетъ человѣкъ достаточнаго энтузіазма, видъ у него, скажемъ, оппозиціонный. Тогда профсоюзъ начинаетъ изводить человѣка всякаго рода „нагрузками“, перебросками, порученіями и прочимъ. Заподозривъ человѣка въ религіозности — предложитъ принять активное участіе въ какомъ-нибудь антирелигіозномъ мѣропріятіи и, въ случаѣ отказа, исключитъ изъ числа членовъ союза. Тогда возникаетъ такой заколдованный кругъ: не будучи членомъ профсоюза, вы не имѣете права служить и увольняетесь. А будучи уволеннымъ и не состоя на службѣ, — вы не можете поступить ни въ какой другой профсоюзъ. Теоретически —это должно бы означать голодную смерть. Практически — это означаетъ очень крупныя непріятности, ибо подсовѣтская практика выработала цѣлый рядъ контръ-мѣръ, изворотовъ и комбинацій. Кромѣ того, все это дѣйствуетъ преимущественно по отношенію къ среднему служащаму.

Квалифицированный спеціалистъ — если онъ не трусъ— можетъ наплевать и на профсоюзъ, и на его слѣжку, и ничего съ нимъ не сдѣлаютъ.

Дальше, на профсоюзахъ лежитъ обязанность организовать тѣ милліонныя демонстраціи трудящихся, которыя приводятъ въ изумленіе всякаго иностраннаго наблюдателя. Дѣлается это такъ:

Въ 10 утра звонокъ по телефону: демонстрація по такому-то поводу, лозунги такіе-то. Профсоюзный комитетъ (на заводѣ — „завкомъ", въ учрежденіи — „мѣсткомъ") вкупѣ съ партійной и комсомольской ячейкой сейчасъ же „прорабатываетъ" эти лозунги примѣнительно къ спеціальности даннаго учрежденія или завода. Ежели это металлургическій заводъ, то лозунгъ борьбы, скажемъ, съ вредительствомъ будетъ „проработанъ" такъ: „отвѣтимъ на вредительство повышеніемъ выпуска качественной стали". Въ учрежденіи: „желѣзной метлой выметемъ изъ своей среды предателей рабочаго класса"... Съ соотвѣтствующими редакціонными поправками такіе лозунги будутъ выработаны у медиковъ, у шофферовъ и у прочихъ. Художественные кружки въ полчаса переведутъ эти лозунги на кумачъ, который всегда для такихъ случаевъ хранится въ запасѣ, и въ половинѣ двѣнадцатаго партійная, комсомольская и профсоюзная ячейки расходятся по комнатамъ учрежденія или по цехамъ завода:

— Товарищи, всѣ на демонстрацію!

Въ рукахъ у каждаго изъ этихъ активистовъ списокъ людей, которыхъ онъ строитъ по четыре въ рядъ, устраиваетъ перекличку — вотъ вамъ и милліонная толпа. Какъ видите — не очень хитро.

Въ годы НЭП'а профсоюзы занимались еще кое-какими функціями по охранѣ труда. Въ годы пятилѣтокъ — всякими бригадами, обслѣдованіями, ревизіями чего попало: бригада московскихъ машинистокъ и курьеровъ ѣдетъ обслѣдовать и ревизовать рыбные промыслы на Каспіи, а сталевары завода „Серпъ и Молотъ" ревизуютъ постановку медицинской работы въ Наркомздравѣ. Это называлось — „подъ контроль массъ". Теперь это, кажется, уже бросили.

Болѣе или менѣе стабильной отраслью профсоюзной работы является культурно-просвѣтительная. Это — безконечные марксистско-ленинско-сталинскіе кружки, клубы, библіотеки, шахматы, шашки и, наконецъ, спортъ — или то, что значительно точнѣе выражается совѣтскимъ терминомъ — „физическая культура“.

Оной физкультурой я завѣдывалъ всѣ годы моего московскаго пребыванія.

Въ виду этого, какъ-то подъ Рождество 1929 года у меня на службѣ появилась дѣвушка лѣтъ девятнадцати, худенькая и стройная, съ чуть-чуть лукавенькими и раскосыми глазками подъ упрямымъ лбомъ и въ какой-то заплатанной кацавейкѣ довоенныхъ временъ. Дѣвушку звали Марусей — фамиліи не помню. Она, оказывается, работала курьершей въ какомъ-то центральномъ комитетѣ и училась во вхутемасѣ*). Теперь, получивъ на каникулы отпускъ отъ своего ЦК, собирается продѣлать трехсотверстовый лыжный пробѣгъ вокругъ Москвы, — такъ сказать, поставить рекордъ. Отъ меня требовалась бумаженка, удостовѣряющая, что такая-то и такая-то дѣйствительно совершаетъ „лыжный пробѣгъ“ а не раскатывается вокругъ Москвы съ цѣлями контръреволюціонными. Пребываніе всякаго посторонняго человѣка въ деревнѣ обязательно должно быть оправдано какой-нибудь бумаженкой, иначе первый же сельсовѣтъ васъ арестуетъ: чего это вы тутъ зря шатаетесь.

Я посмотрѣлъ на Марусю повнимательнѣе. Въ ея лицѣ не было ни кровинки. Гмъ, триста верстъ?

Дѣвушкѣ хотѣлось поставить рекордъ. Но для рекордовъ въ СССР существуетъ „Динамо“ (спортивное общество ОГПУ), и своихъ рекордсменовъ оно держитъ на спеціальномъ пайкѣ. Моя же собесѣдница держалась только на пайковомъ хлѣбѣ — это было достаточно очевидно. На такомъ питаніи рекордовъ безнаказанно ставить нельзя, о чемъ я Марусѣ и доложилъ. Возникла небольшая перебранка. Маруся похвасталась мнѣ замѣчательной техникой лыжнаго хода. Я не безъ нѣкоторыхъ эгоистическихъ цѣлей предложилъ ей пріѣхать ко мнѣ

---

*) Высшее московское художественно-техническое училище.

въ Салтыковку и продемонстрировать эту технику мнѣ и сыну, кстати и воронами накормлю. Вороны же были рекомендованы въ качествѣ горныхъ курочекъ, полученныхъ мною по блату изъ Дагестана: свѣжему человѣку ворону слѣдуетъ рекомендовать подъ какимъ-нибудь псевдонимомъ.

Въ одинъ изъ предрождественскихъ выходныхъ дней (совѣтскій выходной день соотвѣтствуетъ буржуазному воскресенью) мнѣ съ утра пришлось зачѣмъ-то поѣхать въ Москву и, вернувшись, я засталъ у себя на дворѣ цѣлую кучу молодежи: одни изъ нихъ прилаживали лыжные ремни и прочія приспособленія лыжнаго спорта, другіе боролись и кувыркались на снѣгу, но галдѣли рѣшительно всѣ. Среди нихъ была и Маруся — въ полномъ походномъ снаряженіи. Снаряженіе это, впрочемъ, состояло изъ тѣхъ же юбочки и кацавейки, въ которыхъ я видалъ Марусю во Дворцѣ Труда. Единственной новинкой были какіе-то старые валенки. Я осмотрѣлъ Марусю весьма внимательно и спросилъ:

— Такъ чтожъ, вотъ въ этакомъ-то одѣяніи вы и свой трехсотверстный пробѣгъ думали предпринимать?

— А мы, товарищъ Солоневичъ, не буржуйскаго корня.

— Ну, не буржуйскаго — такъ не буржуйскаго.

Вся компанія довольно быстро собралась въ путь, я влѣзъ въ свои лыжи, и мы пошли.

Сразу же выяснилось, что Марусина похвальба относительно ея техники лыжнаго хода имѣла подъ собою всѣ основанія. Маруся скользила по снѣгу, точно солнечный бликъ, точно въ ней не было никакого вѣса, и ее вѣтромъ передувало съ пригорка на пригорокъ. Да и вся группа состояла ихъ хорошихъ лыжниковъ. Вслѣдствіе чего — этакъ черезъ часъ я выдохся, отсталъ, побродилъ въ одиночку и вернулся домой. Еще черезъ часъ вернулась и Маруся съ какой-то вовсе неизвѣстной мнѣ подругой. Подруга, какъ и я, выдохлась, а у Маруси въ глазахъ стояли слезы, каковыя она всѣми силами старалась скрыть.

— Вы знаете, товарищъ Солоневичъ, лыжу сломала. Такъ обидно... Столько времени собирала деньги, да и

пара хорошая попалась... — Въ голосѣ Маруси дѣйствительно чувствовалась большая обида.

Собрать деньги на пару лыжъ, въ сущности, было не такъ ужъ и сложно. По тѣмъ временамъ цѣна пары лыжъ соотвѣтствовала цѣнѣ четырехъ килограммовъ черного хлѣба: лыжи вырабатывались въ мастерскихъ „Динамо" руками заключенныхъ. Но съ другой стороны — и четыре килограмма чернаго хлѣба были для Маруси великой цѣнностью... Я утѣшилъ Марусю: я достану ей лыжи по блату — изъ моего склада спортивнаго инвентаря. Въ видѣ благодарности Маруся сказала: „ишь, какой вы добрый" и познакомила меня со своей подругой: „А это Сашка, тоже комсомолка".

Сашка оказалась комсомолкой того типа, отъ котораго даже и партiйный духъ воротитъ. Этакое: „намъ все нипочемъ, намъ на все наплевать".

Мы поднялись наверхъ, въ мою столовую. Столовая представляла собою комнатушку, четверть которой занимала печка, другую четверть — деревянное ложе, которое одновременно являлось потолкомъ надъ лѣстницей, а остальное пространство было распредѣлено между столомъ, кресломъ въ углу и кое-какими проходиками для передвиженiя. Маруся сразу забралась въ кресло — кресло было добротное, кожаное, на пружинахъ, — погрузилась въ него и съ удивленiемъ отмѣтила:

— Ишь ты, какъ ловко здѣсь сидѣть-то...

Сашка размашисто осмотрѣла комнатушку: полки книгъ надъ кресломъ, икона въ углу.

— Что это у васъ, товарищъ, ни одного вождя не виситъ?

— Такъ просто, изъ оригинальности...

— А икона — тоже отъ оригинальности?

— Нѣтъ, я оригинальничаю не во всемъ.

— Тоже — образованный человѣкъ, а Божьихъ мордъ понавѣшалъ.

Я повернулся къ Сашкѣ. Она уже успѣла усѣсться на столъ и занималась разворачиванiемъ съ шеи какого-то рванаго шарфа.

— Послушайте, какъ васъ — Сашка? Если вы пришли въ мой домъ — такъ будьте добры вести себя

прилично или убирайтесь вонъ. И сейчасъ же слѣзайте со стола — столъ устроенъ не для того, чтобы на немъ сидѣть.

Тонъ у меня былъ весьма категорическій, но ни въ какое смущеніе Сашку онъ не привелъ.

— Ишь ты, какой онъ колючій. Прямо не подступись.

Однако, со стола слѣзла.

Изъ своего кресла въ углу Маруся бросила примирительную реплику.

— Сашка, не трепись. А вы, товарищъ Солоневичъ, на нее не обижайтесь, она у насъ активистка...

Активистку въ Сашкѣ было видно за версту и такого рода публику я обычно къ себѣ и на порогъ не пускалъ. Если мужского пола активисты, со своей слѣжкой, вынюхиваніемъ, выслушиваніемъ, разболтанностью, способны вызвать тошноту, то отъ женскаго пола активистокъ я ощущалъ позывы къ рвотѣ. Это вотъ — тѣ самыя, которыя „безъ черемухи"... Которыхъ въ порядкѣ комсомольской нагрузки посылаютъ для тѣлеснаго обсуживанія всякой коминтерновской, профинтерновской, кимовской*) и спортинтерновской сволочи помельче, — каковая сволочь непрерывно околачивается всякими „делегаціями" въ Москвѣ, живетъ въ гостиницѣ „Люксъ", гдѣ ее кормятъ на убой, поятъ до безчувствія и еще снабжаютъ вотъ такими активистками. Я началъ жалѣть, что обѣщалъ Марусѣ лыжи...

Сашка не очень охотно перелѣзла на стулъ. Я хотѣлъ было выгнать ее немедленно, но какъ-то постѣснялся.

— Тоже — подумаешь, какъ-бы и образованный, книговъ сколько навалено — а тоже еще въ Бога вѣруетъ.

— На эту тему я съ вами, Сашка, разговарить не желаю, да и вамъ не совѣтую. Отогрѣйтесь — и, милости просимъ, ближайшій поѣздъ на Москву идетъ черезъ полчаса.

— Вродѣ, какъ выгоняете.

---

*) КИМ — коммунистическій интернаціоналъ молодежи.

— Очень похоже.

— Ну, и чортъ съ вами, отогрѣюсь и поѣду. Недорѣзали васъ.

— А васъ недодѣлали... И кстати, Сашка, я съ вами вообще разговаривать не желаю — сидите, отогрѣвайтесь и молчите.

Маруся безпокойно вертѣлась въ креслѣ. Видно было, что эта перепалка никакого удовольствія ей не доставляла...

— Вѣчно ты, Сашка, чего-нибудь насвинишь...

Сашка раздраженно передернула плечами:

— Я думала, что ѣду къ своему брату, пролетарію...

На пролетарія я не отвѣтилъ ничего. Маруся сказала примирительнымъ тономъ:

— Для нашего молодняка, конечно, удивительно, что, если образованный человѣкъ и вѣрующій... Я вотъ, тоже — никакъ не ожидала.

— А вамъ, Маруся, сколько лѣтъ?

— Да подъ двадцать.

— Значитъ, вамъ еще предстоитъ увидѣть въ жизни цѣлую массу вещей, которыхъ вы никакъ не ожидаете. Совсѣмъ неожиданныхъ вещей.

— А какія могутъ быть неожиданности? — Маруся недоумѣнно повела плечами...

— Вотъ потому они и неожиданности, что ихъ не ожидаютъ...

— Это у васъ не марксистскій подходъ. А у насъ, у марксистовъ, — все по плану.

Если Маруся и понимала что-нибудь въ марксизмѣ, то очень не на много больше, чѣмъ любой поросенокъ — въ апельсинахъ. Я только сказалъ: „ой-ли“.

— Да что тутъ „ой-ли?“ Вотъ — кончу Вхутемасъ, буду работать.

— И замужъ — по плану выйдете?

— Да, и такой планъ есть. — Маруся посмотрѣла на меня задорно и лукаво.

— И мужа — спланировали?

— И мужа спланировала.

— Тоже комсомолецъ?

— Обязательно.

— А кто онъ — не секретъ?

— А вамъ какое дѣло, — Маруся засмѣялась. — Вы — не комсомольская ячейка, чтобы исповѣдывать.

— А тамъ — исповѣдуютъ?

— И еще какъ! Такъ иной разъ намылятъ загривокъ, что ой-ой... А насчетъ Бога — васъ надо будетъ разагитировать. А то въ самомъ дѣлѣ: инструкторъ физкультуры — и иконы! А еще мнѣ говорили, что вы и на иностранныхъ языкахъ разговариваете.

— На цѣлыхъ четырехъ. А вотъ вы и съ однимъ русскимъ плохо справляетесь... Смотрите, какъ бы я васъ не разагитировалъ.

— А все-таки намъ это удивительно. Кажись — культурный человѣкъ.

— А вы о такихъ культурныхъ людяхъ, какъ Дарвинъ, Менделѣевъ, Достоевскій — слышали?

— Ну, такъ это было при старомъ строѣ.

— Пойдемъ, что-ль, — Сашка рѣзко поднялась, — а то опять гнать станутъ...

Сашкины глаза бѣгали по стѣнкамъ, по корешкамъ книгъ, по иконамъ, — вынюхивая все, что только можно было вынюхать... Маруся поднялась:

— А вы, Маруся, оставайтесь, — сказалъ я.

— Оставайся, оставайся, — подхватила Сашка. — Займитесь тутъ поповскими дѣлами. Компанія-то до ночи не вернется, а кровать тутъ буржуйская, на такой кровати тебя никогда еще...

Я рѣзко повернулся къ Сашкѣ и та, какъ говорятъ въ Россіи, „заткнулась“. И весьма своевременно, — ибо у меня была тенденція просто вышвырнуть ее вонъ.

Маруся вспыхнула: „ну и дура ты, Сашка, и дурища!“

— Въ ниверситетахъ не обучалась.

Я промолчалъ. Маруся протянула мнѣ руку.

— Ну, такъ до свиданья. Жаль, что такъ это вышло, вы ужъ извините.

— Извиняйся, извиняйся... А мы вами, гражданчикъ, еще поинтересуемся.

Я взялъ Сашку за плечи и тихохонько повернулъ ее къ дверямъ. Этотъ способъ обращенія особаго впечатлѣнія на Сашку не произвелъ. За ея спиной Ма-

руся съ извиняющимся лицомъ пожала плечами и даже насчетъ лыжъ не рискнула напоминать.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этой лыжной прогулки и трогательнаго моего знакомства съ Сашкой прихожу я какъ-то въ свой почти отдѣльный кабинетъ въ ЦК. Кабинетъ былъ почти отдѣльнымъ потому, что въ немъ стояло три стола, но обладатели минимумъ двухъ изъ нихъ постоянно находились въ соприкосновенiи съ массами и околачивались гдѣ-то по командировкамъ. И вотъ, вижу:

За моимъ столомъ, около него и на немъ интенсивно дѣйствуетъ какая-то группа лоботрясовъ: ясно — налетъ легкой кавалерiи. Ящики стола выдвинуты, дѣла вытащены, папки разворочены. На столѣ, изогнувшись капитальнымъ своимъ фундаментомъ, сидитъ какая-то баба и разсматриваетъ какой-то строительный проэктъ. Отъ бабы я успѣлъ замѣтить только то, что, прилипшая къ углу рта папироса свѣшивается внизъ, и пепелъ съ нея падаетъ на строительные планы. Баба на такомъ обслѣдованiи это хуже рака печени: она будетъ вгрызаться во всякую мелочь, поѣдомъ ѣсть, прицѣпившись къ какой-нибудь ерундистикѣ, — недѣлями потомъ будетъ разоблачать „классоваго врага", сквалыжить, лазить по доносамъ, пока не надоѣстъ адресатамъ этихъ доносовъ и пока они сами не вышибутъ ее вонъ Но пока они ее вышибутъ — придется мнѣ натерпѣться. Охъ, придется...

Но мое вниманiе временно было отвлечено Колей Алешинымъ. Онъ стоялъ этакой тумбой у окна и разсматривалъ набросанный художникомъ Алексѣевымъ проэктъ какого-то спортивнаго диплома. Видъ у него былъ вдумчивый. Я полагалъ, что Алешинъ мнѣ коечѣмъ былъ обязанъ и что ввязываться въ это ему не слѣдовало бы.

— А вы-то какъ сюда попали?

Алешинъ поднялъ на меня свѣтлые и прозрачные свои глаза:

— А здорово нарисовано, тов. Солоневичъ, ей Богу, здорово... Когда это я такъ научусь рисовать.

И тщательно и бережно свернулъ листъ въ трубку.

Я пожалъ плечами и обернулся къ столу. На столѣ, сидючи бокомъ, въ какомъ-то сладострастномъ изгибѣ сидѣла, оказывается, Сашка. На презрительно оттопыренной губѣ висѣла папироса, между низкимъ лбомъ и квадратной челюстью торжествующе угнѣздились ехидныя глядѣлки. Потомъ ихъ торжествующій блескъ потухъ, и Сашка сказала дѣловымъ и сухимъ тономъ — тономъ неумѣлаго допроса:

— Что это у васъ, тов. Солоневичъ, плантъ этотъ вредительствомъ попахиваетъ...

„Планъ" оказался проэктомъ водной станціи. Увы, изъ-за этого проэкта я въ самомъ дѣлѣ мѣсяцевъ шесть тому назадъ чуть было не сѣлъ въ ГПУ. Проэктъ стандартной водной станціи съ десятиметровой вышкой для прыжковъ былъ разработанъ лучшими спеціалистами Москвы и, во избѣжаніе лишней волокиты по комиссіямъ, утвержденъ лично мной. Станціи были построены. И вотъ — въ „Правдѣ" телеграмма, что въ Сталинградѣ построенная мною водная станція при первомъ же испытаніи обрушилась, „погребая въ воду свыше восьмидесяти человѣкъ." Въ водѣ, впрочемъ, не погребенъ былъ никто — всѣхъ вытащили. Меня же потащили въ ГПУ. Съ великимъ трудомъ было выяснено, что сталинградскіе профсоюзники на пловучей станціи вышку для прыжковъ использовали въ качествѣ трибуны для почетныхъ гостей. Почетныхъ гостей набралось около сотни — вышка, понятно, опрокинулась. На слѣдователя ГПУ особое впечатлѣніе произвелъ предсѣдатель мѣстнаго исполкома, который попалъ въ воду и, не умѣя плавать, былъ вытащенъ пловцами, приведенъ въ чувство и, по оказаніи ему первой медицинской помощи, оказался просто на просто пьянымъ и въ пьяномъ видѣ утверждалъ, что станцію построили иностранные диверсанты...

Выяснилъ все это не я самъ. Это выяснила спортивная газета, которая дала телеграмму своему корреспонденту, корреспондентъ отвѣтилъ, добрые люди изъ газеты сейчасъ же позвонили въ ЦК, и изъ ЦК Валхаръ позвонилъ въ кабинетъ того слѣдователя, который въ данный моментъ настойчиво выяснялъ мое спеціальное происхожденіе, но предсѣдатель исполкома привелъ слѣдователя

въ юмористическое настроеніе, и я былъ съ миромъ отпущенъ домой.

Положеніе нѣсколько прояснилось: очевидно, Сашка или кто-то другой, съ большимъ запозданіемъ учли эту телеграмму въ „Правдѣ" и, не спросясь броду, полѣзли въ воду. Я сказалъ коротко и стенографически:

— Мандатъ?

Сашка полѣзла за свой бюстгальтеръ и вытащила мандатъ — онъ былъ подписанъ какой-то совсѣмъ завалящей комсомольской ячейкой. Я пробѣжалъ глазами этотъ мандатъ, молча повернулся и пошелъ къ Валхару.

Валхару было передано содержаніе давешней моей перепалки съ Сашкой. Голой истины я не очень придерживался — было сообщено, что такъ работать вообще нельзя — ну его къ чорту — ГПУ все выяснило, а тутъ еще какіе-то сопляки путаются, и былъ сдѣланъ намекъ, что въ числѣ прочихъ бумагъ, вытащенныхъ активистами изъ моего стола, есть, напримѣръ, списокъ распредѣленія долларовъ на фото-аппараты и винтовки и списокъ распредѣленія фото-аппаратовъ и винтовокъ среди членовъ ЦК ВЦСПС и прочихъ весьма отвѣтственныхъ лицъ.

Не знаю, какія именно соображенія подѣйствовали на Валхара сильнѣе всего, но подозрѣваю, что самоснабженческіе списки оказались рѣшающимъ факторомъ.

— Постойте, — сказалъ Валхеръ,—я къ Фигатнеру зайду.

Фигатнеръ былъ предсѣдателемъ союза. Черезъ минуты двѣ Валхаръ вышелъ обратно: пойдемъ. Пошли. Валхаръ — впереди, я — сзади. Пришли въ мою комнату. Сашка все еще смотрѣла на проэктъ станціи — какъ баранъ на новыя ворота, остальные активисты шуршали многочисленными бумагами, уже разбросанными по столу и по полу.

Валхаръ посмотрѣлъ на все это удавьимъ взоромъ.

— Съ ячейкой ВЦСПС согласовали?

Сашка, вѣроятно, не знала, что обслѣдованіе нѣкоторыхъ отраслей требовало спеціальнаго согласованія съ нѣкоторыми спеціальными заведеніями.

— Съ какою это ячейкой? — спросила она еще нѣсколько заносчиво, но не безъ тревоги въ голосѣ.

— А, съ какой? Сейчасъ вамъ покажутъ—съ какой.

Постояли. Помолчали. Сашка безпокойно ерзала на своемъ фундаментѣ и не знала, что ей говорить. Черезъ минуту въ комнату вошли два агента ГПУ — изъ постоянно дежурившаго во „Дворцѣ Труда“ взвода.

— Вотъ, товарищи, эту компанію арестовать для выясненія личностей — тов. Фигантеръ дастъ потомъ спеціальныя указанія.

Служащіе ГПУ всѣ были членами союза совѣтскихъ и торговыхъ служащихъ, и поэтому между ГПУ и ЦК союза былъ нѣкоторый спеціальный контактъ.

Одинъ изъ агентовъ ГПУ сказалъ:—„пожалуйте, товарищи?“

Сашка изумленно положила на столъ проэктъ станціи и, огрядывая насъ всѣхъ, растерянно забормотала:

— Позвольте, какъ же это — мы же по порученію ячейки...

— Ничего, товарищи, не безпокойтесь, тамъ все выяснится — пожалуйте.

Компанія „пожаловала“. Валхаръ успѣлъ перехватить Алешина:

— А васъ какой чортъ сюда ввязалъ? Этого — оставьте, — обратился онъ къ агентамъ. Алешина оставили, и онъ уныло и недоумѣнно побрелъ въ свою курьерскую, вѣроятно, размышляя о полной для него непонятности совѣтскихъ взаимоотношеній въ Москвѣ. Сашка же не удержалась и, уходя, обернулась и потихоньку, на уровнѣ бедра, показала мнѣ кулакъ.

* * *

За обѣщанными лыжами Маруся ко мнѣ все-таки зашла. Видъ у нея былъ достаточно робкій. Разговоръ начался съ извиненія за Сашку: „сама она ко мнѣ прицѣпилась, неловко было не взять, вы ужъ не обижайтесь“.

Марусю лыжами я снабдилъ. И сравнительно хорошими лыжами. На моемъ складѣ ихъ было тысячъ пять

паръ, всегда можно списать десятокъ паръ „на поломку". Актъ о поломкѣ будетъ подписанъ товарищами, которые тоже по парѣ лыжъ получили. Это въ общемъ не хитро. И поскольку, вотъ, на такихъ поломкахъ, утечкахъ, усушкахъ, утрускахъ и пр. построенъ весь совѣтскій бытъ — все это какъ-то само собою разумѣется и не только „вольтеріанцы", но даже и ГПУ противъ этого не протестуетъ...

— А, можно, я къ вамъ какъ-нибудь съ мужемъ пріѣду?

— Пріѣзжайте съ мужемъ.

* * *

Въ одинъ изъ очередныхъ выходныхъ дней Маруся появилась въ Салтыковкѣ со своимъ мужемъ. Мужъ, къ моему великому удивленію, оказался Алешинымъ. На этотъ разъ онъ былъ нѣсколько менѣе малорѣчивъ, чѣмъ въ наши предыдущія встрѣчи: поблагодарилъ меня за давнее мое участіе въ его судьбѣ и извинился за недавнее его участіе въ налетѣ „легкой кавалеріи". Я всмотрѣлся въ Алешина повнимательнѣе. Отъ прежней „крови съ молокомъ" не осталось и слѣда, прежній долгополый сюртукъ былъ передѣланъ во что-то болѣе соотвѣтствующее дыханію эпохи. Сверхъ этого сюртука на Алешинѣ не было надѣто ничего, морозъ же былъ градусовъ подъ 20. Маруся была вооружена парой лыжъ, у Алешина лыжъ не было. Я на прогулку итти не собирался и Алешину далъ свою пару, лучшую въ СССР. Сейчасъ эта пара возвратилась таинственнымъ путемъ на свою родину — въ Финляндію, откуда финскіе мастера прислали ее въ свое время на выставку спортивнаго инвентаря въ Москвѣ. Говорятъ, что книги имѣютъ свою судьбу. Лыжи тоже иногда ее имѣютъ.

Въ этотъ выходной день изъ-за мороза никто ко мнѣ больше не пришелъ. Я сидѣлъ у себя дома и писалъ. Къ вечеру въ мою голубятню заглянулъ мой постоянный спутникъ по рыбной ловлѣ — Тося, высокій, флегматичный и жилистый парень лѣтъ 25, инженеръ,

предпочитавшій своему искусству уженье рыбы и сборъ грибовъ.

Видя, что я занятъ, Тося медленно раздѣлся, стянулъ съ себя валенки, усѣлся въ углу, у печки и извлекъ съ полки какую-то книгу, сообщивъ мнѣ предварительно, что уловъ былъ хорошъ и что тамъ, въ корридорчикѣ, стоитъ ведерко съ рыбой.

Часа черезъ два внизу раздался топотъ ногъ, въ комнатѣ появились Маруся съ Алешинымъ — раскраснѣвшіеся отъ мороза и очень оживленные. Я попытался познакомить Тосю съ юными молодоженами, но, оказалось, что они уже знакомы: встрѣтились на прошлой вылазкѣ и гдѣ-то тамъ видались въ Москвѣ. Марусѣ было сообщено о наличіи ведерка съ рыбой и нѣсколькихъ „горныхъ курочекъ". Маруся взяла въ свои руки бразды правленія, зашипѣлъ примусъ, комната наполнилась соблазнительнымъ запахомъ ухи... Я пока что спросилъ у Алешина, какъ онъ устроился.

Алешинъ усѣлся на лежанкѣ и обстоятельно сообщилъ мнѣ, что устроился онъ „очень ничего", поступилъ на какіе-то подготовительные курсы во Вхутемасѣ, попалъ въ комсомолъ...

— Только работы — не оторваться... Отсталый я... нагонять все приходится: и по спеціальности, и по политграмотѣ... Ничего, я тебя, Маруська, еще черезъ годъ — во какъ обставлю.

— Куда тебѣ, медвѣдина, — ласково отозвалась изъ корридора Маруся.

— Обставлю... — Алешинъ удовлетворенно потянулся и расправилъ плечи...—Оно ничего — жизнь налаживается... Еще годика этакъ съ два проучиться, комнатку, можетъ, съ Марусей достану гдѣ... Стану по спеціальности работать..

Тося поднялъ на Алешина свои равнодушные глаза, лѣнивыми и осторожными движеніями собралъ со стола крошки отъ махорки, зажегъ свою папиросу, какъ-то пожалъ плечами и снова уставился въ книгу. Алешинъ продолжалъ развивать свои планы. Тося еще разъ поднялъ на него свои глаза, снова пожалъ плечами и сказалъ:

— Ничего изъ вашихъ плановъ не выйдетъ. У меня планы были почище вашихъ, и то не вышло.

— А какіе планы у васъ были?

— Почтенные. Отецъ у меня большой партіецъ, я кончилъ вузъ. Три года еще учился въ Англіи — а вотъ, промышляю удочкой.

— По моему — это саботажъ, — сказала Маруся изъ корридора.

Тося снова равнодушно пожалъ плечами.

— Называйте это саботажемъ. А я буду работать тогда, когда у меня за голодный паекъ не потребуютъ всего моего здоровья... Своя рубашка къ тѣлу ближе. Пока вы кончите вашъ Вхутемасъ — такъ вы будете готовымъ фабрикатомъ для того свѣта. А когда кончите — что вы будете дѣлать?

— Какъ что? — рисовать.

— У насъ здѣсь, въ Салтыковкѣ, живетъ скульпторъ Алексѣевъ — въ свое время кончилъ не вашъ халтурный Вхутемасъ, а академію художествъ. Рисуетъ діаграммы для профсоюзовъ — стоило кончать академію...

— Если для соціализма нужны діаграммы — будемъ рисовать діаграммы.

— Для этого не стоитъ ни учиться, ни здоровье терять. А ваши коровы и кони никуда не годятся.

— Почему это никуда? — обидѣлся Алешинъ.

— Никуда не годятся. Они — вы понимаете — они единоличные. Но этого вы не поймете.

— Это, извините, я могу понять и не хуже вашего.

— Не можете. Года черезъ три поймете.

Замѣчаніе Тоси было удивительно. Коровы, кони и овцы Алешина были въ самомъ дѣлѣ „единоличными". Сейчасъ онъ рисовалъ ихъ на много лучше прежняго, и во всѣхъ этихъ коровахъ и прочемъ скотѣ было что-то интимное, избяное, я бы сказалъ, есенинское. Алешинская корова была коровой, у которой съ хозяиномъ или хозяйкой существуетъ нѣкій не электрофицированный, не механизированный и не коллективизированный контактъ. Кому сейчасъ въ самомъ дѣлѣ нужна этакая лирическая корова? Отъ коровы должно нести энтузіазмомъ, темпами, пафосомъ построенія безклассоваго коровьяго

общества. Тося былъ правъ. И Тося былъ правъ въ томъ, что Алешинъ ничего этого не пойметъ.

Ничего Алешинъ и не понялъ.

— Тутъ и понимать нечего, — сказалъ онъ, — сейчасъ искусство должно итти нога въ ногу. Выдумывать тутъ нечего...

Маруся появилась въ прямоугольникѣ двери съ тарелками въ рукахъ и остановилась въ какомъ-то недоумѣніи. Она какъ-то странно посмотрѣла на Алешина, и въ глазахъ ея мелькнуло что-то вродѣ жалости. Но отдавать своего медвѣженка на растерзаніе Тосиному скептицизму все же не рѣшилась...

— Замашки у васъ какія-то буржуйскія, товарищъ Тося.

Замашки у Тоси были, дѣйствительно, буржуйскія. Какъ-никакъ провелъ парень три года въ Англіи, хотя посланъ былъ на годъ. Послѣ этого года совѣтская власть лишила его стипендіи, онъ промышлялъ профессіональными гонками на мотоциклѣ и профессіональной игрой въ регби. О причинахъ своего возвращенія онъ предпочиталъ не говорить вовсе. По сравненію съ моими молодоженами Тося былъ, если не аристократомъ, то во всякомъ случаѣ „буржуемъ".

— Ну такъ что? — спросилъ Тося равнодушно.

— Ничего. — Маруся поставила тарелки. — Ничего. Только, значитъ, и подходъ у васъ буржуйскій. Что-жъ, вы думаете, совѣтская власть художниковъ не цѣнитъ? Или пролетаріату искусство не нужно?

— Вотъ, смотрите, — подхватилъ Алешинъ, — вотъ, во Вхутемасъ приняли... Работу дали.

Потребности и горизонты у Алешина были очень неширок и... Тося посмотрѣлъ на него не безъ раздраженія.

— Вотъ, ей Богу, еловина вологодская, да васъ съ вашимъ талантомъ вездѣ бы съ руками рвали. И вездѣ добрые люди нашлись бы... Много ли вамъ нужно? Кило хлѣба въ день.

— Н-нѣтъ, — съ сомнѣніемъ сказалъ Алешинъ, — кила маловато. Мнѣ бы кила съ два... — И при мысли объ отсутствующихъ килограммахъ хлѣба Алешинъ какъ-то вздохнулъ.

— Эхъ, ты, медвѣдикъ ты мой, — Маруся потрепала бѣлесую шевелюру Алешина. — Ну, давайте лучше — за уху...

Мы взялись за уху. Работа пошла быстро. Тосино ведерко было ликвидировано въ два счета и двѣ моихъ вороны — тоже. Но хлѣба почти не было. Маруся разыскала въ буфетѣ какія-то залежавшіяся корки, мы съ Тосей отъ нихъ отказались, и Алешинъ сжевалъ ихъ до послѣдней крошки. По выраженію его лица можно было съ достаточной точностью опредѣлить, что такихъ порцій онъ съѣлъ бы еще штукъ пять. Маруся, оставивъ свою тарелку, забралась на лежанку, спихнувъ своего мужа, свернулась тамъ калачикомъ и адресовала Тосѣ ехидный вопросъ:

— Ну, а вы — вы что дальше дѣлать собираетесь?

— Рыбу ловить. Книги читать. Сейчасъ — вотъ покурю. — Тося досталъ своей кисетъ и сталъ сворачивать папиросу. Его длинные жилистые пальцы привычнымъ движеніемъ свернули собачью ножку. Тося затянулся и посмотрѣлъ на молодоженовъ съ какимъ-то насмѣшливо-грустнымъ вызовомъ.

— Вышибутъ васъ, Тося, изъ подъ Москвы, вотъ посмотрите — вышибутъ, — сказала Маруся.

— Меня не вышибутъ У меня папаша — въ ЦК партіи (впослѣдствіи Тосю таки вышибли: подозрительный элементъ: инженеръ, а таскается по рѣчкамъ и торгуетъ рыбой). У меня папаша къ самому Сталину болѣе или менѣе вхожъ...

У Алешина даже челюсть отвисла.

— Къ самому Сталину? Ну, и какъ?

— Да никакъ. Идетъ — поджилки тряснутся. Придетъ — хлопнетъ бутылку: ну, пронесло до другого раза. Вы на медвѣдя ходили?

— Не-не, не приходилось.

— Жаль... Ну, въ общемъ — въ этомъ родѣ получается. У моего папаши — невеселое житье. Я ужъ ему говорилъ — давай, батька, примазывайся ко мнѣ: сдавай свой партбилетъ, будемъ вмѣстѣ рыболовничать. Будетъ немного голоднѣе, зато никакихъ уклоновъ.

— Это — оттого, что вы заграницей жили, — сказала Маруся. — Разложились.

Тося оглядѣлъ Марусю прищуренными глазами.

— А вы у доктора давно были? Туберкулезъ у васъ какой степени?

— А вамъ какое дѣло?

— Мнѣ никакого. А вотъ вашему Колькѣ — дѣло есть. Вотъ такъ еще проваландаетесь по Вхутемасу, по комсомольскимъ нагрузкамъ, ну и прочее — и лѣтъ черезъ пять будетъ васъ Колька хоронить...

— Ну, и что-жъ. И будетъ. Это вы за свою шкуру дрожите...

— Своя шкура — это единственное, что есть у человѣка свое...

— Ну, ужъ будто? — усумнился я.

— Ну, вотъ видите, — обрадовалась Маруся, — дядя Ваня ужъ на что буржуй, а и тотъ не такой шкурникъ, какъ вы... Вотъ что значитъ — прожить три года у буржуевъ. Совсѣмъ парень разложился. Я говорю — политически разложились.

— А вы, Маруся, политически еще и не складывались.

— Это — извините, — заступился Алешинъ, — моя Маруся — она по политграмотѣ такъ чешетъ...

— Гнилой вы, — сказала Маруся, — отсталый элементъ.

— Вотъ потому я на заводъ и не иду, что не хочу гнить заживо. А если вы къ двадцати пяти годамъ сгніете — никому отъ этого никакой пользы не будетъ...

— Э, да что тутъ говорить, если человѣкъ, кромѣ своей шкуры, ничего не видитъ. Пойдемъ, что-ль, Рябушка, — Алешинъ съ сожалѣніемъ поднялся.

— Да куда вамъ? — сталъ удерживать я.

— Да по домамъ — пока тамъ доѣдемъ...

— А гдѣ вы живете?

— А я въ курьерской въ ЦК... Маруся въ общежитіи какомъ-то...

— Раздѣльное жительство супруговъ, — съиронизировалъ Тося...

— Б-р-ръ, — передрнула плечами Маруся. — Какъ

подумаешь объ этомъ общежитіи, такъ ужъ лучше въ деревнѣ въ хлѣву жить...

— Отстаетъ наше жилстроительство,—оффиціально констатировалъ Алешинъ...—Вотъ — пока и приходится...

Тося вылѣзъ изъ своего угла и сталъ натягивать валенки.

— Ну, давайте одѣваться, — сказалъ онъ.

Но ни Алешину, ни Марусѣ одѣваться было не во что... Маруся зябко пожалась: „морозы-то какіе пошли".

Тося натянулъ валенки и, надѣвая пальто, сказалъ:

— Вношу на обсужденіе другой проэктъ. Вмѣсто того, чтобы вамъ расходиться по вашимъ общежитіямъ— идите спать ко мнѣ, близко, отсюда минутъ пять, а я сюда переберусь — не прогоните, дядя Ваня? Мѣсто у васъ есть, а живете вы все равно отшельникомъ.

— Ну, конечно, валяйте...

— Ну, вотъ, хоть одну ночь... поспите, какъ слѣдуетъ... Ну, катимся...

Алешинъ какъ подымался изъ-за стола, такъ и застрялъ. Осмотрѣлъ нѣсколько растеряннымъ выглядомъ меня, Тосю, а больше всего Марусю и сказалъ только: „Ай, да спасибо... Идемъ, Рябушка, что-ль?"

Марусино личико вспыхнуло кумачомъ:

— Да не, не надо, я ужъ къ себѣ поѣду. Тоже — выдумали...

— Что, и у васъ, Маруся, буржуазные предразсудки? — съязвилъ я.

— Никакіе не предразсудки. Ну, я, конечно, его жена, какіе тамъ предразсудки. Всякій понимаетъ...

— Всякій понимаетъ, — вмѣшался Тося, — что вамъ и обняться-то негдѣ...

— Пойдемъ ужъ, Рябушка, — Алешинъ положилъ на Марусино плечо слегка дрожащую руку. Я смотрѣлъ на Марусю съ ироническимъ ожиданіемъ.

Маруся тряхнула головой, какъ бы отбрасывая что-то. Потомъ быстро протянула мнѣ руку.

— Ну что-жъ, пойдемъ. — Лицо ея все еще было залито кумачомъ. Въ глазахъ были вызовъ, смущеніе и предвкушеніе ночи, — вѣроятно, первой — не на канцелярскомъ столѣ курьерской комнаты ЦК ССТС.

* * *

Тося вернулся минутъ черезъ двадцать. Молча досталъ изъ кармана пальто бутылку водки и сталъ стягивать съ себя валенки: „спать еще не хотите?"

Я спать еще не хотѣлъ. Пока Тося отводилъ молодоженовъ въ ихъ брачный чертогъ — Тося имѣлъ отдѣльную комнату — мнѣ въ голову лѣзли всякія мысли объ этой, вотъ, кондовой русской силѣ, безумно растрачиваемой голодомъ, перенапряженіемъ, бездомностью и еще чортъ его знаетъ чѣмъ. Какихъ бы ребятъ дала странѣ вотъ эта парочка, если бы она жила въ болѣе или менѣе нормальныхъ условіяхъ. А тутъ?..

— Почти годъ ребята женаты фактически — а и поцѣловаться негдѣ, — сказалъ Тося. — Думаю, что сегодня у нихъ — первая брачная ночь. Ну, и житье. Не жизнь, а жестянка.

— А вы объ этой жестянкѣ съ вашимъ папашей не говорили?

— Говорилъ. Онъ и самъ знаетъ. Папаша мой парень хорошій. Ему бы выпить, закусить, да поволочиться. Въ остальномъ онъ разбирается мало.

— А въ ЦК партіи все-таки попалъ?

— За послушаніе. Только такіе теперь и попадаютъ.

— А вы не боитесь, что его, въ концѣ концовъ, повѣсятъ?

— То-есть, это послѣ переворота?

— Да, послѣ чего-нибудь въ этомъ родѣ.

Тося презрительно поморщился.

— Никакого переворота не будетъ.

— А въ случаѣ войны?

— Войны пока не будетъ. Водку будемъ пить?

— Нѣтъ, не буду — закусывать нечѣмъ.

— Ну, ладно, пусть подождетъ. Никакой войны пока не будетъ,—продолжалъ Тося.—Я, знаете, часто бываю у своего папаши, собираются у него всякіе партійные киты, такъ что я въ курсѣ дѣла... Съ кѣмъ мы можемъ воевать всерьезъ? Отъ Японіи откупимся, отдадимъ КВЖД, отдадимъ Владивостокъ... А на западѣ? Съ кѣмъ воевать на западѣ? Польша — не противникъ. Польшу

пройдемъ, какъ по пустому мѣсту. А за ней Германія съ ея соціалъ-соглашателями, съ германской компартіей*). Такъ что видите ли, И. Л., разговоръ идетъ не о переворотѣ, а о міровой революціи.

— А вамъ она очень нужна?

— Мнѣ она ни къ какимъ чертямъ не нужна. Но сейчасъ пущена въ ходъ машина этой революціи—лучше присобачиться къ ней. Вы красную армію знаете?

— Немного...

— А я вотъ каждый годъ отбываю сборы въ инженерныхъ войскахъ. Страшная машина. Вы себѣ и не представляете, какая это машина.

— Но за этой машиной нѣтъ тыла, нѣтъ населенія.

— Ну, это можно сказать и такъ, можно сказать и иначе. Я, напримѣръ, въ армію пойду.

— Почему?

— Во-первыхъ, это будетъ единственное мѣсто, гдѣ не будутъ помирать съ голоду. Во-вторыхъ, у меня есть что защищать.

— Ваши удочки?

— Нѣтъ, не удочки. Ну, напримѣръ, отца, брата — они у меня оба въ партіи. Вѣдь въ Россіи есть никакъ ужъ не меньше милліона человѣкъ, которые твердо увѣрены въ томъ, что въ случаѣ переворота ихъ повѣсятъ. У этого милліона есть еще милліоны родныхъ... Потомъ — народъ изголодался — просто попретъ, чтобы пограбить буржуазію...

У меня было достаточно основаній, чтобы не спорить съ Тосей относительно того, что будетъ дѣлать русскій народъ въ случаѣ войны, да едва ли и самъ Тося имѣлъ по этому поводу какія бы то ни было иллюзіи... Но Тося принадлежалъ къ числу тѣхъ подсовѣтскихъ людей, которыхъ сама жизнь загнала въ тупикъ: направо пойдешь — голову отрѣжутъ, налѣво пойдешь — тоже голову отрѣжутъ. Выборъ невеликій. Я посмотрѣлъ на Тосю не безъ нѣкоторой ироніи. Тося запустилъ обѣ пятерни въ свою густую шевелюру, откинулся на

*) Разговоръ происходилъ въ 1930 году — до прихода Гитлера къ власти.

спинку кресла и нѣкоторое время молчалъ. Молчалъ и я.

— А все-таки какой вы оптимистъ, И. Л., — сказалъ онъ... — Народъ? Что вы думаете, народъ? Вотъ вы возьмите этихъ двухъ... Вотъ — оба голодаютъ, живутъ чортъ ихъ знаетъ какъ, и цѣлуются чортъ знаетъ гдѣ. Вотъ, представьте себѣ, власть дастъ имъ вмѣсто общежитія — ну, чуланъ какой-нибудь, вотъ вродѣ того, что у васъ подъ лѣсенкой... Ну... и по два килограмма хлѣба вмѣсто пятисотъ граммъ. Будутъ чувствовать себя на седьмомъ небѣ... Знаете, И. Л., между карасемъ и человѣкомъ не такая ужъ большая разница... Сколько вѣковъ карасей на крючки таскаютъ, вопросъ только въ наживкѣ. Вотъ дадутъ нашимъ комсомольцамъ наживку: буржуйскіе сейфы—это вамъ не мужицкая свинья. Пойдутъ, И. Л., пойдутъ. И еще какъ. Война — всегда грабежъ. А тутъ еще подъ этотъ грабежъ идеологическія основанія будутъ подведены... А нашъ братъ, кацапъ, повоевать любитъ... хотя и богоносецъ... Это еще длинная будетъ исторія... Еще пойдемъ мы и по Берлинамъ и по Парижамъ — не въ первый разъ...

— Съ міровой революціей?

— Будетъ написано міровая революція. А произноситься будетъ: сарынь на кичку. При такой перспективѣ — лучше ужъ быть въ строю. У тѣхъ —кто будетъ съ кистенями. Простой расчетъ...

— Видите ли, Тося, въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ сарынь на кичку кончается плохо.

— Н-да, — сказалъ Тося, — производственный рискъ, но разъ уже взявшись, нужно do one's best.

— А вы-то за что, собственно, брались?

— Да за разное... Дуракъ былъ, что изъ Англіи вернулся. Терпѣть не могу никакой государственности вообще... А соціалистической въ особенности, — вдругъ признался Тося. — Хорошо въ Англіи — государство, конечно, есть, но оно никому себя въ носъ не тычетъ.

Тося смотрѣлъ въ потолокъ — что какъ-то не шло къ его длинной, сухой и жилистой фигурѣ. Помолчали.

— У меня, — продолжалъ Тося, — расчетъ совершенно ясный. Рѣзня приближается. Зачѣмъ я буду трепаться на заводѣ? Нужно быть тренированнымъ — вотъ

я ловлю рыбу, живу на чистомъ воздухѣ и, такъ сказать, коплю силы... Чтобы къ нужному моменту быть сильнѣе другихъ. Вотъ-съ какъ...

Тося дѣйствительно былъ на много „сильнѣе другихъ".

— И вамъ эта сила только для собственной шкуры нужна?

Тося отвѣтилъ нѣсколько уклончиво.

— Ну, а что съ того, что вотъ вашъ этотъ протеже — еще лѣтъ пять и сгніетъ окончательно.

— Ну, этотъ-то не сгніетъ...

— Да, — согласился Тося, — онъ-то, пожалуй, не сгніетъ. Плечи у него крѣпкія. Голова дубовая, работаетъ медленно, но докапывается до сути... Нѣтъ, пожалуй, и съ Алешинымъ сорвется: докопается, а докопавшись, пойдетъ переть этакимъ медвѣдемъ, ничего передъ собой не разбирая. Ну, и свернутъ ему шею. Ничего не подѣлаешь — много еще шей будетъ своротено... Пойдемъ что-ли завтра на Святое озеро? — Я тамъ со сторожемъ сговорился, прорубей нарубили, окунь лѣзетъ, какъ по именнымъ приглашеніямъ. Очень, знаете-ли, интеллектуальное занятіе — пасти барановъ и поддѣвать на удочку. Вы не находите? Ну, вы — оптимистъ...

* * *

Одно время оба молодожена какъ-то исчезли съ моего горизонта. Мнѣ приходилось много ѣздить по Россіи; къ себѣ домой я заглядывалъ только урывками. Очередная встрѣча съ Алешинымъ состоялись въ совсѣмъ неожиданномъ мѣстѣ: на Магнитостроѣ.

Магнитострой въ тѣ времена представлялъ собою какую-то гигантскую кашу разрытой земли, новороссійскаго цемента, импортнаго оборудованія, размѣченныхъ строительныхъ площадокъ, экскаваторовъ, бараковъ и тысячъ людей, набранныхъ и согнанныхъ буквально со всѣхъ концовъ земного шара.

Бокъ о бокъ съ тридцатью тысячами заключенныхъ и ссыльныхъ, питавшихся гнилой картошкой и мякиннымъ хлѣбомъ, по стройкѣ разгуливала тысяча „иностранныхъ

спеціалистовъ", для которыхъ были построены отдѣльные дома, кооперативы, столовыя, бани и даже теннисныя площадки. „Инспецы", одѣтые съ иголочки, воровато, бочкомъ, старались проскользнуть мимо рабочихъ и арестанскихъ бараковъ, сопровождаемые нелестными умазаключеніями русскихъ рабочихъ и заключенныхъ.

Я пріѣхалъ на Магнитку въ качествѣ „экономиста-плановика" нѣкоего заведенія, которое было призвано „учитывать и обслуживать" иностранныхъ рабочих и спеціалистовъ — заведеніе называлось Инбюро ВЦСПС. Попалъ я туда вслѣдствіе любопытства своего, а также вслѣдствіе знанія иностранныхъ языковъ. Иностранные языки были не очень нужны — достаточно было знанія еврейскаго жаргона, а его-то я какъ разъ и не зналъ.

Иностранные эти спеціалисты представляли собою зрѣлище поистинѣ феерическое. Тамъ были закройщики нью-іоркскаго гетто, фигурировавшіе въ качествѣ металлурговъ, пражскіе парикмахеры, объявленные спеціалистами по кладкѣ доменныхъ печей, какая-то банда цирковыхъ артистовъ, которая даже и спеціальности никакой выдумать не успѣла — такъ просто болталась и въ гомерическихъ размѣрахъ лопала икру (икра стоила на доллары — 25 центовъ кило, а иностранцамъ платили долларами) и въ еще болѣе гомерическихъ размѣрахъ пила водку — водка стоила 12 центовъ литръ. Рядомъ со знатными иностранцами населеніе бараковъ — вольное и невольное — вымирало отъ гнилой картошки, дезинтеріи — а то и просто отъ голода...

Это было мое первое знакомство со знатными иностранцами на стройкѣ. Нѣсколько позже я притерпѣлся, и послѣдующія происшествія меня волновали не очень. Въ числѣ же этихъ происшествій было и такое:

Харьковскій отдѣлъ нашего „Инбюро" прислалъ въ Москву „совершенно секретное" донесеніе, изъ котораго какъ-то весьма неясно можно было уловить, что съ американскими рабочими, приглашенными на стройку харьковскаго тракторнаго завода, дѣло обстоитъ нехорошо: пьютъ водку и скандалятъ. Меня направили „на разслѣдованіе". Ничего разслѣдовать я не успѣлъ: пока мнѣ выписывали командировку и желѣзнодорожный билетъ,

пока я доѣхалъ до Харькова — харьковское ГПУ само разрубило гордіевъ узелъ американскихъ спеціалистовъ.

Подъ этой маркой въ Харьковъ попала группа чикагскихъ гангстеровъ. Не знаю, что именно привлекло ихъ къ тракторному строительству: то-ли американская Америка показалась имъ тѣсной, то-ли въ СССР надѣялись они открыть новую Америку. Во всякомъ случаѣ, пріѣхавъ сюда по договору съ совѣтскимъ правительствомъ и поселившись въ спеціально построенной для нихъ виллѣ, они, видимо, обнаружили, что ни грабить, ни похищать здѣсь нечего Заперлись въ своей виллѣ и предались необузданному пьянству и въ пьяномъ видѣ — стрѣльбѣ по прохожимъ. Вѣжливо пришло ГПУ — съ иностранцами оно старается обходиться вѣжливо. ГПУ было принято по всѣмъ правиламъ этикета Дальняго Запада, гдѣ, по О. Генри, — „друзей встрѣчаютъ гвалтомъ и пинками, а враговъ — спокойно и сдержанно, какъ этого требуетъ правильный прицѣлъ"... Расчетъ на прицѣлъ оправдался. Американскимъ спеціалистамъ пришлось убѣдиться въ безспорномъ преимуществѣ совѣтскаго ГПУ надъ американской полиціей. Послѣ нѣкоторой стрѣльбы — подъѣхала батарея, виллу разнесли ко всѣмъ чертямъ, а обитатели ея были разстрѣляны тутъ же, на развалинахъ. Словомъ, я пріѣхалъ къ шапочному разбору, и мнѣ, въ качествѣ „экономиста-плановика", оставалось только подсчитать убытки: они равнялись что-то полутораста тысячамъ долларовъ.

На Магниткѣ гангстеровъ еще не было. Но было около тысячи парикмахеровъ, закройщиковъ, комиссіонеровъ, которымъ власть платила въ долларахъ, кормила въ инснабахъ и которые начинали смутно подозрѣвать, что авантюра эта можетъ кончиться не столь блестяще, какъ это казалось изъ Нью-Іорка. Она и кончилась не столь блестяще: большинство ихъ потомъ переправили въ Биробиджанъ, въ „еврейскую республику", къ сѣверу отъ Амура — въ тайгу, въ комариныя болота — не многимъ лучше бѣломорско-балтійскаго лагеря.

Мое положеніе было нѣсколько неудобнымъ. Какъникакъ, я былъ представителемъ этого самаго „Инбюро", и поэтому именно мнѣ тыкали въ носъ: „подобрали, де-

скать, работничковъ". Я ихъ не подбиралъ — чортъ его знаетъ, кто именно ихъ подбиралъ. „Работнички" околачивались по стройкѣ и усиленно наверстывали лишенія сухого закона. Временами кто-то изъ нихъ сваливался съ лѣсовъ, временами кого-то подбирали съ проломаннымъ черепомъ. „Вольные" рабочіе и полувольные инженеры ругались неистово. Инженеры, работавшіе, как на каторгѣ, и мечтавшіе только объ одномъ: какъ бы сѣсть въ тюрьму такъ, чтобы это не пахло разстрѣломъ, — питались только хлѣбомъ и кашей, а нью-іоркская рвань ѣла икру и рябчиковъ. Убійства стали принимать систематическій характеръ, и я былъ занятъ изобрѣтеніемъ предлога: какъ бы этакъ обезпечить себѣ безопасное отступленіе въ Москву.

Такого рода занятія нѣсколько предрасполагаютъ къ разсѣянности. Погруженный въ стратегическія мои размышленія, я бродилъ по стройкѣ и остановился около какого-то парня, который сидѣлъ на пустой бочкѣ изъ подъ цемента и срисовывалъ гигантскій подъемный кранъ: зачѣмъ ему это понадобилось? Парень, почувствовавъ чье-то присутствіе, обернулся ко мнѣ, и я съ изумленіемъ узналъ въ немъ Колю Алешина: — „А вы-то какъ сюда попали?"

Алешинъ бережно положилъ на землю листъ фанеры съ пришпиленной къ нему бумагой, поднялся, пожалъ мнѣ руку и медлительно объяснилъ, что онъ попалъ сюда въ составѣ „ударной бригады художниковъ", которая должна была на бумагѣ и холстѣ увѣковѣчить строительный героизмъ Магнитки. Героизмомъ отъ Алешина не вѣяло. Онъ похудѣлъ еще больше, вмѣсто прежняго сюртука на исхудавшихъ его плечахъ болталась измазанная „юнгштурмовка"; на меня онъ смотрѣлъ какъ-то укоризненно и неодобрительно. Я спросилъ о Марусѣ. Вмѣсто отвѣта Алешинъ пожалъ плечами: — „А при чемъ тутъ Маруся? Вы, товарищъ Солоневичъ, говорятъ, вотъ этихъ самыхъ иностранцевъ сюда нанимали"...

Я постарался объяснить Колѣ, что къ найму „этихъ самыхъ иностранцевъ" я не имѣлъ и не имѣю рѣшительно никакого отношенія. Алешинъ мнѣ не повѣрилъ: на

мнѣ былъ новенькій заграничный туристскій костюмъ — рубашка съ „рейсфершлюссомъ“, каковой рейсфершлюссъ всякій встрѣчный и поперечный норовилъ пощупать и подергать (я собирался было брать по полтиннику за показъ), а на животѣ болтался въ чехлѣ изъ желтой кожи фото-аппаратъ, пріобрѣтенный путемъ, уже извѣстнымъ читателю. Все это вмѣстѣ взятое не внушило Колѣ никакого ко мнѣ довѣрія. Онъ нагнулся, поднялъ свой фанерный листъ, ушелъ, не прощаясь, и, уходя, буркнулъ:

— Своихъ пьявокъ мало — такъ еще и жидовъ понавезли...

* * *

Я кое-какъ выкрутился. Для того, чтобы уѣхать изъ Магнитки, нужно было имѣть спеціальное разрѣшеніе мѣстнаго ГПУ — это было сдѣлано для того, чтобы предотвратить побѣги инженеровъ и рабочихъ съ этой героической стройки. ГПУ передъ тѣмъ, какъ дать это разрѣшеніе, запрашивало соотвѣтствующее разрѣшеніе въ Москвѣ — въ данномъ случаѣ мое Инбюро: считаетъ ли соотвѣтствующее учрежденіе, что товарищъ Х, командированный имъ на Магнитку, свое заданіе уже выполнилъ?...

Все это — очень сложно. Но вся эта сложность была благополучно преодолѣна, и я вернулся въ свою Салтыковку. Въ Салтыковкѣ заперся у себя дома и строчилъ свои магнитогорскія наблюденія — они потомъ пропали при попыткѣ нелегально переправить ихъ заграницу. Около недѣли я просидѣлъ у себя дома, заявляя въ ЦК, что работаю „по мобилизаціи“ Инбюро, а въ Инбюро — что выполняю срочную работу для ЦК. Приходилъ ко мнѣ Тося, мы съ нимъ удили рыбу и вообще — прохлаждались... Тося, кстати, сообщилъ мнѣ, что вмѣстѣ съ Алешинымъ на Магнитку какъ-то увязалась и Маруся.

— Не жена, а кладъ, — вздохнулъ онъ. — Только этого клада и держать негдѣ. Хочу имъ свою комнату уступить — пусть живутъ. А я къ вамъ переберусь, — не будете возражать?

Возраженія у меня нашлись. Тося вздохнулъ еще разъ: жалко ребятъ, хорошіе ребята... На этомъ разговоръ о молодоженахъ какъ-то прекратился...

* * *

Мѣсяца черезъ полтора-два, придя не очень рано къ себѣ на службу, я нашелъ на столѣ очень непріятную вещь:

„Съ полученіемъ сего предлагается Вамъ явиться въ спецотдѣлъ ОГПУ, Лубянка 2, комната № 0000 въ качествѣ свидѣтеля по дѣлу № 00000 такого-то числа и въ такой-то часъ“.

Часъ былъ уже пропущенъ — было около двѣнадцати. Было нѣсколько минутъ непріятныхъ размышленій; то-ли итти сразу домой и изъ дому — на финляндскую границу, то-ли принять ГПУ-ское приглашеніе. Но финляндская граница была утопіей: братъ еще сидѣлъ въ ссылкѣ въ Томскѣ. Да и повѣстка пришла на службу — слѣдовательно, по какому-то служебному дѣлу — тутъ подъ меня подкопаться было трудно. Да и обыска дома не было. Не въ первый разъ меня этакимъ манеромъ приглашали въ ГПУ — всегда была нервная рабья дрожь, — но пока что все это сходило благополучно...

Конечно, по формальнымъ соображеніямъ можно бы отложить трогательный этотъ визитъ до завтра. Но еще сутки мучиться догадками и вопросами? — Нѣтъ, лучше пойти сразу. Пошелъ.

Въ комендатурѣ мнѣ сдѣлали свирѣпый выговоръ за опозданіе. Я объяснилъ, что съ утра былъ на засѣданіи. Дежурный позвонилъ куда-то, написалъ мнѣ пропускъ — третій этажъ, направо, комната такая-то,—и предупредилъ: для выхода изъ зданія надо имѣть спеціальное разрѣшеніе отъ вызывающаго меня слѣдователя. Я поднялся по лѣстницѣ, ощущая себя Даніиломъ во рву львиномъ — изъ каковаго рва безъ какого-то разрѣшенія и выйти нельзя... Неуютное ощущеніе.

Стучу въ дверь съ указаннымъ номеромъ: „войдите“. Вхожу. Обыкновенная канцелярская комната. Обык-

новенный канцелярскій столъ и за столомъ — слѣдователь. Я извиняюсь за опозданіе.

— Нѣтъ, ничего. Я собирался было звонить вамъ, ну, садитесь...

Сѣсть оказалось не на чемъ. Слѣдователь извинился, сбѣгалъ въ сосѣднюю комнату и принесъ стулъ. Я тѣмъ временемъ осмотрѣлъ стѣнки и окно. На стѣнкахъ были только портреты вождей, а сигануть въ окно не было никакой возможности — окно выходило во внутренній дворъ ГПУ.

У меня очень плохая память на лица. Усѣвшись на стулъ, я вспомнилъ, что этого слѣдователя я когда-то видалъ... Да, конечно, именно онъ вызывалъ меня по дѣлу моего брата — и тогда былъ изысканно любезенъ. И сейчасъ — видъ у него этакій непринужденно великосвѣтскій. И даже разговоръ начинается въ непринужденно-веселомъ тонѣ...

— Вотъ, извините, такое крупное учрежденіе, какъ наше — а стульевъ не хватаетъ... Ну, усаживайтесь.

Я усѣлся — съ такимъ чувствомъ, какъ люди усаживаются на кресло зубного врача.. Слѣдователь полѣзъ въ ящикъ стола, вытащилъ оттуда какую-то папку. Что-то посмотрѣлъ, закурилъ папиросу, предложилъ и мнѣ.

— Мы съ вами, кажется, уже знакомы — по дѣлу вашего брата?

— По этому дѣлу вы меня и сейчасъ вызвали?..

— Нѣтъ, нѣтъ, совсѣмъ по другому. Хочу васъ предупредить — вы вызваны исключительно въ качествѣ свидѣтеля; противъ васъ мы рѣшительно ничего не имѣемъ.

— Даже противъ сталинградской водной станціи? — кисло пошутилъ я.

Слѣдователь посмотрѣлъ на меня уголкомъ глаза.

— А вы знаете, на васъ былъ . . . было заявленіе. Заговоръ съ цѣлью утопить головку сталинградскаго аппарата . . .

— Посовѣтуйте имъ писать детективные романы . . .

Слѣдователь закрылъ папку и откинулся на спинку стула.

— За такіе романы мы сажаемъ въ подвалъ . . . У

насъ достаточно дѣла и безъ романовъ . . . Вотъ, напримѣръ . . . Скажите, вы иногда работаете въ ЦК до поздней ночи, иногда даже и ночью. Что вы тамъ дѣлаете?

— Я очень плохо пишу отъ руки, а машинки у меня нѣтъ . . . Такъ что я во внѣслужебное время работаю надъ своими книгами . . .

— Да, это я знаю — романъ пишете?

— И романъ пишу.

— Такъ . . . Въ сосѣднемъ помѣщенiи находится комната курьеровъ, и въ этой комнатѣ стоитъ шапирографъ — такъ?

— Такъ.

— Постарайтесь вспомнить — это весьма существенно — вамъ не приходилось слышать, чтобы на этомъ шапирографѣ кто-нибудь работалъ по ночамъ?

— Нѣтъ, не приходилось.

— А вы подумайте, постарайтесь вспомнить.

Я сдѣлалъ видъ, что „стараюсь вспомнить" и постарался сообразить — въ чемъ тутъ загвоздка?

Данныхъ для какихъ бы то ни было соображенiй было еще слишкомъ мало. Я началъ мямлить:

— Видите-ли, товарищъ . . .

— Садовскiй . . .

— Видите-ли, товарищъ Садовскiй . . . Входъ въ комнату курьеровъ находится за угломъ . . . изъ другого корридора . . . Мнѣ никогда не прходилось заходить туда ночью . . . Трудно вспомнить . . . если бы сказали, въ чемъ тутъ дѣло — можетъ было бы легче . . .

— А вы не торопитесь . . . — Садовскiй усмѣхнулся: такимъ-де наивнымъ прiемомъ его не проведешь. — А вы не торопитесь — и до дѣла дойдемъ. Скажите, пожалуйста, кто у васъ бываетъ въ Салтыковкѣ?

Дѣло начинало прiобрѣтать плохой оттѣнокъ. Ежели разговоръ заходитъ о Салтыковкѣ, то, значитъ, мое приглашенiе сюда не имѣетъ никакого отношенiя къ моей многополезной служебной дѣятельности. Нужно какъ-то оттянуть время.

— Знаете, товарищъ Садовскiй, я былъ совершенно

убѣжденъ въ томъ, что вы совершенно точно знаете, кто у меня бываетъ...

— Нѣтъ, нѣтъ, вы не безпокойтесь. Противъ вашей Салтыковки мы ничего не имѣемъ. Ни противъ вашего „Краснаго синяка". Замѣчательный клубъ.

Я почувстовалъ себя нѣсколько неувѣренно. Я вовсе не думалъ, что ГПУ знаетъ обо всѣхъ моихъ посѣтителяхъ и гостяхъ, и также не думалъ, что ГПУ знаетъ о существованіи „Клуба краснаго синяка". Этотъ клубъ былъ изобрѣтенъ Юрой. На соснѣ во дворѣ были подвѣшены мѣшокъ съ пескомъ и пенчингъ-боллъ, и я обучалъ Юру и еще троихъ ребятъ боксу. Юра рѣшилъ какъ-то окрестить это мѣропріятіе: ежели боксъ — такъ какъ же безъ синяковъ? А какіе синяки могутъ быть въ совѣтской Россіи? — Разумѣется, красные. Отсюда и клубъ „Красный синякъ". Гмъ... Садовскій знаетъ и объ этомъ? О чемъ еще можетъ онъ знать? Я началъ было сожалѣть, что вмѣсто визита въ ГПУ не драпанулъ прямо на финляндскую границу... Получается что-то вродѣ игры кошки съ мышкой. Нужно поддерживать великосвѣтскій тонъ.

— Ну вотъ, видите, вы и о „Красномъ синякѣ" знаете...

Садовскій посмотрѣлъ на меня съ чуть-чуть торжествующей улыбкой, которая должна была выражать мысль: „Ужъ это — не безпокойтесь; все, что намъ нужно, мы знаемъ и безъ васъ"... А что онъ зналъ въ самомъ дѣлѣ? Можетъ быть, зналъ и то, чего ему, съ моей точки зрѣнія, и знать никакъ не слѣдовало...

— Такъ кто же бывалъ у васъ въ Салтыковкѣ?

Я пожалъ плечами.

— Самые разнообразные люди. У меня — нѣчто вродѣ профсоюзной лыжной станціи.

— И это знаемъ. И на станціи — ни одного портрета вождя. И много иконъ. И даже портреты царской семьи...

Портретъ царской семьи, дѣйствительно, висѣлъ — только это была старинная фотографія семьи Александра Второго, и на ней — юношеская фотографія Александра Третьяго, къ которому я питаю какія-то особо друже-

скія чувства. Не вѣрноподданныя, а какія-то дружескія... Которыя можно сформулировать въ двухъ выраженіяхъ— въ одномъ, очень неточномъ: „съ такимъ дядей я бы договорился", и въ другомъ — очень точномъ: „если-бы вмѣсто Николая Второго былъ-бы у насъ на престолѣ Александръ Третій, такъ онъ бы всю революціонную шпану перевѣшалъ бы въ два счета, и не приходилось бы мнѣ и милліонамъ другихъ русскихъ людей сидѣть по кабинетамъ, камерамъ и лагерямъ ГПУ. Мнѣ всегда вспоминалась горьковская фраза, вложенная Горькимъ въ уста нижегородскаго рабочаго: „вотъ это былъ царь — зналъ свое ремесло!" Я люблю людей, знающихъ свое ремесло...

Я отвѣтилъ, что и царскій портретъ виситъ—только не Николая II, а Александра II, просто старинный дагеротипъ. И понялъ — вынюхала его Сашка. Но откуда Сашка могла въ этой пожелтѣвшей фотографіи разобрать царскую семью пятидесятыхъ годовъ?

Положеніе становилось неуютнымъ... Однако, къ вопросу о фотографіи, объ иконахъ и о вождяхъ Садовскій предпочелъ не возвращаться.

— Вы не безпокойтесь — противъ вашего „Краснаго синяка" мы ничего не имѣемъ. Такъ все-таки кто же у васъ бывалъ?

Я назвалъ десятокъ наиболѣе привиллегированныхъ именъ изъ числа своихъ посѣтителей.

— Ну, это мы все знаемъ, — нѣсколько пренебрежительно бросилъ Садовскій, — а вотъ, вы скажите лучше, кто у васъ бывалъ изъ троцкистовъ? — Садовскій посмотрѣлъ на меня въ упоръ. Мнѣ стало легче.

— Троцкистовъ? — Я пожалъ плечами. — Во-первыхъ, ежели и бывали, то они въ качествѣ таковыхъ мнѣ не рекомендовались. И во-вторыхъ, — какъ это вы, товарищъ Садовскій, совмѣщаете иконы и царскую семью съ троцкистами?

Садовскій помолчалъ, досталъ изъ ящика стола коробку папиросъ, протянулъ мнѣ, мы закурили. Садовскій выпустилъ кольцо дыма, посмотрѣлъ, какъ оно растаяло въ возодхѣ и сказалъ — спокойно и вѣско:

— Вы, товарищъ Солоневичъ, имѣйте въ виду: ваше прошлое мы знаемъ. Вы должны понять: если мы васъ терпимъ, то потому, что мы знаемъ вашу работу.

— Спасибо, — а кто меня таскалъ въ ГПУ изъ-за сталинградской водной станціи?

— Ну такъ что-жъ — выяснили и больше ничего... Такъ вы понимаете, товарищъ Солоневичъ... мы знаемъ, что вы хорошій работникъ по физкультурѣ, мы знаемъ, что вы монархистъ, но поскольку вы политикой не занимаетесь и работу свою дѣлаете — мы васъ не трогаемъ. Но у насъ — вполнѣ достаточно данныхъ, чтобы васъ за ваше прошлое... вы понимаете?.

— Тутъ и понимать нечего...

— Очень радъ... Такъ вотъ: мы знаемъ, что у васъ бывали троцкисты, мы это знаемъ. Намъ нужно знать — какіе именно разговоры они вели.

Я безъ еще достаточныхъ къ этому основаній сообразилъ, что Садовскій идетъ очень стандартнымъ путемъ: сначала запугать, а потомъ выспросить. Но ежели ГПУ въ цѣломъ знаетъ объ одіозномъ прошломъ — впослѣдствіи выяснилось, что и знало-то оно весьма немного, — то личное отношеніе товарища Садовскаго къ этому прошлому ничего измѣнить не можетъ. Садовскій думалъ запугать и достигъ совсѣмъ другого результата. У меня даже появилось чувство нѣкотораго облегченія. Садовскій далъ мнѣ въ руки очень сильный козырь...

Я выдержалъ нѣкоторую паузу...

— Мы съ вами, товарищъ Садовскій, какъ-будто начинаемъ играть въ прятки. Вы обо мнѣ знаете все. Я тоже не гожусь въ институтки. Давайте ставить вопросы проще: если вы посадите въ подвалъ лишнюю дюжину троцкистовъ, — я охотно вамъ буду помогать. Но я не знаю — о чемъ собственно вы меня сейчасъ допрашиваете.

— Я васъ сейчасъ спрашиваю — какіе именно разговоры велись у васъ дома?

— И вы всерьезъ думаете, что эти пьяные разговоры я оформлю въ видѣ письменнаго документа и скрѣплю это своей подписью?

Садовскій посмотрѣлъ на меня, какъ мышь на крупу, и сказалъ неувѣренно:

— Нѣтъ, ваша подпись не обязательна...

— Я и безъ подписи ничего показывать не буду.

— Ой-ли?

— И вотъ почему: если бы я съ вами разговаривалъ не такъ, какъ сейчасъ, а за литровкой, такъ и вы, вѣроятно, что-нибудь ляпнули-бы лишнее. А дѣлать изъ этого документъ? Ну — вотъ вы меня припрете къ стѣнкѣ. И я вамъ напишу, что̀ говорили такіе-то и такіе-то, — я назвалъ нѣсколько весьма отвѣтственныхъ фамилій, — знаете, можетъ выйти конфликтъ... Насчетъ очередей — всѣ ругаются... Подумаешь — троцкизмъ...

Садовскій слегка прищурился — пренебрежительно и подозрительно.

— Не объ очередяхъ я васъ спрашиваю. И не о царскихъ портретахъ. Не слѣдовало бы вамъ разыгрывать наивность... Царскіе портреты насъ не интересуютъ. Даже больше: мы уважаемъ людей, которые не пытаются принимать коммунистической окраски... Повѣрьте, мы умѣемъ цѣнить честныхъ людей (я усумнился въ сердцѣ своемъ). Не въ томъ дѣло. Скажите, какъ къ вамъ попалъ Николай Алешинъ — такого вы, вѣроятно, знаете?

Весь допросъ предсталъ съ другой, еще очень неясной, точки зрѣнія. Коля Алешинъ? Да причемъ онъ тутъ? Алешинъ былъ — по слишкомъ самоувѣренному моему мнѣнію — слишкомъ прозраченъ, чтобы о немъ вообще стоило разговаривать въ ГПУ. Я удивился совершенно искренно.

— Объ Алешинѣ я могу вамъ все разсказать.

— Ну-ка, разскажите.

Я разсказалъ — скрывать тутъ было нечего. Детали моего разсказа въ любой моментъ могли быть подтверждены показаніями коммунистовъ изъ ЦК — и только къ концу разсказа я заподозрилъ, что дѣло, можетъ быть, вовсе и не въ Алешинѣ, что Алешинъ использованъ только для отвода глазъ. Садовскій выслушалъ мой докладъ молча, иногда постукивая по полу подошвой своего красноармейскаго сапога и взглядывая на меня

какъ-то неопредѣленно: не то одобрительно, не то подозрительно. Докладъ, впрочемъ, былъ коротокъ.

Когда онъ былъ законченъ, Садовскій снова приподнесъ мнѣ сюрпризъ:

— Такъ, говорите, романъ пишите?

— Нѣтъ, не романъ — такъ только, отдѣльные наброски...

— Такъ-съ... Я вамъ очень совѣтую показать его намъ..

Я почувствовалъ себя чрезвычайно непріятно: шапирографъ, Салтыковка, „Красный синякъ", троцкисты, Алешинъ, романъ — такъ въ чемъ же тутъ дѣло? Съ которой стороны ГПУ собирается схватить меня за горло? Когда знаешь, съ какой именно стороны, — можно выдумать какую-то систему самообороны. А когда не знаешь? Вотъ и сейчасъ — ничего не понятно. Начали съ шапирографа, а кончили моимъ романомъ.

Этотъ романъ я писалъ года три. Но насколько мнѣ помнилось, рѣшительно никому и рѣшительно ничего о немъ не говорилъ. Откуда Садовскій узналъ объ его существованіи! Рукопись романа дѣлилась на двѣ части: одна лежала болѣе или менѣе открыто, другая сохранялась въ тайникѣ, для ГПУ безусловно недоступномъ. Сейчасъ, послѣ нашего побѣга, въ томъ же тайникѣ лежатъ обѣ части.

Откуда Садовскій знаетъ объ этомъ романѣ? И зачѣмъ онъ ему нуженъ? Я почувствувалъ, что Садовскій готовитъ мнѣ какой-то совершенно непредусмотрѣнный мною подвохъ и съ какой-то совершенно непредусмотрѣнной стороны. Нужно было выиграть хотя бы нѣсколько минутъ для оцѣнки положенія.

Я недоумѣнно посмотрѣлъ на Садовскаго...

— А скажите, пожалуйста, съ какой стороны васъ можетъ интересовать мой романъ?

Садовскій сдѣлалъ благодушно-ироническій жестъ.

— Наша обязанность — интересоваться всѣмъ. Почему бы намъ не итересоваться и литературой? А кстати — какой темѣ посвящена ваша работа?

— Такъ сказать — психологическіе и сексуальные сдвиги...

— Я къ вамъ завтра пришлю человѣка — вы ему передайте вашу рукопись. Ничего противъ не имѣете?

— А если бы и имѣлъ?

Садовскій усмѣхнулся.

— Видите ли, товарищъ Солоневичъ, если бы намъ ваша рукопись очень была нужна — вы понимаете... Мы получили бы ее нѣсколько другимъ путемъ...

Я, конечно, понималъ. Пришли бы, устроили бы обыскъ и забрали бы и то, что нужно, и часть того, что совсѣмъ не нужно, чего я припрятать еще не успѣлъ. Литературная профессія въ Совѣтской Россіи имѣетъ нѣкоторыя техническія стороны, неизвѣстныя буржуазнымъ писателямъ... Конечно, Садовскому я передамъ только то, что съ точки зрѣнія ГПУ носитъ совсѣмъ ужъ вегетаріанскій характеръ... Но все-таки — зачѣмъ ему это нужно?..

Очень было нетрудно догадаться о моемъ недоумѣніи. Садовскій смотрѣлъ на меня не безъ нѣкотораго, такъ сказать, внутренняго удовлетворенія — какъ, вѣроятно, смотритъ всякій слѣдователь, уловившій заподозрѣннаго въ какую-то очень хитрую сѣть... А заподозрѣнный сидитъ совсѣмъ балдой и ничего не понимаетъ. Такой балдой сидѣлъ и я.

— Да вы не волнуйтесь... Ваша рукопись не пропадетъ...

Опасность пропажи рукописи меня волновала очень мало: рукопись была написана въ трехъ экземплярахъ.

— А мы, — продолжалъ Садовскій, — ее просмотримъ... Знаете, совѣтъ ГПУ никогда не помѣшаетъ... Могутъ быть нѣкоторые уклоны...

Уклоны, конечно, могли быть, но Садовскому я ихъ не покажу — не можетъ же онъ не понимать этого. Если бы рукопись была взята въ порядкѣ обыска, Садовскій получилъ бы ее всю, или, по крайней мѣрѣ, онъ бы думалъ, что это вся рукопись. Но если я дамъ ее самъ, то Садовскій получитъ только тѣ морсо шуази, которые, по моему мнѣнію, не затронутъ его чекистской невинности. Не можетъ же онъ не понимать этого?..

— Такъ, значитъ, я вамъ завтра пришлю человѣка...

Вечеромъ я подобралъ подходящія для Садовскаго

избранныя мѣста, утромъ ко мнѣ на службу пришелъ темной наружности дядя, отъ котораго на пять верстъ пахло не очень секретнымъ сотрудникомъ ГПУ, отозвалъ меня въ уголокъ, вынулъ изъ кармана ГПУ'сское удостовѣреніе, забралъ рукопись и исчезъ, оставляя меня въ полномъ недоумѣніи: то-ли сразу драпать на финляндскую границу, то-ли еще переждать... Для паники не было какъ-будто никакихъ основаній: обыска у меня не устраивали, обращаются вѣжливо; на всякій случай я поговорилъ съ Валхаромъ. Валхаръ недоумѣнно поднялъ брови: „Романъ? На какого чорта сдался имъ вашъ романъ?“

Я сказалъ, что вотъ насчетъ этого самаго чорта и я рѣшительно ни черта не понимаю. Валхаръ выразилъ свое недоумѣніе еще разъ — на этотъ разъ въ формулировкахъ значительно болѣе крѣпкихъ. Я разсказалъ ему — суммарно и въ самыхъ общихъ чертахъ — весь ходъ страннаго этого допроса . . . Валхаръ вынулъ папиросу изо рта и принялъ видъ человѣка, рѣшающаго крестословицу. Крестословица оказалась ему не подъ силу. Троцкисты? „Красный синякъ“? Алешинъ? Романъ?

Валхаръ снова зажегъ потухшую было папиросу и размышленія свои резюмировалъ въ мало вразумительной формѣ:

— Н-да, учрежденіе загадочное . . .

Это я зналъ и безъ него.

— А вы не паникерствуйте. Надо считать, что ничего за вами нѣтъ, а если прицѣпятся, — я кое съ кѣмъ поговорю . . . Что они, сукины дѣти, зря треплютъ работниковъ ЦК ! . .

* * *

Какъ я уже говорилъ, центральный комитетъ профессіональнаго союза совѣтскихъ служащихъ объединялъ подъ никому ненужной эгидой своей и работниковъ ГПУ, почему между ЦК и ГПУ существовалъ нѣкоторый спеціальный и весьма трудно уловимый контактъ. Такъ, напримѣръ, ЦК давалъ всякія вспомоществованія и ссуды.

Работники ГПУ — при прочихъ ихъ достоинствахъ и недостаткахъ — публика весьма подверженная всякимъ непріятностямъ. Работа палача — нездоровая работа. Лѣтъ пять-шесть такой работы средняго человѣка выматываютъ окончательно. Тогда его за ненадобностью или разстрѣливаютъ, или, что бываетъ рѣже, выбрасываютъ вонъ. Выброшенный чекистъ — совсѣмъ пропащая личность... И такія вотъ личности — вчерашніе слѣдователи и палачи—приходятъ въ ЦК и просятъ сотню рублей на пропой души или путевку въ какой-нибудь домъ отдыха . . . Были очень странныя сцены — когда меня, за разъѣздомъ по кисловодскимъ трудовымъ массамъ остальныхъ отвѣтственныхъ и мало-мальски толковыхъ работниковъ ЦК, посадили на выдачу этихъ самыхъ пособій. И вотъ, приходили ко мнѣ изъѣденные разстрѣлами и кокаиномъ люди и истерически требовали — хоть десятку. Въ подтвержденіе своихъ моральныхъ правъ на эту десятку приводились заслуги: раненія, разстрѣлы, полная моральная и нервная изношенность. Просители предполагали, что въ моихъ глазахъ стажъ разстрѣловъ и сыска является достаточно убѣдительнымъ доводомъ для выдачи ссуды. Я не давалъ. Посѣтили шли к коммунистамъ ЦК, и тѣ тоже не давали.

Вчерашнихъ палачей, сыщиковъ и разстрѣльщиковъ, бившихся въ истерикѣ на полу канцеляріи ЦК, выводили или при помощи милиціи, или при помощи ГПУ'сскаго патруля. Никогда еще въ своей жизни я не видалъ, чтобы продажа души чорту оказалась выгоднымъ предпріятіемъ.

Во всякомъ случаѣ, фактъ принадлежности работниковъ ГПУ къ почтенному союзу совѣтскихъ служащихъ создавалъ нѣкоторыя интимныя связи между головкой ЦК и нѣкоторыми средними звеньями ГПУ. Въ силу этого обстоятельства обѣщанія Валхара кое съ кѣмъ поговорить нѣсколько успокоили мою смятенную душу.

Черезъ нѣсколько дней — телефонный звонокъ. Подхожу. „Товарищъ Солоневичъ?“ — „Да, я у телефона.“ — „Говоритъ Садовскій — не можете-ли вы сегодня въ двѣнадцать заглянуть ко мнѣ?“

Охъ, если-бы отъ меня зависѣло — ввѣкъ бы не заглядывалъ. Но такъ какъ отъ меня не зависѣло, — пришлось заглянуть.

* * *

На столѣ у Садовскаго лежала моя злополучная рукопись.

— Замѣчательно написано, — сказалъ онъ.— Очень интересно написано. Усаживайтесь.

Я усѣлся.

— Не думаю, впрочемъ, чтобы въ такомъ видѣ ее пропустилъ Главлитъ. Да... Но чрезвычайно интересно... Въ особенности шрифтъ машинки... Скажите, на какой машинкѣ вы ее писали?

Я сказалъ.

— Правильно, — подтвердилъ Садовскій. — На „Ундервудѣ" № 0000. Очень интересно.

Я почувствовалъ, что въ чемъ-то и какъ-то я попался. Вся эта исторія начинала принимать окончательно детективный характеръ. И что самое худшее — ничего я въ ней не понимаю. Началось съ Салтыковки — кончается пишущей машинкой . . . Я смотрѣлъ на Садовскаго съ совершенно искреннимъ изумленіемъ.

— Н-да, шрифтъ интересный, — еще разъ подтвердилъ онъ. — А вотъ эта рукопись — вамъ совсѣмъ неизвѣстна?..

Садовскій протянулъ мнѣ отпечатанный на ротаторѣ листокъ. Начинался онъ такъ.

„Товарищи рабочіе и крестьяне, товарищи красноармейцы, комсомольцы, трудящіяся массы нашего совѣтскаго союза истекаютъ кровью и голодомъ, въ нашемъ трудящемся союзѣ царствуютъ палачи и воры народнаго достоянія". . .

Дальше листовка говорила о голодѣ, о разстрѣлахъ и — очень подробно — о Магнитостроѣ: о томъ, съ какой безпощадностью эксплоатируется вольная и невольная рабочая сила, о томъ, какъ кормятъ привиллегированныхъ нью-іоркскихъ закройщиковъ и какъ вымираютъ непривиллегированные лагерники. Листовка была написана откровенно безграмотно. Но изъ каждой ея строчки лился пафосъ смертельной ненависти къ власти, и заканчивалась она призывомъ къ товарищамъ красноармейцамъ, рабочимъ, крестьянамъ и комсомольцамъ рѣзать

носителей власти безо всякой пощады гдѣ попало и чѣмъ попало и создавать террористическія группы въ предпріятіяхъ, заводахъ, совхозахъ и прочемъ. Подписана была листовка какимъ-то союзомъ молодежи — я уже не помню, какимъ именно. Кажется, „союзомъ мыслящей пролетарской молодежи" — такихъ союзовъ имѣется весьма значительно количество. И рѣжутъ они весьма значительное количество всякаго рода носителей власти . . .

— Какъ вамъ нравится? — таинственно спросилъ Садовскій.

Мнѣ листовка, конечно, нравилась весьма, но признаваться въ этомъ было бы нѣсколько неумѣстно. Я пожалъ плечами . . .

— Занятная прокламація, — сказалъ Садовскій. — И занятный шрифтъ . . Вы не находите сходства вотъ съ вашей рукописью?..

По моей спинѣ пробѣжалъ холодокъ и поползли мурашки . . . Конечно, оригиналъ этой листовки печатался на той же машинкѣ, что и мой романъ . . . Для констатаціи зловѣщаго этого факта не нужно было и экспертизы. Но экспертиза, оказывается, была уже продѣлана. Садовскій всталъ, засунулъ руки въ карманы и сказалъ мнѣ серьезно и вѣско:

— Вотъ видите, товарищъ Солоневичъ, для васъ было бы значительно лучше, если бы вы сразу сказали: кто, кромѣ васъ, работалъ по ночамъ на машинкѣ и на ротаторѣ.

— Вы, повидимому, подозрѣваете меня въ авторствѣ?

Садовскій передернулъ плечами.

— Если бы мы васъ подозрѣвали, я бы пригласилъ васъ нѣсколько инымъ способомъ . . .

Это, конечно, было совсѣмъ очевидно. Если бы въ авторствѣ такой прокламаціи ГПУ подозрѣвало бы меня, то, конечно, обыскъ у меня сдѣланъ былъ бы давнымъ давно, и я давнымъ давно сидѣлъ бы въ какомъ-нибудь подвалѣ.

Садовскій смотрѣлъ на меня сумрачно и сурово. Я снова началъ мечтать о финляндской границѣ — на этотъ разъ мечтанія мои казались мнѣ безнадежно запоздалыми . . . Не трудно было вязать цѣпь, такъ ска-

зать, косвенныхъ уликъ: шрифтъ машинки, моя недавняя поѣздка на Магнитострой — почему это ГПУ меня до сихъ поръ не арестовало?

Какъ бы услышавъ мой невысказанный вопросъ, Садовскій сказалъ:

— Если мы васъ до сихъ поръ не арестовали, то только потому, что эта прокламація была выпущена до вашей поѣздки на Магнитострой.

Не арестовали до сихъ поръ. А что будетъ послѣ „сихъ поръ"? Видъ у Садовскаго былъ не особенно утѣшительный. Я молчалъ.

— Такъ — вотъ видите. Прокламація написана на вашей машинкѣ — то-есть, на которой вы работаете. Я васъ спрашивалъ, кто еще на ней работаетъ. Вы не сказали. Теперь вы, вѣроятно, понимаете свое положеніе...

Я кивнулъ головой. Свое положеніе я понималъ немногимъ хуже Садовскаго. И понималъ также, что ежели бы за моей спиной не было центральнаго комитета служащихъ, съ которымъ Садовскому не очень хотѣлось ссориться, то это положеніе было бы болѣе или менѣе безнадежнымъ.

— Такъ вотъ: за расклейкой этихъ листковъ былъ арестованъ Николай Алешинъ.

Садовскій сѣлъ на стулъ, закинулъ ногу за ногу и иронически сталъ барабанить пальцами по столу:

— Вы понимаете?

Я опять же понималъ: петля затягивается.

— Дѣло заключается вотъ въ чемъ: мы не можемъ добиться отъ Алешина признанія — кто фабриковалъ эти контръ-революціонные листки. Не вы ихъ фабриковали, это мы знаемъ. Но вы можете знать, кто ихъ фабриковалъ. Вы самый старый работникъ въ ЦК, и вы знаете тамъ всѣ входы... Мы весьма сильно подозрѣваемъ, что авторы этихъ листовокъ вамъ небезызвѣстны.

— Понятія не имѣю...

— Ну, допустимъ... Во всякомъ случаѣ, тамъ у васъ, въ ЦК, имѣется троцкистская банда... Я допускаю, что до сихъ поръ вы, ну, скажемъ, не обратили на нее своего благосклоннаго вниманія. Такъ вотъ — вамъ и предлагаю: обратите вниманіе и дайте знать намъ.

Все стало яснымъ: вся путаная цѣпь допроса, „Красный синякъ", романъ, Алешинъ, а также и то, что Садовскій, прижавъ меня въ уголъ совокупностью косвенныхъ уликъ, предлагаетъ мнѣ почтенный постъ секретнаго сотрудника ГПУ. Неплохой выборъ! Только малость ошибочный. Надо полагать, что Садовскій меня выпуститъ, — и драпану же я! — только меня и видѣли... Но какъ попалъ во всю эту исторію Коля Алешинъ?

Долженъ сознаться — если бы дѣло шло о всамдѣлишнихъ троцкистахъ, то я рѣшительно ничего не имѣлъ бы противъ, чтобы ГПУ ихъ поймало и размѣняло: чѣмъ больше эта публика будетъ рѣзать другъ друга, тѣмъ лучше для насъ всѣхъ остальныхъ. Но Алешинская листовка никакимъ троцкизмомъ и не пахла.

Я постарался выгадать время для размышленія.

— Никогда не могъ предполагать, что Алешинъ станетъ заниматься такими дѣлами... Онъ, вѣроятно, у васъ уже сидитъ?..

— Сидитъ. Такъ что вотъ: вы понимаете, что у насъ достаточно данныхъ, чтобы посадить и васъ. Но мы, — Садовскій сдѣлалъ либеральный жестъ, — мы предпочитаемъ пока къ такой мѣрѣ не прибѣгать. Противъ васъ мы имѣемъ подозрѣнія. У васъ есть единственный способъ — помогите намъ эту банду раскрыть. Васъ во Дворцѣ Труда всѣ знаютъ, и вы всѣхъ знаете. Недѣли вамъ будетъ довольно?

Недѣли мнѣ было довольно. Или, по крайней мѣрѣ, мнѣ такъ казалось. Дать черезъ десятыя руки телеграмму Борису, — конечно, не по его адресу, — кое-что загнать и позаботиться о томъ, чтобы слѣдъ мой простылъ окончательно и безнадежно.

— Значитъ, вы согласны? — спросилъ Садовскій.

Соглашаться сразу было столь же неразумно, какъ и отказываться. Я сталъ мямлить: я-де никогда въ жизни не занимался искусствомъ сыска... Садовскій посмотрѣлъ на меня нѣсколько пренебрежительно.

— А вы жену Алешина знаете?

— Знаю...

— Мы ее выпустимъ...

— А она тоже сидитъ?

— Мы ее выпустимъ, и мы требуемъ, чтобы вы у нея или не у нея узнали, кто именно организовалъ эту банду. Поняли?

Что ужъ тутъ понимать! Тонъ Садовскаго потерялъ свою великосвѣтскость, и въ немъ появились ультимативныя нотки.

— Словомъ, мы вамъ даемъ недѣлю сроку... Черезъ недѣлю я васъ вызову. Ну, пока.

Аудіенція была закончена. Я вышелъ на Божій свѣтъ, посмотрѣлъ на загруженную трамваями Лубянскую площадь и не безъ нѣкотораго удовольствія подумалъ о томъ, что вижу я ее въ послѣдній или предпослѣдній разъ: телеграмма Борису, скорострѣльная ликвидація двухъ фотографическихъ аппаратовъ — и поминай, какъ звали...

* * *

Я уныло плелся отъ Лубянки на Солянку и чувствовалъ себя отвратительно. Конечно, сейчасъ, послѣ сегодняшняго допроса никакого выбора у меня нѣтъ: нужно бѣжать немедленно. Товарища Солоневича въ спискахъ сексотовъ ГПУ товарищъ Садовскій не дождется — это ужъ извините. Но ничего не готово для побѣга. Братъ въ Томскѣ, въ ссылкѣ, Юра въ это время былъ въ Берлинѣ. Денегъ у меня, примѣрно, ни копѣйки. Стоитъ весна — болота въ Кареліи, вѣроятно, совсѣмъ непроходимы . . . Значитъ, надо нацѣливаться на персидскую границу . . . А куда и какъ нацѣливаться брату? Я-то всѣ эти маршруты и возможности болѣе или менѣе изучилъ, а онъ? Не махнуть ли сразу въ Томскъ? А оттуда какъ-нибудь вмѣстѣ и вдвоемъ?

Главное — нужно загнать фото-аппараты. У меня было два: „Лейка“ и „Неттель“, каждый цѣной около пяти тысячъ рублей — цѣна для мирнаго гражданина совершенно непосильная. Впослѣдствіи, передъ побѣгомъ 1933 года, я загналъ ихъ . . . редакціи „Правды“ и такимъ образомъ побѣгъ нашъ былъ финансированъ центральнымъ

органомъ коммунистической партіи. Это даетъ нѣкоторое ироническое утѣшеніе. Въ тотъ день этого утѣшенія еще не было, и я никакъ не могъ изобрѣсти — кому бы мнѣ продать эти аппараты, да еще въ такой короткій срокъ: Садовскій далъ мнѣ недѣлю.

Размышляя такимъ образомъ, я добрелъ до своего ЦК, усѣлся въ пустой своей комнатѣ и продолжалъ размышлять. Размышленія были невеселыми.

Дверь въ мою комнату не была закрыта. Въ ея прямоугольникѣ появилась фигура товарища Преде. Какъ-то скрививъ на бокъ свою рыжую бороденку, товарищъ Преде спросилъ меня иронически:

— О своей о жизни думаешь?

Я отвѣтилъ что-то вродѣ „угу". Товарищъ Преде осмотрѣлъ сосѣднюю комнату — она тоже была пуста — сѣлъ на сосѣдній столъ, набилъ свою трубку и сказалъ діагностическимъ тономъ:

— Да, подумать есть о чемъ! . .

Я уставился на Преде не безъ нѣкотораго недоумѣнія, тревожнаго недоумѣнія: вотъ же, оказывается, зналъ же Садовскій о моемъ романѣ — въ какой степени исключена возможность того, что товарищъ Преде знаетъ о моихъ планахъ побѣга?

— Н-да, дѣла у тебя, можно сказать, — ниже уровня . . . И угораздило же тебя съ этимъ олухомъ связаться.

— Съ какимъ олухомъ?

— Да, вотъ съ этимъ — съ Алешинымъ . . .

Какъ я уже говоримъ, Преде въ ГПУ былъ совсѣмъ своимъ человѣкомъ. Стало ясно, что о моемъ вызовѣ къ Садовскому онъ уже знаетъ и что разговоръ этотъ онъ началъ не совсѣмъ зря.

Я пожалъ плечами.

— Во-первыхъ, я съ нимъ не связывался. А во-вторыхъ, чѣмъ зубоскалить — посовѣтуй что-нибудь.

Преде сдѣлалъ видъ, что вздыхаетъ.

— Трудно посовѣтовать. Трудно. Но кое-что можно придумать . . . Не здѣсь, конечно . . . Заходи-ка ко мнѣ вечеркомъ, обсудимъ . . .

Я подумалъ о томъ, что это приглашеніе сдѣлано

тоже не безъ вѣдома ГПУ. Но разспрашивать было поздно. Ко мнѣ кто-то пришелъ, и Преде вышелъ изъ комнаты, сказавъ только:

— Часамъ къ восьми.

* * *

Часамъ къ восьми я, конечно, пришелъ къ Преде не возлагая на визитъ этотъ почти никакихъ надеждъ, кромѣ одной: что-нибудь все-таки вынюхаю. Разумѣется, сразу же сѣли за водку. По той системѣ, которой въ этой области науки придерживается большинство коммунистовъ, Преде началъ съ того, что высосалъ цѣлый стаканъ и потомъ закурилъ трубку. Въ Россіи вообще пьютъ почти безъ закуски. Привычка. Закусывать болѣе или менѣе нечѣмъ. Раскуривъ трубку, Преде задалъ мнѣ новый иронически-безсмысленный вопросъ:

— Влипъ?

Я тоже выпилъ стаканъ водки и предложилъ Преде бросить къ чортовой матери всякую таинственность: я и самъ знаю, что влипъ, но въ чемъ тутъ дѣло?

— Ну, это не такъ сразу, — сказалъ Преде, — выпьемъ еще.

Выпили еще.

— Дѣло тутъ такое, — началъ Преде академическимъ тономъ. — Есть какая-то молодежная организація. Мы за ней уже больше года охотимся . . . Вредительскіе акты . . . Терроръ. Прокламаціи расклеиваютъ и разбрасываютъ . . . Такъ вотъ, Алешина, твоего Алешина, — ввернулъ Преде, — за этими прокламаціями и поймали.

— А я-то тутъ причемъ?

— Объ этотъ — послѣ . . . У насъ — боевое заданіе: поймать центръ этой организаціи. Твой Алешинъ молчитъ, какъ дубъ . . . Ну, конечно, — заставятъ говорить . . . Есть способы . . . Но мы предпочитаемъ этихъ способовъ избѣгать . . . Все-таки — комсомолецъ . . . Да, такъ вотъ — всѣ слѣды ве-

дутъ въ ЦК... Ну, вѣроятно, тебѣ уже объяснили — машинка, ротаторъ, Алешинъ... Объяснили?

— Объяснили, — сказалъ я.

— Я, видишь-ли, говорю по оффиціальному порученію. Никакого вылаза у тебя нѣтъ... Намъ нужно получить въ ЦК свой глазъ... Нашихъ коммунистовъ тутъ всѣ знаютъ. Отъ новаго человѣка будутъ сторониться... А ты ходишь тутъ за анти-общественника... Словомъ, для этого — самый подходящій человѣкъ... Это я по товарищески говорю... Видишь-ли, если говорить оффиціально, то и противъ тебя — уликъ ой-ой...

Преде налилъ еще по стакану.

— Между нами говоря: собственно, полагалось бы арестовать и тебя. Я тамъ, нашимъ ребятамъ, сказалъ: не трогайте. Ничѣмъ, кромѣ физкультуры и романа, Солоневичъ не интересуется, въ политику не лѣзетъ...

— А откуда они взяли про мой романъ?...

— Вотъ — чудакъ ты человѣкъ! Вотъ написалъ ты свою хрѣновину, ну, скажемъ, оставилъ въ портфелѣ, а портфель, напримѣръ, положилъ на столъ... Я это — только для примѣра. Потомъ вызвали тебя, напримѣръ, къ Фигантеру, а за это время, напримѣръ, товарищъ Ивановъ обязанъ твой портфель обыскать... Понялъ?

Я понялъ. Отъ этого пониманія какія-то марушки по спинѣ поползли. Кто изъ сотоварищей моихъ по работѣ и по комнатѣ можетъ быть тѣмъ Ивановымъ, который, какъ только я вышелъ, обязанъ полѣзть въ мой портфель и о его содержимомъ доложить кому слѣдуетъ?... Я сталъ перебирать въ своей памяти: а не случалось ли мнѣ оставлять въ этомъ портфелѣ то, чего оставлять не слѣдовало бы? Какъ будто нѣтъ: конспиративный стажъ у меня былъ достаточный; но не случилось ли чего-нибудь проворонить?

— Такъ, что ты имѣй въ виду — всѣ мы ходимъ подъ стеклышкомъ... Ну, конечно, и я тоже. Думаешь — и у меня обысковъ не дѣлаютъ? Еще какъ! Тутъ — такая система... Нальемъ, что ли?

Я налилъ и мурашки поползли еще дальше. Тутъ — дѣйствительно система... Какъ бы только мнѣ изъ

этой системы вырваться. Обмануть ее, обстаивать, обойти . . . А система все-таки жуткая . . .

Преде могъ пить приблизительно сколько угодно. И выпивъ приблизительно сколько угодно, могъ слегка скандалить, но лишняго никогда ничего не говорилъ. Тѣхъ людей, которые, будучи въ любомъ видѣ, могутъ говорить лишнее, ГПУ изъ своихъ „желѣзныхъ рядовъ" выбрасываетъ вонъ — преимущественно на тотъ свѣтъ. Оттого, въ частности, эти ряды въ ихъ общей суммѣ — дѣйствительно желѣзные ряды — что ужъ тутъ говорить. Такъ сказать — естественный отборъ. Въ виду всего этого, у меня не было большой надежды перепить Преде такъ, чтобы онъ сталъ проговориваться... Однако, — выпили еще по стакану.

— Словомъ — ты, вѣроятно, знаешь — и жена его арестована. Въ общемъ — сидитъ человѣкъ сорокъ . . . Ты тоже — въ кандидатахъ. . . Положеніе у тебя безвылазное.

Три стакана водки, выпитые подрядъ и безъ закуски, какая-то нервная озлобленность на гнусную эту систему, которая роется не только въ моемъ портфелѣ, но даже и въ портфелѣ товарища Преде, систему, которая никому не можетъ довѣрять, ибо она абсолютно бездушна, — какъ-то прорвали мою выдержку, и я сдѣлалъ глупость. Закурилъ папиросу, откинулся на спинку стула и медленно и размѣренно сказалъ:

— Словомъ, идетъ, такъ сказать, вербовка въ сексоты? Этотъ номеръ не пройдетъ

— Не пройдетъ? — переспросилъ Преде.

— Категорически! . .

Преде посмотрѣлъ на меня какъ-то странно. Потомъ налилъ себѣ еще стаканъ водки и, не приглашая меня, выпилъ его, поставилъ на столъ и сказалъ вещь довольно неожиданную:

— Знаешь, скажу тебѣ по товарищески: держись. Не поддавайся. . . Парень ты, конечно, образованный, но ты ужъ меня извини, неумный ты парень. Безтолковый. Пропадешь ты тамъ. . . Ужъ если завербуютъ, никуда ты не дѣнешься... Вотъ, знаешь, я — сколько лѣтъ?

Да ужъ лѣтъ двѣнадцать въ ГПУ работаю. А что? Вотъ и теперь пропился, запутался, съ бабами не повезло. Пришлось пару абортовъ финансировать — внѣплановый расходъ. А денегъ — ни шпинта. . . Вотъ тебѣ и работа въ ГПУ.

Намекъ былъ достаточно ясенъ. Нужно было этотъ намекъ подхватить и, такъ сказать, „уточнить".

— Ну, для такого дѣла всегда можно по товарищамъ что-нибудь наскребать!

— А у тебя деньги есть? . . — Въ тонѣ Преде появилась, такъ сказать, „живая заинтересованность"...

— Рублей пятьсотъ наскребать можно.

Преде презрительно поморщился.

— Что — пятьсотъ? — Мнѣ не меньше десяти тысячъ нужно. . .

Десять тысячъ? Я могъ бы ихъ достать, продавъ все, что у меня было. Но тогда — что останется для побѣга? Нѣтъ, десять тысячъ — утопическая сумма. Я посочувствовалъ. Да, десять тысячъ — это трудновато.

— Ну — какъ для кого. Для тебя, напримѣръ, — плевое дѣло. . .

Утвержденіе Преде повергло меня въ нѣкоторое изумленіе. У меня? Десять тысячъ? Плевое дѣло? Да отуда онъ это взялъ? И чѣмъ это все пахнетъ?

Преде тяжко вздохнулъ. . .

— У тебя, такъ сказать, — хозяйственное предпріятіе, напримѣръ, клюшки. . . Разумэ?

Кое-что стало „разумэ". Въ числѣ прочаго спортивнаго инвентаря, выписаннаго мной на уже извѣстные читателямъ совторгслужащіе доллары, было большое количество испанскаго камыша для хоккейныхъ клюшекъ — количество, которое обезпечивало за ЦК, такъ сказать, всесоюзную монополію хоккейныхъ клюшекъ. Камышъ этотъ отдавался въ переработку какимъ—то кустарнымъ артелямъ. Я во все это дѣло не вмѣшивался вовсе. На должности завѣдующаго моимъ складомъ спортивнаго инвентаря сидѣлъ многолѣтній чекистъ, тоже латышъ, товарищъ Пелькенъ — боксеръ, спортсменъ, въ последнее время горьчайшій пьяница — чрезвычайно типичная личность для среднихъ звеньевъ ГПУ. О

немъ я какъ-нибудь разскажу подробнѣе — стоитъ разсказать.

При всѣхъ моихъ нѣжныхъ чувствахъ къ ВЧК ОГПУ я вовсе не собираюсь изображать всякаго чекиста садистомъ, дегенератомъ или просто сволочью. Даже въ ГПУ есть очень разные люди.

Когда я началъ организовывать свой складъ спортивнаго инвентаря — въ послѣдствіи онъ сталъ крупнѣйшей въ Россіи, послѣ „Динамо“, организаціей этого рода, — то мнѣ было совершенно ясно: нужно, чтобы завѣдующимъ былъ какой-нибудь чекистъ. Ибо, если я буду заключать всякіе договоры и совершать всякія закупки, то независимо отъ того, буду-ли я воровать или не буду, меня все равно рано или поздно подсидятъ и посадятъ. Если же во главѣ этого склада будетъ какой-нибудь чекистъ, то буду я за нимъ, какъ за каменной горой. Если меня потащатъ въ ГПУ, такъ я скажу: „позвольте — да вѣдь тамъ сидѣлъ вашъ же человѣкъ, я-то тутъ при чемъ?“

Въ виду всего этого, я никакъ не хотѣлъ выдвигать на почтенный этотъ постъ какого бы то ни было „своего человѣка“, о чемъ и сообщилъ нѣкоторымъ коммунистамъ изъ ЦК, въ томъ числѣ и Преде. Преде самъ соблазнился было перспективами „хозяйственной должности“, но какъ разъ въ это время ему подвернулось мѣсто завѣдующаго экспортомъ „лѣктехсырья“ (лѣкарственно-техническаго сырья), и онъ предпочелъ уѣхать въ Гамбургъ. О томъ, какъ товарищъ Преде торговалъ въ Гамбургѣ малиной, я уже разсказывалъ.

Гамбургское лѣктехсырье оторвало товарища Преде отъ перспективы хозяйственной дѣятельности по части спортивнаго инвентаря. Нѣсколько повздыхавъ, онъ сообщилъ мнѣ фамиліи нѣсколькихъ чекистовъ, которые охотно „перешли-бы въ другую область работы“.

И вотъ, не въ порядкѣ оправданія чекистовъ, а въ порядкѣ просто на просто констатаціи факта: ко мнѣ приходили указанные товарищемъ Преде кандидаты-чекисты, и двое изъ нихъ стали передо мной на колѣни — не литературно, а буквально. Я со своимъ фантастическимъ спортивнымъ складомъ оказался для нихъ един-

ственной возможностью легально вырваться изъ аппарата ГПУ. Въ числѣ прочихъ кандидатовъ пришелъ и товарищъ Пелькенъ. Онъ на колѣни не становился. У меня съ нимъ были нѣсколько иные разговоры. Это былъ боксеръ и хоккеистъ, на работѣ въ ГПУ дошедшій до алкоголизма. Я взялъ его на работу въ моемъ складѣ, и за все время этой работы товарищъ Пелькенъ не укралъ ни одной копѣйки — это я знаю совершенно твердо. Каждую копѣйку онъ отстаивалъ, какъ цѣпной песъ. Ибо за спиной его всегда стояла угроза: я могу сказать президіуму центральнаго комитета, что товарищъ Пелькенъ — хорошій коммунистъ и прочее, но для этой работы не годится, и тогда товарища Пелькена немедленно опять втянулъ бы въ себя аппаратъ ГПУ.

. . . Теорія висѣлицъ въ Россіи, висѣлицъ, которыя будутъ воздвигнуты послѣ переворота, имѣетъ два лица. Одно лицо — это необходимость какого-то моральнаго удовлетворенія милліоновъ и милліоновъ вдовъ и сиротъ, безпризорниковъ и лагерниковъ, колхозниковъ и рабочихъ, Юръ и Андрюшъ. Тутъ безъ висѣлицъ никакъ нельзя будетъ обойтись. И есть другое лицо — вотъ такіе товарищи Пелькены, затянутые аппаратомъ ГПУ, которые — если мы ухитримся даровать имъ жизнь — цѣпными собаками будутъ стоять на стражѣ нашего добра и молить Бога за тѣхъ, кто, сковырнувъ аппаратъ ГПУ, далъ имъ, винтикамъ этого аппарата, прощеніе и забвеніе . . . Такихъ винтиковъ очень много. Подавляющее большинство чекистовъ, которыхъ я зналъ лично, — это погибающіе люди. Вотъ, вродѣ Чекалина. Чекалина вѣшать я бы не сталъ.

Все это — чрезвычайно сложно. Чрезвычайно сложнымъ было и мое положеніе въ разговорѣ съ товарищемъ Преде. Ясно — товарищъ Преде напрашивается на взятку. Но откуда могу я эту взятку взять?

Произошелъ нѣкоторый дипломатическій разговоръ. Изъ этого разговора выяснилось, что заказъ на переработку камыша въ клюшки можно дать одной артели, но можно дать и другой. Разница въ цѣнахъ выразилась бы, примѣрно, въ суммѣ пятнадцати тысячъ рублей. Не стоило подчеркивать, въ чьи именно карманы пошла бы

эта разница. Былъ выработанъ нѣкоторый стратегическій планъ: я доложу президіуму ЦК условія всѣхъ конкурирующихъ организацій, товарищъ Преде заявитъ, что всѣ эти организаціи — дрянь и что только артемьевская артель дѣлаетъ клюшки на ять . . . Потомъ я буду отстаивать принципъ экономіи, а товарищъ Преде — принципъ качества продукціи, потомъ онъ меня убѣдитъ, и я соглашусь съ тѣмъ, что центральному комитету совѣтскихъ и прочихъ служащихъ лѣзть въ грязь лицомъ не слѣдуетъ, а нужно „показать классъ“ — ну, и такъ далѣе въ этомъ родѣ. Въ результатѣ всего этого товарищу Преде очистятся потребныя ему десять тысячъ. А можетъ быть, и больше. Я же останусь совершенно не при чемъ: одинъ чекистъ завѣдуетъ складомъ, другой чекистъ поддерживаетъ артель Артемьева, двѣнадцать коммунистовъ президіума ЦК утвердятъ предложеніе товарища Преде. Я-то тутъ при чемъ?

Словомъ — сговорились. Допили водку, и на прощанье товарищъ Преде сказалъ мнѣ нѣчто вродѣ комплимента: я-де не такой дуракъ, какъ можно было бы думать по моей профессіи. И далъ нѣчто вродѣ гарантіи — къ Садовскому вызывать меня больше не будутъ.

Къ Садовскому меня дѣйствительно больше не вызывали. Такъ сказать — откупился. Нѣсколько утѣшительно было думать, что откупился я не за свой счетъ. Но вообще настроеніе было чрезвычайно отвратительное. Чрезвычайно отвратительно жить въ странѣ, гдѣ все время приходится изворачиваться и откупаться. Конечно — жизнь есть борьба, но и борьба-то бываетъ разная . . . Совѣтская обстановка жизни совершенно исключаетъ возможность честной борьбы. Все время — какіе-то воровскіе извороты. А не извернешься — пропалъ . . . Пропадать мнѣ не очень хотѣлось, но и изворачиваться — тоже. Какъ-то не люблю ни того, ни другого . . .

* * *

Я сидѣлъ въ своей салтыковской голубятнѣ и размышлялъ о томъ, что все это особенно глупо устрои-

лось. Такъ глупо, что просто дѣваться некуда. Всѣ подпольныя мои махинаціи уперлись въ тупикъ. Для нихъ все-таки нужны деньги. Денегъ же нѣтъ. Физкультурныя мои махинаціи тоже упираются въ тупикъ, и къ данному моменту это выяснилось уже съ достаточной степенью точности . . . Сейчасъ главное было: дать брату возможность прорваться изъ ссылки. Но до осени побѣгъ почти невозможенъ технически. А бѣжать нужно. Ибо совсѣмъ неизвѣстно, въ какой степени пройдетъ та взятка, которую я болѣе или менѣе гарантировалъ товарищу Преде, въ какой степени сумѣетъ онъ подѣлиться этой взяткой съ товарищемъ Садовскимъ и въ какой степени эта взятка, ежели товарищъ Садовскій получитъ ее, сможетъ предохранить меня отъ дальнѣйшей любознательности ГПУ. Вотъ же — даже и о моемъ романѣ узнали. Почему не могутъ они узнать о нѣкоторыхъ другихъ моихъ мѣропріятіяхъ? Это не были удачныя мѣропріятія, хвастаться нечѣмъ. Но если бы о нихъ узнало ГПУ — это было бы гибелью . . . Тутъ ужъ взяткой не откупиться.

Я переживалъ очередной провалъ, очередное похмѣлье, полный упадокъ вѣры въ свои силы, въ свои мозги и даже въ свою честность. Все проваливается. Проваливается и моя физкультурная работа — въ то время я уже чувствовалъ, что меня оттуда вышибутъ. Проваливается и моя политическая работа — по причинамъ, о которыхъ въ настоящее време я говорить не могу. Проваливаются и мои планы побѣга. Я, очевидно, совсѣмъ подъ стеклышкомъ ГПУ. . . Если оно знаетъ даже о моемъ романѣ, то не можетъ же оно не знать о моихъ планахъ побѣга . . .

Планы побѣга были очень сложными планами. Одному бы бѣжать — плевое дѣло. Но если я буду бѣжать, то не для того, чтобы сытно пребывать гдѣ-нибудь въ домикѣ въ Пасси. Я буду бѣжать для продолженія драки. Тогда тѣхъ моихъ близкихъ, кто останется въ Россіи, просто на просто разстрѣляютъ. Женѣ удалось устроиться машинистской въ берлинскомъ торгпредствѣ, съ ней уѣхалъ и Юра, и все казалось совершенно яснымъ и простымъ: мы съ Борисомъ навьючимъ на себя рюкзаки, возьмемъ въ руки по винтовкѣ (я былъ

инструкторомъ спорта, въ томъ числѣ и стрѣлковаго) — и поминай, какъ звали. Такъ вотъ: Бориса угораздило попасть въ Соловки, потомъ онъ перебрался въ ссылку, въ Томскъ, жена и сынъ — въ Берлинѣ, а тутъ, въ Москвѣ, надо мною — недреманное око, которое, чортъ его знаетъ — что оно видитъ и чего оно не видитъ . . .

Это было ощущеніе, которое впослѣдствіи съ особенной рѣзкостью повторилось въ лагерѣ: а вдругъ всю мою сѣть плановъ, мѣропріятій, подготовки и хитросплетеній ГПУ видитъ болѣе или менѣе насквозь . . . Вотъ увидѣли же и романъ. Я въ тѣ времена весьма особымъ способомъ слалъ женѣ въ Берлинъ статьи для иностанной прессы о положеніи въ Совѣтской Россіи: этихъ статей не приняла ни одна газета, думаю, — напрасно. А вдругъ ГПУ знаетъ и объ этихъ статьяхъ? Вообще были мѣропріятія, въ которыя ГПУ я ни въ какомъ случаѣ не собирался посвящать. Но вѣдь и въ писаніе моего романа я не посвящалъ рѣшительно никого — а ГПУ узнало и безъ моего посвященія . . . Только впослѣдствіи, на допросахъ у товарища Добротина и прочихъ, я твердо и окончательно установилъ границы познаній ГПУ. Это были не очень широкія границы. Но тогда я этого еще не зналъ. Вообще — отвратительно было до чрезвычайности.

Внизу, на лѣстницѣ раздались чьи-то шаги. Медлительной своей походкой вошелъ Тося — похудѣвшій, какой-то осунувшійся, и видъ у него былъ нѣсколько странный.

— Живы? — спросилъ онъ.

Я отвѣтилъ, что по всѣмъ внѣшнимъ признакамъ я, конечно, еще живъ.

— А я — только наполовину. — И Тося посмотрѣлъ на меня нѣсколько подозрительно.

— Почему только наполовину?

— Сидѣли? — спросилъ Тося.

— То-есть, гдѣ это?

— Въ гепеѣ? А гдѣ еще можно сидѣть?

— Богъ миловалъ,

— А я вотъ просидѣлъ. Двѣ недѣли.

— За что?

Тося посмотрѣлъ на меня искоса, снялъ пальто, усѣлся и закурилъ.

— Такъ не сидѣли? Въ самомъ дѣлѣ?

— Въ самомъ дѣлѣ.

— Какъ это вамъ удалось?

Я обозлился и спросилъ — въ чемъ дѣло и для чего это Тося янкеля крутитъ. Тося пожалъ плечами.

— Неужели васъ по Алешинскому дѣлу не таскали?

Я схематически объяснилъ, что на допросъ меня вызывали — допросили и отпустили. Тося казался еще болѣе удивленнымъ.

— Я сидѣлъ двѣ недѣли, и меня пять разъ допрашивали. И объ Алешинѣ, и о васъ. Если-бы не папаша— просидѣлъ-бы я еще, чортъ его знаетъ, сколько. Но папаша подвернулся. Кто-то ему сообщилъ о моемъ исчезновеніи, онъ на кого-то тамъ нажалъ... Ну и выпустили. Насчетъ васъ спрашивали очень досконально,

— О чемъ именно?

— А — обо всемъ. Я все и разсказалъ — сколько окуней мы съ вами выудили и сколько литровъ выпили. Больше какъ-будто и разсказывать нечего было.

Тося иронически усмѣхнулся.

— Очень интересовались — какимъ именно способомъ у васъ совмѣщается троцкизмъ съ монархизмомъ. Очень допытывались. Я сказалъ, что, по моимъ свѣдѣніямъ, вы собираетесь возводить Троцкаго на престолъ Романовыхъ.

— Кто васъ допрашивалъ? Садовскій?

— Не знаю. Можетъ быть, и Садовскій — своей фамиліи онъ не счелъ нужнымъ мнѣ сообщить. За Троцкаго на престолѣ Романовыхъ меня пересадили на три дня въ подвалъ, сказали, что здѣсь слѣдствіе, а не оперетка. А главное, эти три дня давали по полфунта хлѣба и больше ничего. Хорошо, что папаша мой во время подвернулся. У васъ ничего нѣтъ, что-бъ пожрать? Я, собственно, прямо съ Лубянки къ вамъ завернулъ. Послѣ трехъ дней подвала наблюдается нѣкоторое повышеніе аппетита.

Я сообщилъ Тосѣ, что въ корридорѣ, подъ столомъ, имѣется не совсѣмъ еще обгрызенная баранья кость.

Тося пошарилъ въ корридорѣ подъ столомъ, положилъ означенную кость на столъ, обревизовалъ ее со всѣхъ сторонъ и установилъ наличіе на этой кости нѣкотораго количества сухожилій, достаточнаго для того, чтобы заморить червячка. Установивъ сей утѣшительный фактъ, Тося подошелъ къ вѣшалкѣ, на которую онъ повѣсилъ свое пальто, и изъ кармана этого пальто извлекъ бутылку водки. „По дорогѣ подхватилъ, въ кредитъ, не было ни копѣйки; даже въ поѣздѣ зайцемъ проѣхался. Хотите?"

Я изъявилъ свое согласіе. Тося налилъ два стакана и мы коллективно принялись за кость. Сухожилій на ней оказалось недостаточное количество. Тося высказалъ свое сожалѣніе по этому поводу, и мы вернулись къ темѣ объ Алешинѣ.

Но тема объ Алешинѣ меня интересовала мало. Дѣло было слишкомъ яснымъ и слишкомъ безнадежнымъ. Попался парень за расклеиваніемъ антисовѣтской литературы — что тутъ можно подѣлать? У меня братъ попался не на расклеиваніи прокламацій, а просто на старой работѣ по скаутизму — такъ и тутъ я ничего не смогъ подѣлать, а ужъ какъ старался. . .

Внизу въ дверь кто-то постучалъ. Тося задалъ мнѣ вопросъ: „кого это черти несутъ?" и, не получивъ отвѣта, пошелъ внизъ отворять дверь. Потомъ я услыхалъ его изумленный возгласъ:

— Такъ это ты, Маруська? Когда выпустили?

Марусинаго отвѣта не было слышно.

— Замѣчательно! — что-то подтвердилъ Тося. — Ну, ползи наверхъ.

На фонѣ огромной долговязой фигуры Тоси появилась блѣдная тѣнь того, что раньше было Марусей.

На Марусю совсѣмъ страшно было смотрѣть. Подъ ея упрямымъ, еще дѣвичьимъ, лбомъ глаза ввалились куда-то совсѣмъ вглубь черепа, лицо пріобрѣло мертвенно-восковую прозрачность. Она молча поздоровалась съ Тосей и какъ-то остановилась по серединѣ комнаты, какъ бы не зная, куда дѣться и зачѣмъ, собственно, она пришла. Я усадилъ ее въ уголъ, въ знаменитое свое кресло. Дѣвочку прежде всего надо было накормить — у меня же ничего съѣстного не осталось ни крошки. Я пошелъ

внизъ, къ хозяйкѣ, сказалъ ей, что вотъ только что выпустили дѣвочку изъ ГПУ — нѣтъ ли у васъ чего-нибудь съѣдобнаго. Хозяйка сказала нѣсколько словъ, вродѣ того: „Ахъ, ты, Господи, вотъ изверги, дѣвочку-то, на что-жъ она имъ, мало имъ мужчинъ рѣзать, вотъ и дѣтей по подваламъ таскаютъ“. . . И такъ какъ она была женщиной хозяйственной (огородикъ, полдюжины куръ и прочее), то, охая и проклиная, она набрала горшочекъ холодной вареной картошки и пятокъ яицъ. Мои попытки изобразить эти яйца и картошку, какъ нѣкій „продовольственный заемъ“ — „завтра-де отдамъ“, — хозяйка отвергла съ негодованіемъ: „Да что вы, И. Л., совѣсти у меня что ли нѣту . . . Можетъ, такъ и мою Марусю кто-нибудь накормитъ“ . . . У хозяйки была дочь лѣтъ шестнадцати, и ее звали тоже Марусей.

Подымаясь вверхъ по лѣстницѣ, я услыхалъ грустно-ироническія замѣчанія Тоси:

— Вотъ, значитъ, Маруська, и спланировала ты свою жизнь, а?

Оказывается, они были уже на ты — молодежь въ Россіи почти вся на ты. Маруся не отвѣчала ничего. Я занялся примусомъ.

— А ты все-таки посовѣтуй... Все равно — ничего не выйдетъ . . . И — съ ребенком тебѣ куда?

Маруся снова ничего не отвѣтила. Я мелькомъ посмотрѣлъ: Тося стоялъ у печки, курилъ папиросу и смотрѣлъ въ окно. Маруся, сидя въ креслѣ и упершись локтями въ колѣни, положила голову на руки и не видно было, то-ли она тихонько плачетъ, то-ли просто молчитъ. Такъ прошли нѣсколько минутъ, необходимыхъ для изготовленія яичницы.

Маруся подняла свое лицо — слезъ на немъ не было.

— Да зачѣмъ вы, дядя Ваня? Совсѣмъ я не хочу. Отвыкла . . . Не до того.

Я настоялъ на своемъ. Привелъ примѣръ цыгана, который совсѣмъ было отучилъ своего коня отъ корма, а тотъ — возьми и подохни. Моя шутка не произвела ни на Тосю, ни на Марусю ровно никакого впечатлѣнія.

Маруся стала лѣниво ковыряться въ яичницѣ, вилка ея тыкалась какъ-то неувѣренно, точно у слѣпой.

— Такъ вотъ, какія дѣла, дядя Ваня,—сказалъ Тося.

— А какія именно?

Тося вздохнулъ и выпустилъ клубъ махорочнаго дыма.

— Дѣла трясинныя. Наши коники увязли совсѣмъ. Маруся беременна, вы знаете?

— Гмъ, — сказалъ я. Что еще мнѣ оставалось говорить.

— Это — разъ, — продолжалъ Тося. — А два — такъ это вотъ что: Марусю выпустили съ двумя условіями: пронюхать объ остальныхъ участникахъ Колькиной банды и уговорить Кольку не валять дурака — сказать все, что отъ него требуется. Марусьkѣ и свиданіе для этого дадутъ...

— Вы, вѣроятно, согласились? — спросилъ я Марусю безразличнымъ тономъ.

— Согласилась, — сказала она просто.

— Да, я вамъ еще о себѣ не договорилъ. Мнѣ тоже поручили уговорить Маруську, чтобы она уговорила Кольку. Вотъ я и уговариваю, — добавилъ Тося чуть-чуть иронически.

— Зачѣмъ-же уговаривать, если она и безъ васъ согласилась?

— Такъ я имъ и скажу, — передернула Маруся худенькими своими плечами, — тоже нашли дуру. Мнѣ ребятъ повидать надо было, предупредить, вотъ я и согласилась. А чтобы всамдѣлишно... — подождутъ. Не на меньшевиковъ напали.

— А на комсомольцевъ, — не безъ нѣкоторой язвительности продолжилъ я.

Это было неумно сдѣлано. Маруся какъ-то съежилась, точно подъ занесенной дубиной, и сказала тихо-тихо:

— Дядя Ваня, лежачаго не бьютъ...

— Да, — согласился Тося, — это съ вашей стороны было ляпнуто...

— Какъ мнѣ послышалось, и вы что-то насчетъ планированія жизни иронизировали?

— Оставимъ ужъ это, дядя Ваня, — такъ же тихо сказала Маруся...—Я посовѣтоваться пришла... Можетъ,

вы что-нибудь придумаете. — Маруся подчеркнула слово „вы“ и посмотрѣла на меня съ выраженіемъ слабой надежды — послѣдней, но все же очень слабой.

Я вздохнулъ. Что я могъ придумать? Преде? Преде могъ выручить меня, потому что я былъ отвѣтственнымъ работникомъ ЦК, потому что ко всей этой исторіи я дѣйствительно никакого отношенія не имѣлъ, наконецъ, послѣднее и самое существенное, что я могъ дать ему возможность получить взятку. Но комсомолская эта парочка ни для какого учрежденія никакой цѣнности не представляетъ. Алешина поймали на „мѣстѣ преступленія“, и никакой возможности новыхъ взятокъ я ни откуда не видалъ. Картина была проста, ясна и въ достаточной степени безнадежна.

Я тогда еще не зналъ концентраціонныхъ лагерей и не могъ дать никакихъ совѣтовъ о томъ, какъ надлежитъ тамъ дѣйствовать. А въ томъ, что Колѣ Алешину — и то въ лучшемъ случаѣ — концентраціоннаго лагеря не избѣжать, было достаточно очевидно. Но были мѣста, о которыхъ я кое-что зналъ: это „ссылка въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири“. Тамъ — совсѣмъ страшное дѣло. Тамъ сразу же гибнетъ подавляющее большинство ссыльныхъ — не знаю ужъ, сколько именно процентовъ. Но тѣ, кто выдерживаетъ, у кого есть силы приноровиться къ самоѣдовско-майнридовской жизни, становятся этакими заполярными Джеками Лондонами, какихъ, вѣроятно, и въ Клондайкѣ не водилось. Мнѣ казалось, что у Коли и Маруси такія силы есть. Да, но беременность? Ребенокъ?

Мои совѣты свелись къ слѣдующей схемѣ. Вытащить Колю — безнадежное дѣло. Если бы онъ и выдалъ своихъ товарищей...

— Не стоитъ и говорить, — прервала меня Маруся. — Исключается цѣликомъ и полностью..

— Да не перебивайте... Если бы онъ и выдалъ, — это не помогло бы. Разстрѣлять его не разстрѣляютъ — ну, тамъ крестьянскій сынъ, пролетарское происхожденіе и все такое... А сошлютъ, вѣроятно, ко всѣмъ чертямъ. Вотъ родите ребенка — и поѣдете къ Колѣ.

— Не хочу и родить, — все такъ же тихо сказала Маруся, — ни къ чему... Чтобы и его по чекамъ таскали... Да и какой ребенокъ будетъ, когда вотъ на Магниткѣ была, въ чека сидѣла, Коля сидитъ...

— Охъ-хо-хо, — вздохнулъ Тося, — слушала бы ты, Маруська, умныхъ людей, вотъ вродѣ меня съ дядей Ваней, такъ ты бы не планировала и ребенка... А Колька рыбу умѣетъ удить? — ни съ того ни съ сего спросилъ Тося.

Маруся подняла на него удивленные глаза.

— Рыбу? Ну, конечно... Вологодскій вѣдь онъ...

— Ну, тогда не пропадетъ, — обрадовался Тося, какъ бы найдя, наконецъ, нужное рѣшеніе, и какъ-будто у него отъ этого гора съ плечъ свалилась. — Не пропадетъ. Если я подъ Москвой ухитряюсь удочкой жить, то онъ на какой-нибудь Оби будетъ какъ сыръ въ маслѣ кататься. Будетъ ловить какихъ-нибудь тамъ осетровъ, а ты ему, Маруська, осетрину станешь жарить... Ничего, не дрейфь, Маруська. Мы тутъ тебѣ что-нибудь подмолотимъ. Купишь валенки, кожухъ. И ребенокъ твой по крайней мѣрѣ тамъ сытъ будетъ...

Маруся посмотрѣла куда-то въ сторону, въ окно...

— Какой тутъ ребенокъ! Абортъ бы сдѣлать, да поздно...

— А какой мѣсяцъ? — полюбопытствовалъ Тося.

Маруся не отвѣтила.

— Поздно, — сказала она еще разъ.

— Ну, родишь и тогда поѣдешь.

— Не хочу я никакого ребенка, — упрямо повторила Маруся.

— Ну, хочешь—не хочешь, а разъ поздно, такъ поздно.

— Въ петлю никогда не поздно, — тихо сказала Маруся.

— Бросьте вы, Маруся, дуру валять. Вы — одна? Коля вашъ — одинъ? Сотни тысячъ сидятъ по лагерямъ и ссылкамъ (я тогда еще не зналъ, что сидятъ не сотни тысячъ, а милліоны), и всѣ какъ-то выкручиваются.

Я уже тогда зналъ, что выкручиваются далеко не всѣ, но у Алешиныхъ были шансы выкрутиться, и Ма-

русю надо было подбодрить. Я разсказалъ нѣсколько случаевъ о женщинахъ, которыя бились отъ отчаянія головой о стѣнку, пытались травиться, потомъ перебирались въ ссылку къ мужьямъ и еще какъ жили. И ребятъ позаводили.

Не знаю, насколько подбодрили Марусю мои разсказы и мои совѣты. Она, какъ и прежде, сидѣла тихо-тихо, почти не шевелясь, и только изрѣдка подымала на меня свои глубоко запавшіе глаза. Исчерпавъ запасъ своихъ доводовъ, я замолчалъ. Тося съ новымъ вздохомъ резюмировалъ:

— Вотъ такъ исторія.

— Совсѣмъ обыкновенная исторія, — поправилъ я.

— Такъ что же? Вотъ, сидѣть такъ и ждать?

Маруся снова посмотрѣла на меня, потомъ на Тосю, и въ глазахъ ея былъ упрекъ намъ, двумъ мужчинамъ, которые не могутъ помочь ей, беременной дѣвушкѣ.*)

И, пожалуй, еще большій упрекъ намъ, всѣмъ мужчинамъ вообще: вотъ до чего довели. Оба эти упрека были до нѣкоторой степени основательны. Но что я могъ сдѣлать? Такъ мы сидѣли и молчали. Въ головѣ путались какіе-то туманные планы. Не туманными они быть не могли: попробуйте выцарапать человѣка изъ когтей ГПУ, да еще человѣка, явно участвовавшаго въ антисовѣтскихъ дѣйствіяхъ. Среди этихъ туманныхъ плановъ былъ и такой: обратиться по этому дѣлу къ Преде — пусть выцарапаетъ. Преде, конечно, не согласится. Я могу припугнуть его или, какъ говорятъ въ СССР, „взять на баса“ — пригрозить раскрытіемъ его хоккейской взятки. Что получится? Получится вотъ что: Преде позвонитъ Садовскому, и я даже до ЦК дойти не смогу. Меня сцапаютъ, и тогда уже поминай, какъ звали. Тогда уже не выпустятъ. Нѣтъ, и это безнадежный путь. Не менѣе безнадежный, чѣмъ вооруженный налетъ на Лубянку съ цѣлью освобожденія Коли Алешина. Но поговорить съ Преде все-таки было можно. Такъ, въ дру-

---

*) Слово „дѣвушка“ я употребляю въ его совѣтскомъ значеніи. Дѣвушка отъ женщины отдѣляется не по признакамъ дѣвственности, а по признаку возраста, какъ юноша отъ мужчины.

жескихъ тонахъ. Сказать ему, что вотъ, дескать, дубина этотъ Алешинъ — вотъ ужъ дубина! А дѣвочка у него — ничего... на какомъ-то предпослѣднемъ мѣсяцѣ беременности... Жаль ребятъ... Какіе они тамъ контръреволюціонеры... Просто играетъ Алешинъ въ Ястребинаго Когтя... ну и такъ далѣе... Намекнуть слегка на взятку... Можетъ быть, удастся Алешина хоть отъ разстрѣла отстоять...

Я поднялъ глаза и увидалъ, что Маруся смотритъ на меня въ упоръ — вѣроятно, смотрѣла все время, пока я строилъ туманные эти планы. . . Въ ея взглядѣ было что-то отъ, такъ сказать, „вѣчно женственнаго" — вотъ она, дѣвушка, обращается за помощью къ намъ, двумъ мужчинамъ; видно было, что за этой помощью больше ей обратиться было не къ кому. Во взглядѣ была и мольба, и укоръ, и надежда, и отчаяніе.

Я почувствовалъ себя очень неловко. Видимо, такъ же чувствовалъ себя и Тося. Онъ какъ-то крякнулъ.

— Э, поднажму на своего папашу. Была не была. Если на него сильно поднажать. . . — въ голосѣ Тоси особой увѣренности не было. . . У меня же увѣренности въ пользѣ Тосинаго папаши не было ровно никакой. Вопервыхъ, потому, что всякая протекція въ ГПУ возможна только въ том случаѣ, если бы, напримѣръ, въ данномъ случаѣ, Тосинъ папаша былъ бы личнымъ пріятелемъ Садовскаго — что было мало вѣроятно, во-вторыхъ, потому, что ГПУ очень ревниво относится къ какимъ бы то ни было попыткамъ вмѣшательства въ его вѣдомственную компетенцію и, наконецъ, въ третьихъ, коммунисты очень не любятъ рисковать своей коммунистической репутаціей. Съ какой стати Тосинъ папаша будетъ ею рисковать, вмѣшиваясь въ судьбу совершенно неизвѣстнаго ему парня, да еще столь явнаго „преступника", какъ Алешинъ? Нѣтъ, это дѣло почти вовсе безнадежное. Тося, какъ бы въ отвѣтъ на мои мысли, продолжалъ:

— Выйдетъ — не выйдетъ, а я попробую.

Маруся посмотрѣла на него, потомъ снова перевела глаза на меня. Эгоистиченъ человѣкъ. . . Я крѣпко выругался про себя: вотъ не было печали, такъ подверну-

лись эти комсомольцы... У меня самого заботъ полонъ ротъ. Отецъ голодаетъ — нужно поддерживать его, братъ въ ссылкѣ, на носу — побѣгъ...

Я перевелъ разговоръ на другія рельсы.

— Скажите, Маруся, а какъ ваше нынѣшнее положеніе?

— Никакого положенія. Утромъ сегодня выпустили. Пришла въ общежитіе, оттуда выгнали, со службы тоже выгнали — вотъ и все.

— Значитъ — ни кола, ни двора, — резюмировалъ Тося.

Маруся чуть-чуть пожала плечами.

— Вещи отдали, изъ общежитія, то-есть; я узелокъ внизу оставила...

— Ну, это — мелочи жизни, — бодро заявилъ Тося. — Ты, значитъ, будешь пока у меня жить, а я къ дядѣ Ванѣ переберусь... Это — пустяки.

Моего согласія на этотъ переѣздъ Тося, кстати, и не спросилъ вовсе. Не заикнулась о немъ и Маруся. Это согласіе въ данной обстановкѣ являлось вещью само собою разумѣющейся. Само собою разумѣющейся вещи я и оспаривать не сталъ.

— Съ питаніемъ наладимъ. Сейчасъ окунь хорошо долженъ идти. Денегъ какъ-нибудь поднаскребемъ. А ты наскреби по твоимъ ребятамъ.

Маруся снова тихонько пожала плечами.

— Всѣ сидятъ.

У меня создался планъ — урвать у Преде хотя бы тысченку изъ его коммерческихъ прибылей. Для Маруси тысченка, даже и совѣтская, — невиданная въ жизни сумма. Но и тысченка устраивала плохо. Алешинъ еще, вѣроятно, мѣсяца два просидитъ, потомъ его куда-то вышлютъ, мѣсяцъ онъ будетъ ѣхать какимъ-нибудь эшелономъ, потомъ — пока онъ съ Марусей спишется... Все это займетъ около полугода... У Маруси къ этому времени будетъ ребенокъ... Правда, она получитъ кое-какое пособіе по беременности и родамъ... Такъ какъ я по одному изъ прежнихъ видовъ своей дѣятельности былъ хорошо знакомъ съ законами и практикой соціальнаго страхованія, то я далъ Марусѣ нѣсколько весьма цѣнныхъ совѣтовъ, которые она потомъ и выполнила.

Права беременной женщины — правда, очень не густыя — если не во всей Россіи, то, во всякомъ случаѣ, въ крупныхъ центрахъ охраняются весьма крѣпко. Беременной женщины уволить нельзя или, по крайней мѣрѣ, очень трудно. За восемь недѣль до и на восемь недѣль послѣ родовъ женщина освобождается отъ работы и получаетъ все это время свою полную ставку... Но, конечно, законъ останавливается передъ дверьми ГПУ... Однако, при достаточномъ знаніи тонкостей дѣла — тутъ много можно было сдѣлать. Я весьма подробно разсказалъ Марусѣ: какія бумажки надо достать, куда пойти, какъ говорить и чѣмъ угрожать... Маруся, работавшая въ качествѣ машинистки, была членомъ союза совѣтскихъ и торговыхъ служащихъ — слѣдовательно, въ конечномъ счетѣ, она могла со своей жалобой дойти и до ЦК — ну, а въ ЦК были уже свои люди.

Когда я закончилъ свои наставленія, Тося одобрительно крякнулъ.

— Вотъ, это дѣло. Совсѣмъ марксистскій подходъ. Ты, Маруся, такъ и дѣлай.

— Вотъ спасибо, дядя Ваня. Завтра же пойду. Сейчасъ бы прилечь, совсѣмъ голова кружится.

Тося посмотрѣлъ въ окно. На дворѣ хлесталъ дождь, и тьма была кромѣшная.

— А если бы намъ у васъ устроиться, обоимъ, а?

У меня устроиться можно было не только троимъ, а и пятерымъ.

— Ну вотъ, мы сейчасъ все это и устроимъ.

— Давайте ужъ, дядя Ваня, я устрою, — нерѣшительно предложила Маруся.

— Сиди и не рипайся, — внушительно сказалъ Тося.

Маруся продолжала неподвижно сидѣть въ креслѣ, смотря куда-то внутрь себя — можетъ быть, на новую жизнь, которая тамъ, внутри, росла... Когда нехитрыя наши постели были готовы, Маруся устало поднялась...

Я сказалъ: „Спокойной ночи, Маруся, спите и не думайте — утро вечера мудренѣе“. Маруся пожала было мою руку, потомъ выдернула свою и какимъ-то робкимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ материнскимъ жестомъ перекрестила меня.

— Спаси васъ, Господи, дядя Ваня, спаси васъ Господи.

Отвернулась къ постели и видно было, что ея плечи вздрагиваютъ отъ съ трудомъ сдерживаемыхъ рыданій. Я стоялъ въ полномъ изумленіи: вотъ тебѣ и комсомолка!.. Вотъ тебѣ и „интеллигентный человѣкъ — а иконы висятъ“!.. На одно мгновеніе у меня мелькнула мысль напомнить ей объ этой фразѣ. Но я не напомнилъ!.. И если Господь насъ отъ всего этого спасъ, то, можетъ быть, не совсѣмъ ужъ послѣднюю роль играла и комсомольская Марусина молитва.

* * *

Марусинъ промфинпланъ получить пособіе по беременности мы выполнили цѣликомъ. Въ его выполненіи принималъ участіе еще цѣлый рядъ людей, о которыхъ здѣсь говорить не стоитъ. Словомъ, въ результатѣ болѣе или менѣе длительныхъ демаршей Маруся оказалась обладательницей своей прежней заработной платы, но уже безъ обязанности ходить на службу, и нѣкоторой суммы денегъ, уплаченной ей за незаконное увольненіе. Такой суммы Маруся въ жизни не видывала, рублей что-то около трехсотъ-четырехсотъ.

Изъ общежитія Марусю, однако, выперли окончательно. Въ качествѣ тяжелаго орудія туда былъ направленъ Тося доказывать какому-то комсомолистому завѣдующему общежитіемъ, что нельзя же выкидывать на улицу беременную дѣвушку. О своей неудачѣ Тося разсказывалъ глухо и преимущественно въ терминахъ, не подлежащихъ оглашенію въ печати.

Въ виду всего этого, Маруся окончательно перебралась на жительство къ Тосѣ, а Тося перекочевалъ ко мнѣ со всѣми своими удочками, пешнями, вершами и прочими приспособленіями рыбачьяго промысла. По весьма многимъ и достаточно вѣскимъ причинамъ мнѣ это было неудобно до чрезвычайности. Почему бы имъ, т. е. Тосѣ и Марусѣ, не жить вмѣстѣ? Такую теорію какъ-то выдвигала и Маруся:

— Да что-жъ я тебя, Тоська, выживать буду? Да и дядѣ Ванѣ неудобно. Я ужъ притулюсь гдѣ-нибудь!

Притулиться, впрочемъ, было негдѣ. Комнатушка была, по выраженію Тоси, въ тараканью жилплощадь. Тося остался твердъ и впослѣдствіи мотивировалъ свое поведеніе такъ:

— Если бы не беременность, не о чѣмъ было бы и говорить. А такъ: и она будетъ стѣсняться, мало ли тамъ какія дѣла по этой части, да потомъ, вѣдь вы знаете, встаешь до свѣту, возишься съ удочками. Ей сейчасъ нуженъ покой...

Въ воздаяніе за причиняемыя мнѣ неудобства Тося компенсировалъ меня окунями, каковыми окунями онъ снабжалъ и Марусю, а Маруся ихъ жарила и носила для передачи на Лубянку Колѣ. Впрочемъ, въ этихъ передачахъ участвовало значительное количество весьма разнообразной публики.

Вопросъ объ обѣщанномъ свиданіи съ Колей все какъ-то откладывался и откладывался. Маруся все бѣгала: то въ прокуратуру верховнаго суда, то выстаивала въ очередяхъ въ пріемной ОГПУ, гдѣ было и такое окошечко:

„Пріемъ жалобъ и заявленій".

Эти жалобы и заявленія съ такимъ же успѣхомъ можно было кинуть въ любую уборную и съ такими же шансами получить оттуда отвѣтъ... Тося тоже куда-то мрачно ходилъ, нажималъ на пресловутаго своего папашу; — папаша кажется, что-то обѣщалъ — словомъ, потянулась совершенно обычная совѣтская волынка.

* * *

Мнѣ пришлось уѣхать въ командировку, довольно длительную,—мѣсяца на три И въ мельканіи полуразрушенныхъ старыхъ городовъ и полупостроенныхъ новыхъ, голода и стадіоновъ, тифа и дворцовъ культуры — Алешинская исторія какъ-то совсѣмъ вывѣтрилась изъ головы. . .

И мѣсяца черезъ три, подъѣзжая къ Москвѣ, я не безъ остраго неудовольствія вспомнилъ: ахъ, да: Маруся, Коля, Тося. . . Неужели эта каша до сихъ поръ еще не расхлебана? У меня и своей каши вполнѣ достаточно. Да и пребываніе Тоси въ моей мансардѣ сейчасъ, послѣ моей поѣздки, меня никакъ не устраивало.

Дома я никого не засталъ, кромѣ Тосиныхъ удочекъ. Онѣ были длинны и многочисленны. Зачѣмъ человѣку столько ихъ сразу? Изъ ихъ наличія можно было сдѣлать логическій выводъ о наличіи и Тоси на моей жилплощади. Каша, значитъ, еще не расхлебана.

Черезъ часъ появился Тося.

— А, пріѣхали? — сказалъ онъ заинтересованнымъ тономъ и какъ-будто не безъ нѣкотораго облегченія. Облегченіе мнѣ понравилось.

— Пріѣхалъ.

Тося не замѣтилъ моего тона.

— А мальчуганъ получился замѣчательный.

— Какой мальчуганъ?

— Какой? Марусинъ, конечно. Хотите пойти посмотрѣть?

Я не хотѣлъ. Я только что протрясся около четырехъ тысячъ верстъ, то въ теплушкахъ, то на грузовикахъ, то на подводахъ, одинъ разъ въ международномъ вагонѣ, но зато одинъ разъ на крышѣ товарнаго. Только что еле живой, грязный и вшивый, добрался къ себѣ домой — самое время идти какого-то мальчугана смотрѣть.

Тося нѣсколько разочарованно пожалъ плечами.

— Ну, не хотите и не надо.

И потомъ прибавилъ утѣшительнымъ тономъ:

— Вечеромъ Маруся, должно быть, и сама придетъ.

Утѣшеніе было слабое. Мнѣ бы помыться, побриться, поѣсть и завалиться спать сутокъ этакъ на двое. Охота, какъ говорится, пуще неволи. Я ѣздилъ больше по охотѣ, чѣмъ поневолѣ. Иначе бы не выдержать. Пріѣдешь въ какой-нибудь Краснококшайскъ, а тамъ ни за какія деньги — ни фунта хлѣба и ни крошки табаку. Пріѣдешь въ какой-нибудь Харьковъ, а тамъ ни по какимъ мандатамъ ни въ какую гостиницу не пустятъ — ночуй въ спортивномъ клубѣ. Пріѣдешь въ какую-

нибудь Одессу, а оттуда для полученія билета нужно быть по меньшей мѣрѣ Эдиссономъ или ждать очередной поѣздки футбольной команды и пристроиться въ качествѣ судьи. Ну, и такъ далѣе. . .

Въ силу этого обстоятельства, по дорогѣ отъ Брянскаго вокзала на Курскій я заглянулъ въ коммерческій магазинъ (ихъ тогда называли магазинами заочнаго питанія — проходи и облизывайся). Съ дороги я обыкновенно пріѣзжалъ съ нѣкоторымъ запасомъ денегъ, добытымъ примѣрно тѣми способами, какими добывалъ свои запасы небезызвѣстный Остапъ Бендеръ (Остапъ Бендеръ — не сатира, а фотографія). Въономъ магазинѣ я купилъ килограммъ буженины, пару соленыхъ огурцовъ и литръ коньяку. Приказчикъ, заворачивая мнѣ все это, посмотрѣлъ на меня сожалительно: и все равно сядешь же ты, растратчикъ ты несчастный.

Я не былъ растратчикомъ. Въ числѣ бендеровскихъ четырехсотъ способовъ легальнаго изыманія денегъ изъ совѣтской казны у меня былъ и такой:

Я пріѣзжаю въ совхозъ и снимаю всѣхъ, кто попадается подъ руку. Фотографіи съ соотвѣтствующими текстами и очерками идутъ:

1. Въ журналъ „Медицинскій Работникъ" — какъ работаетъ совхозная амбулаторія даже и тогда, когда ея и въ природѣ не существуетъ.

2. Въ журналъ „Ударникъ Соціалистическаго животноводства" — о томъ, какъ доярка Иванова Седьмая перевыполняетъ промфинпланъ.

3. Въ журналъ „Работникъ Просвѣщенія"— о томъ, какъ ударникъ Ивановъ Седьмой ликвидируетъ малограмотность (о неграмотности писать было нельзя — она уже ликвидирована).

4. Въ газету „Соціалистическое Земледѣліе" — о дирекціи совхоза вообще.

5. Въ „Красный Транспортникъ" — о томъ, какъ совхозъ перевыполняетъ планы дорожнаго строительства.

6. Въ журналъ Автодора—приблизительно о томъ же.

Въ наиболѣе благопріятныхъ случаяхъ удавалось снимать урожай съ двѣнадцати журналовъ, перечислять которые было бы долго и скучно. И, помимо

всего этого, всякая дирекція совхоза — а) накормитъ и б) дастъ авансъ подъ тѣ фотографіи, которыя я долженъ буду прислать ей изъ Москвы (всегда присылалъ).

Впрочемъ, иногда со всѣми этими ударниками и перевыполненіями получалась совсѣмъ прискорбная чепуха. Такъ: дали мнѣ командировку по заволжскимъ совхозамъ съ присовокупленіемъ свирѣпой директивы — тогда была именно такая директива: „бить по расхлябанности и разгильдяйству“. Я поѣхалъ. Пока я ѣздилъ, выискивая лодырей и разгильдяевъ — это были нетрудные поиски, — пока я пріѣхалъ въ Москву, директива уже перемѣнилась. ЦК партіи предписалъ: на страницахъ всей совѣтской прессы показать „примѣры работы“, описать лучшихъ ударниковъ и энтузіастовъ. Положеніе было пиковое: откуда я этихъ ударниковъ могу взять?

Возникли нѣкоторые переговоры съ редакціей „Соціалистическаго Земледѣлія“. Я сказалъ, что ударники ударниками, но вѣдь ѣздилъ-то я по вашей-же командировкѣ и по вашимъ-же желаніямъ. Редакція нашла поистинѣ соломоново рѣшеніе: всѣ мои разгильдяи, лодыри и безхозяйственники были помѣщены въ качествѣ ударниковъ и энтузіастовъ: кто его тамъ разберетъ. Редакція нѣсколько передѣлала подписи подъ фотографіями — я нѣсколько передѣлалъ текстъ своихъ очерковъ. Я не знаю, что именно испытывали эти разгильдяи и лодыри, увидавъ въ газетѣ свои фотографіи и свои жизнеописанія, но полагаю, что они были удивлены. Пріятно удивлены, конечно.

Когда я сейчасъ читаю въ совѣтской печати развеселыя жизнеописанія зажиточныхъ колхозниковъ, я неизмѣнно вспоминаю своихъ чудесно преображенныхъ разгильдяевъ.

Все это — въ объясненіе тому факту, что я имѣлъ возможность купить килограммъ буженины. Способъ добыванія этого килограмма, какъ видите, особой эстетичностью не отличался. Но я все-таки не хочу, чтобы меня считали растратчикомъ.

Итакъ, послѣ трехъ мѣсяцевъ вотъ этакихъ хожденій по совхознымъ, заводскимъ, профсоюзнымъ, желѣзнодорожнымъ и прочимъ мытарствамъ и мукамъ, я,

наконецъ, истребилъ цѣлый самоваръ на мытье (въ банѣ пришлось-бы торчать четыре-пять часовъ въ очереди), отскребъ свою дорожную грязь, выкинулъ за окно на крышу свое вшивое бѣлье и совсѣмъ было собрался угнѣздиться за буженину и коньякъ — такъ что мнѣ было не до Маруси, ея мальчугана и ея проблемъ. Я сказалъ что-то мало членораздѣльное въ этомъ родѣ и предложилъ Тосѣ приспособиться къ буженинѣ и коньяку. Тося выразилъ свое принципіальное согласіе и, пока я натягивалъ на себя чистое бѣлье, пошелъ въ другую комнату къ своимъ неизмѣннымъ удочкамъ. На лѣстницѣ послышались быстрые Марусины шаги, и она вошла въ комнату, не обращая вниманія на мое относительное дезабилье и держа въ рукахъ какой-то свертокъ. Маруся очень энергически пожала мнѣ руку: „Вотъ хорошо, что вы пріѣхали, дядя Ваня!"—и положила свертокъ на лежанку. Въ сверткѣ, конечно, былъ знаменитый мальчуганъ, личико его было прикрыто какой-то тряпочкой. Сейчасъ же пришелъ и Тося, снялъ тряпочку и пальцемъ, вымазаннымъ въ воскъ и смолу, ткнулъ мальчугана въ носикъ.

— Ну, какъ живешь, бузя?

Бузя ничего не отвѣтилъ.

— Ну, куда ты съ грязными лапами лѣзешь,— возмущенно сказала Маруся. — По заграницамъ обучался, а этого не знаешь.

—А ты, Маруся, не кирпичись. Никакой инфекціи; я просто переметъ смолилъ.

Однако, Тося лапу свою убралъ и осмотрѣлъ мальчугана внимательно и испытующе. Осмотрѣвъ, Тося кивнулъ головой съ удовлетвореніемъ:

— Ничего, совсѣмъ подходящій. Съ каждымъ днемъ круглѣетъ.

— Правда? — Марусины щечки порозовѣли.

Я тоже счелъ своимъ долгомъ ткнуть мальчугана и въ щечки, и въ носикъ: — руки у меня чистыя, только что мылся — и высказалъ нѣсколько весьма одобрительныхъ замѣчаній о Марусиномъ произведеніи. Маруся расцвѣла окончательно. Она развернула свертокъ, и изъ обмотокъ чисто выстираннаго тряпья показались сморщенныя, еще такія неумѣлыя дѣтскія рученки.

— А Коли вотъ и нѣтъ, — сказала Маруся и нагнулась надъ ребенкомъ.

Тося положилъ ей руку на спину.

— Ничего, Марусенька, — въ тонѣ Тоси были необычныя нотки. — Ничего, и Коля будетъ! Вотъ—сегодня я снова съ папашей своимъ говорилъ.

— Ну, и что? — Маруся рѣзко обернулась къ Тосѣ, и сквозь слезы въ ея глазахъ снова заблестѣла надежда.

— Обязательно обѣщалъ нажать. Завтра же пойдетъ къ кому надо. — Тося говорилъ увѣренно, но въ этой увѣренности мнѣ показалось что-то дѣланное.

— Папаша говоритъ, что если бы Коля подписалъ показанія...

Маруся посмотрѣла на Тосю какъ-то прямо и спокойно, и въ ея ситцевыхъ глазенкахъ было что-то отъ протопопа Аввакума.

— Ты вѣдь понимаешь?

— Да, ну, конечно, — Тося снова пожалъ плечами. — Эхъ, дернула меня нелегкая вернуться сюда изъ Англіи.

— А было у васъ свиданіе съ Колей? — догадался спросить я Марусю.

— Ну, было. Мы все больше глазами разговаривали, чекистъ все время сидѣлъ... Да что и говорить?...

Маруся окончательно развернула своего мальчугана, усѣлась въ уголъ, въ кресло, прикрылась какимъ-то платочкомъ и сказала: „Ну, лопай, ты, медвѣдинька!“ Мальчуганъ, чмокая, приспособился къ Марусиной груди и, вѣроятно, переживалъ минуты, которыхъ больше въ жизни ему не удастся пережить. Маруся оторвала свой взглядъ отъ ребенка и посмотрѣла на меня:

— Вѣдь вы, дядя Ваня, понимаете: для того, чтобы *онъ* могъ жить—*ихъ* надо убрать. Развѣ-жъ можно такія показанія подписывать?

Да, оно конечно, — для того, что бы дѣти наши могли жить, кое-кого убрать совершенно необходимо. Тутъ мнѣ съ Марусей спорить было не о чемъ. Маруся слегка прижала своего младенца, какъ бы защищая его отъ какой-то еще невѣдомой опасности. Тося пожалъ плечами.

— Мальчишкѣ нужно, чтобы у него отецъ былъ... И не въ тюрьмѣ.

— Такъ, значитъ, чтобы Коля подписалъ эти показанія и еще съ сотню ребятъ посадилъ? Тамъ — тоже отцы есть.

— Вотъ, заѣло васъ, — сказалъ Тося. — Ерунда все это — съ вашими прокламаціями. Ты, Маруся, пойми: противъ васъ цѣлый государственный аппаратъ, что вы съ нимъ этими прокламаціями сдѣлаете? Только себя губите — и больше ничего.

Маруся посмотрѣла на Тосю какъ-то исподлобья.

— Не хотѣла я тебѣ говорить, Тося, а все-таки: шкурникъ ты.

— Почему шкурникъ?

— Да вотъ такъ: шкурникъ. Деньги на тебя тратили, чтобы ты заграницей учился. . . Учился, а вотъ работать не хочешь. Окуней ловишь, а на заводъ не идешь.

Тося рѣзко передернулъ плечами.

— Ты, Маруська, кажется, и сама на Магниткѣ была — знаешь, что это такое.

— Ужъ я знаю. И Коля знаетъ — потому и сидитъ. . . Такъ почему ты не хочешь ни работать, ни драться. А? Почему? Ни въ чемъ не хочешь участвовать— вотъ потому и шкурникъ.

— Ну, и я тебѣ, Маруся, прямо скажу: дураки вы оба съ вашимъ Колей и со всѣми вашими ребятами. Неужели вы думаете вашими прокламаціями своротить такую машину, какъ совѣтская власть. Она васъ раздавитъ и даже не замѣтитъ. Губите свои собственныя жизни — и больше ничего. А машина какъ шла, такъ и будетъ итти.

Маруся посмотрѣла на Тосю въ упоръ и не отвѣтила ничего. Я вмѣшался.

— Словомъ, вы, Тося, проповѣдуете теорію и практику, такъ сказать, гражданскаго отшельничества. Сидѣть и не рипаться. Не работать, но и не бороться.

Тося повернулся ко мнѣ.

— Не я, дядя Ваня, дѣлалъ дурацкую эту революцію — и не мнѣ расхлебывать ее.

— Во-первыхъ, вы ее все равно расхлебываете. А во-вторыхъ, кому же расхлебывать. Вашему папашѣ?

— Да, папашѣ, вѣроятно, придется. . .

— Но вы, насколько мнѣ помнится, въ случаѣ войны собирались этого папашу поддерживать въ рядахъ красной арміи?

— Вотъ — еще нехватало, — сказала Маруся. . .

Тося посмотрѣлъ раньше на Марусю, потомъ на меня, потомъ досталъ изъ кармана кисетъ съ табакомъ: хотите свернуть? Я свернулъ себѣ папиросу.

— Я понимаю, что вы хотите сказать, дядя Ваня— примѣрно то же, что говоритъ Маруся, — только, такъ сказать, въ болѣе парламентарныхъ формахъ. . .

Маруся переспросила, что значатъ „парламентарныя формы". Я объяснилъ.

— Такъ, вотъ,—продолжалъ Тося, очень медленно и размѣренно. — Конечно, Коля морально правъ — я вѣдь этого и не отрицаю. Но я правъ интеллектуально— съ этимъ вы тоже должны согласиться.

— Какъ это понять?

— Сейчасъ ни для чего еще время не назрѣло: ни для работы, ни для прокламацій. Вся эта машина — она сама собою разваливается. Буду ли я ей помогать или не буду, ея отъ этого не прибудетъ и не убудетъ. А въ красную армію я пойду.

— И совѣтскую власть защищать будешь? — Маруся нагнулась впередъ и уставилась на Тосю въ упоръ.

— Кого мы тамъ будемъ защищать, еще не вполнѣ ясно, — уклончиво сказалъ Тося.

— Вашихъ папашъ? — иронически напомнилъ я.

— Ну да, въ частности, и папашъ. Но собственно не въ нихъ дѣло. Дѣло въ томъ, что у насъ есть двѣ силы, только двѣ: партія и армія.

— А въ арміи ты тоже за партію драться будешь? А? За партію? За Сталина драться будешь? За ГПУ драться будешь? За то, чтобы люди съ голоду дохли и по тюрьмамъ сидѣли? За что ты будешь драться?

Маруся совсѣмъ перегнулась впередъ. Ребенокъ на ея колѣняхъ запищалъ. Маруся нервно поправила своего младенца и, не сводя упорнаго взгляда съ Тосинаго лица, переспросила съ еще большей настойчивостью:

— Такъ за кого ты будешь драться?

Тося отвѣтилъ неопредѣленно:

— Да вотъ, можетъ-быть, за твоего мальченку...

— Вы, Тося, не отвиливайте.—Маруся поставила вопросъ совершенно прямо. — При чемъ тутъ мальченка?

— Мальченка — это будущее. Будущее можно обезопасить только силой. У насъ есть двѣ силы: партія и армія. Ты, Маруся, не горячись. Ты знаешь — я не изъ энтузіастовъ. Помнишь, давно уже мы оба тебѣ говорили, — дядя Ваня и я,—что изъ вашего комсомольскаго энтузіазма ничего не выйдетъ. Не вышло. Только подорвали свои силы. И изъ вашихъ прокламацій ничего не выйдетъ.

— Такъ что-жъ ты-то будешь дѣлать?

Тося посмотрѣлъ на Марусю съ какой-то снисходительностью:

— Силушку копить, — сказалъ онъ. — И въ подходящій моментъ быть тамъ, гдѣ эта сила накопится. А если я сгнію на стройкѣ или въ тюрьмѣ — кому отъ этого польза?

— Ну, вотъ и есть шкурникъ. А кому эта твоя сила будетъ нужна?

— Пригодится, — сказалъ Тося неопредѣленно. — Вотъ, можетъ, и тебѣ пригодится.

— Давайте, Тося, не играть въ прятки. Вашу позицію я опредѣлилъ-бы такъ: выжидать время и накапливать силы.

— Именно, — кивнулъ Тося.

— Но вопросъ въ томъ, чего именно вы будете выжидать и для чего именно вы будете накапливать силы?

— Вотъ объ этомъ-то самомъ я и говорю, — обрадовалась Маруся, — вотъ ты и скажи прямо: за большевиковъ или противъ большевиковъ?

— Сейчасъ еще не знаю. Я, Маруська, не такой плановикъ, какъ вотъ вы, съ Колькой. Вотъ вы и жизнь планировали, и Магнитку планировали, и прокламаціи планировали... Что вышло? А я ничего не планирую. Придетъ время — посмотримъ.

— Нѣтъ, ты скажи прямо: за большевиковъ или противъ большевиковъ.

— Послушай, Маруська, если-бы я хотѣлъ работать за большевиковъ, то я давно сидѣлъ бы въ партіи. Значитъ — не хочу.

— А воевать за нихъ будешь?

— Ну, и умѣешь же ты приставать! За какихъ больщевиковъ? За тѣхъ, которые сегодня? За нихъ никто воевать не будетъ.

— Послушайте, Тося, вѣдь сами вы мнѣ говорили, что пятьдесятъ милліоновъ людей пойдутъ воевать — вотъ за вашихъ папашъ и за существующую систему.

— Простите — о папашахъ я дѣйствительно говорилъ. Но я ничего не говорилъ о системѣ. Вы думаете, за данную систему и мой папаша будетъ воевать? И онъ не будетъ.

* * *

Какъ-то совсѣмъ позднимъ вечеромъ я пришелъ къ себѣ домой и дома засталъ компанію, нѣсколько необычную даже и для моей голубятни. Тамъ сидѣли: Тося, въ качествѣ, такъ сказать, замѣстителя хозяина дома, большевицкій полпредъ въ Ковно т. Карскій, передовикъ „Извѣстій" А. Я. Канторовичъ и какой-то вовсе мнѣ неизвѣстный англичанинъ, находившійся на весьма сильномъ взводѣ. Разговоръ шелъ по преимуществу порусски, такъ какъ англичанинъ главную часть своего вниманія отдавалъ виски. Двѣ или три бутылки стояли на столѣ уже пустыми, еще двѣ или три ожидали своей очереди. Англичанинъ не безъ нѣкотораго труда поднялся съ кресла и сказалъ: „very glad". Я отвѣтилъ ему тѣмъ же, хотя особаго удовольствія и не испытывалъ. Карскій извинился за вторженіе, но такъ какъ это было не въ первый разъ, то и извиняться было нечего. Визиты такихъ лицъ, какъ Карскій, въ значительной степени облегчали нѣкоторыя мои мѣропріятія, и эти визиты, особеннаго удовольствія не доставляя, были все же весьма полезны... Канторовичъ о чемъ-то изрѣдка переговаривался съ англичаниномъ, Карскій разсказывалъ Тосѣ совѣтскую систему спаиванья иностранныхъ журналистовъ. Система эта, какъ извѣстно, не очень плохо дѣйствуетъ и до сихъ поръ. Было разсказано и нѣсколько забавныхъ случаевъ изъ совѣтской дипломатической

практики. Но въ общемъ разговоръ шелъ довольно вяло, англичанинъ хмѣлѣлъ все больше и больше, и я ужъ начиналъ безпокоиться о томъ, что намъ дальше съ нимъ дѣлать.

Въ дверь внизу кто-то постучалъ. Я посмотрѣлъ на часы — было около двухъ часовъ ночи: кто бы это могъ быть? Вѣроятно, кто-то, пріѣхавшій съ послѣднимъ поѣздомъ изъ Москвы. Но кто?

Тося пошелъ отворять. Снизу донесся его дружественный и, подъ вліяніемъ виски, чрезвычайно радушный возгласъ:

— Маруська, это ты? Замѣчательно. Ну, катись наверхъ, мы тебя съ интересной публикой познакомимъ.

Маруся, повидимому, ничего не отвѣтила, по крайней мѣрѣ ея отвѣта я не слыхалъ. Когда она вошла въ комнату, меня поразилъ ея странный, какой-то блуждающій взглядъ. Тося поторопился познакомить ее со всѣми присутствующими, не забывъ для шутки и меня. Блуждающій взглядъ Маруси я объяснилъ себѣ тѣмъ, что людей типа англичанина и Карскаго она видала въ первый разъ въ жизни: оба они были въ смокингахъ. Англичанинъ, усиліемъ воли преодолѣвая выпитое виски, поднялся, протянулъ руку и сказалъ еще разъ свое „very glad". Канторовичъ посмотрѣлъ на Марусю съ подозрительнымъ безпокойствомъ и перевелъ на меня вопросительный взглядъ.

Поздоровавшись со всѣми, Маруся какъ-то кофузливо осталась стоять посерединѣ комнатушки, какъ бы не зная куда дѣвать свои руки и куда дѣвать самое себя. Она стояла прямо, чуть ли не на вытяжку, и лицо ея подергивалось нервнымъ тикомъ. Я понялъ, что съ нею случилось что-то совсѣмъ серьезное. Почувствовали это и всѣ. Разговоръ сразу замолкъ. Маруся обвела всѣхъ своимъ невидящимъ взглядомъ и обратилась ко мнѣ:

— Дядя Ваня, дайте стаканъ водки.

Маруся никогда ничего не пила, и просьба ея носила очень тревожный характеръ. Я поднялся было, чтобы подойти къ ней, но Карскій предупредилъ меня, протянулъ Марусѣ небольшую стопку виски. Маруся взяла

эту стопку, стопка выпала изъ ея пальцевъ. Рухнула на полъ и она сама.

— Тося, Тося, Колѣ оба глаза выбили! Колѣ, художнику, оба глаза!

Маруся билась въ истерикѣ. Тося подхватилъ ее и уложилъ на лежанку. Англичанинъ протрезвѣвшимъ голосомъ спросилъ, въ чемъ дѣло. Карскій очень неувѣреннымъ тономъ отвѣтилъ, что просто истерика. Тося поднялъ голову, склоненную надъ Марусей, и злостно посмотрѣлъ на Карскаго.

— Хорошая истерика — мужу въ ГПУ оба глаза выбили... — и тутъ же разъяснилъ все это англичанину.

— Ну, нужно идти, — сказалъ Карскій.

Да, ему нужно было идти. Дѣлать тутъ ему было совершенно нечего. Маруся билась въ рыданіяхъ на лежанкѣ. Тося все-таки влилъ ей въ ротъ немножко виски, всѣ остальные, въ томъ числѣ и я, находились въ нѣкоторой растерянности. Я никогда не слыхалъ, чтобы въ ГПУ били. Тамъ, конечно, примѣняются пытки, но характера болѣе утонченнаго. Съ точки зрѣнія ГПУ битье — это просто пережитокъ варварства. Зачѣмъ человѣка бить? — проще кормить его селедкой и не давать воды... Но возможно, что и комбинація селедки и жажды Колю Алешина тоже пронять не могла.

Гости стали прощаться. Карскій и Канторовичъ чувствовали себя не совсѣмъ въ своей тарелкѣ. Вѣроятно, часъ или полтора тому назадъ они доказывали просвѣщенному англосаксу и о томъ, какъ-де Совѣтскій Союзъ борется противъ всяческаго мракобѣсія, фашизма и прочаго, какъ-де этотъ самый Союзъ возглавляетъ культурное движеніе всего просвѣщеннаго человѣчества, — и вотъ тебѣ на: выбитые въ ОГПУ глаза художника.

Съ просвѣщеннымъ же англичаниномъ случилась вещь весьма странная: онъ протрезвѣлъ сразу. Какъ-будто ни капли и во рту не было. Онъ очень обстоятельно освѣдомился у меня — правильно ли онъ понялъ мистера Тосю. Я вкратцѣ подтвердилъ, стараясь говорить возможно яснѣе: мой англійскій былъ значительно хуже Тосинаго. Англичанинъ посмотрѣлъ сочувственно, нѣсколько церемонно потрясъ руку мнѣ и Тосѣ, огля-

дѣлъ бьющееся въ рыданіяхъ тѣло Маруси и, уходя, почему-то старался пропустить Карскаго и Канторовича впередъ: тоже китайскія церемоніи, подумалъ я.

Я замыкалъ шествіе со свѣчей въ рукахъ. Впереди меня шелъ англичанинъ. Не оборачиваясь назадъ, онъ сталъ шарить рукой мою руку, что-то вложилъ въ нее и крѣпко пожалъ, какъ бы призывая къ пониманію и къ молчанію. Я промолчалъ, хотя не понималъ ничего.

Гости ушли. Я поднялся наверхъ и въ своей рукѣ обнаружилъ пачку англійскихъ банкнотъ — фунтовъ что-то, кажется, 6-7. Было ясно, что это для Маруси — неслыханный въ Москвѣ капиталъ. Что было дѣлать? Отказаться — я могъ бы за себя, но не имѣлъ права за Марусю, да и отказаться было уже поздно: англичанинъ, вѣроятно, имѣлъ свои соображенія по поводу того, что такого рода помощь надо оказывать въ тайнѣ. . . Я засунулъ деньги въ карманъ.

Тося сидѣлъ рядомъ съ Марусей и все уговаривалъ ее. Я присоединился къ этимъ уговорамъ: тутъ что-то не такъ. А откуда, собственно, получила Маруся эту информацію? Оказывается, съ Лубянки была передана на волю записка — „въ ГПУ у насъ тоже свои ребята есть“, — пояснила Маруся. Записка была немедленно уничтожена — по всѣмъ, такъ сказать, правиламъ конспираціи, и точнаго содержанія ея отъ Маруси сейчасъ добиться не было никакой возможности. Какъ потомъ выяснилось, записка была средактирована приблизительно такъ, что отъ всѣхъ допросовъ Коля остался безъ глазъ. Были ли они выбиты или не были — оставалось подъ вопросомъ. У мена мелькнула даже и такая мысль — не есть ли эта записка просто на просто провокація со стороны ГПУ, предназначенная для того, чтобы окончательно потрясти и безъ того надомленныя душевныя силы Маруси, потомъ снова арестовать ее и на этотъ разъ добиться отъ нея чего-нибудь существеннаго. Я сообщилъ Марусѣ и это соображеніе. Маруся повернула ко мнѣ залитое слезами лицо:

— Все равно, ничего отъ меня не вымучаютъ. . .

Тося поднялся.

— Знаешь что, Маруська, завтра съ самаго утра пойду я къ своему папашѣ. Чортъ съ нимъ — или пусть сдѣлаетъ все, что можетъ, или пусть идетъ ко всѣмъ чертямъ — въ папаши онъ мнѣ больше не подойдетъ.

* * *

На слѣдующій день мы всѣ трое мотались по городу, какъ оглашенные. Я разыскалъ Преде и, такъ сказать, приставилъ ему ножъ къ горлу. Было взято за жабры и еще нѣсколько коммунистовъ, лично знавшихъ Алешина. Тося сдѣлалъ то же самое относительно собственнаго папаши — и въ такой степени преуспѣлъ, что папаша немедленно поѣхалъ къ какому-то чину. Маруся бѣгала по какимъ-то своимъ явкамъ и товарищамъ. Я съ самаго утра свирѣпо ее предупредилъ, чтобы она прежде всего прооколачивалась часъ-полтора по корридорамъ и подваламъ Дворца Труда. Это, для человѣка, знающаго географію и топографію заведенія сего, было наилучшимъ методомъ оторваться отъ какой бы то ни было слѣжки: безконечные полутемные корридоры и около шестнадцати выходовъ на разныя улицы. Тутъ всякаго филера можно въ дуракахъ оставить.

Изъ всѣхъ предпринятыхъ нами операцій наиболѣе дѣйственнымъ оказался, повидимому, Тосинъ папаша. Именно отъ него были получены наиболѣе исчерпывающія свѣдѣнія и наиболѣе категорическое обѣщаніе.

Дѣло же заключалось въ слѣдующемъ. Колю, какъ мы и предполагали, никакимъ избіеніямъ не подвергали. Но его около шести мѣсяцевъ держали въ одиночкѣ въ компаніи съ буйнымъ сумасшедшимъ, время отъ времени инсценируя выводъ на разстрѣлъ. Примѣнялись и нѣкоторые другіе методы. Но наиболѣе дѣйствительнымъ оказался сумасшедшій: ночью онъ вцѣпился въ Колины глаза и одинъ успѣлъ вырвать. Другой глазъ оказался спасеннымъ. Кромѣ того, и Тосинъ папаша, и мой Преде получили завѣренія, что, „принимая во вниманіе пролетарское происхожденіе и несознательность“, Алешинъ будетъ высланъ въ Среднюю Азію на срокъ въ десять лѣтъ.

Мою и Тосину информацію, совпадавшую почти во всѣхъ деталяхъ, Маруся выслушала со спокойнымъ деревяннымъ лицомъ. Но по этому лицу безудержно катились слезы. Потомъ Маруся молча и дѣловито отставила въ сторону стулъ, повернулась лицомъ въ уголъ, къ иконамъ, тихо-тихо стала на колѣни, перекрестилась и приникла лицомъ къ полу.

* * *

Алешина выслали въ Алма-Ату приблизительно черезъ недѣлю послѣ этого. Маруся выѣхала одновременно съ нимъ, но пріѣхала, вѣроятно, гораздо раньше: Коля ѣхалъ по этапу, Маруся въ пассажирскомъ. Фунты англичанина она приняла съ какимъ-то растеряннымъ недоумѣніемъ: неужто это — тотъ самый? Тося взялся за реализацію этихъ фунтовъ въ Торгсинѣ.

Изъ Марусиныхъ товарищей и подругъ ее не провожалъ никто. Нельзя было давать слѣдъ ГПУ-сскимъ филерамъ. Поѣхали мы съ Тосей, какъ люди уже очищенные отъ подозрѣнія въ принадлежности къ организаціи. Прощаніе было тяжелымъ. Дорогу домой мы промолчали всю. Только, прощаясь, я спросилъ Тосю — какого онъ теперь мнѣнія относительно красной арміи и прочихъ вещей. Тося пожалъ плечами и не отвѣтилъ мнѣ ничего.

ВЪ ДЕРЕВНѢ

— ВЪ ДЕРЕВНѢ —

НАЧАЛѢ 1933 года мнѣ какъ-то пришлось преподавать физiологiю и гигiену спорта на „курсахъ стотысячниковъ“. Это была цѣлая сѣть курсовъ, на которые правительство пыталось собрать сто тысячъ „лучшихъ физкультурниковъ СССР“ и сдѣлать изъ нихъ инструкторовъ спорта. Набрали по всей Россiи тысячъ двѣнадцать, никакихъ инструкторовъ из нихъ, конечно, не сдѣлали, и всѣ эти курсы постепенно и незамѣтно перешли въ небытiе. На этихъ курсахъ я и познакомился съ Сеней Шубейко, квадратно сколоченнымъ комсомольцемъ лѣтъ восемнадцати.

Знакомство наше состоялось по такому поводу: послѣ одной изъ лекцiй Сеня Шубейко подошелъ ко мнѣ и не безъ нѣкоторой конфузливости сообщилъ, что хотѣлъ бы поговорить со мною „въ одиночку“. Поговорили „въ одиночку“. Выяснилась довольно банальная вещь: у этого парнишки, снаружи крѣпкаго, какъ дубовая кочерыжка, легкiе уже проѣлъ туберкулезъ. Это одна изъ довольно обычныхъ оборотныхъ сторонъ совѣтской физкультуры (конечно, есть и не оборотныя): подстегиваемое сверху увлеченiе спортомъ при нехваткѣ жировъ, времени, витаминовъ, бѣлковъ, воздуха въ квартирѣ, хлѣба въ желудкѣ и при избыткѣ работы, очередей, общественной нагрузки, всяческой нервной трепки и безпре-

станныхъ поисковъ въ разсужденіи, что бы пожрать. Я, конечно, спросилъ о томъ, такъ чего же смотрѣлъ спортивный врачъ? — Врачъ смотрѣлъ и врачъ говорилъ, что тренировку Сенѣ нужно бросить. Но Сеня былъ комсомольцемъ и, такъ сказать, восходящей звѣздой заводскаго футбольнаго поля, — поэтому вопли врача были объявлены оппортунистическими, а Сеня доигрался до туберкулеза второй степени.

Я ему далъ много совѣтовъ: одни приблизительно невыполнимые, другіе приблизительно выполнимые. Къ числу послѣднихъ относилась техника ловли воронъ и приготовленія оныхъ въ пищу. Вороны Сенѣ понравились.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, ко мнѣ заявился Сеня. Пришелъ, дескать, попрощаться: посылаютъ на колхозную работу, „въ помощь деревнѣ", въ числѣ какихъ-то не то 25-ти, не то ста тысячъ „лучшихъ пролетаріевъ города". На чинъ „лучшаго" Сенѣ какъ-то везло. Онъ былъ не лучшимъ, но, впрочемъ, и не худшимъ изъ рядового заводского молодянка. Не изъ тѣхъ, что выдумываютъ порохъ, но и не изъ тѣхъ, кто занимается доносами. Не изъ тѣхъ, кого уже никакъ не удовлетворяетъ „Азбука коммунизма", но и не изъ тѣхъ, кто изъ-за этой азбуки готовъ вгрызаться въ чьи бы то ни было икры. Онъ, правда, былъ искренне убѣжденъ, что въ буржуйскихъ странахъ хлѣбъ дается по карточкамъ — правда, только буржуямъ, пролетаріи же покупаютъ его на вольномъ рынкѣ и по спекулянтскимъ цѣнамъ, отчего буржуи жирѣютъ, пролетаріи дохнутъ съ голоду, и все это вмѣстѣ взятое неукоснительно толкаетъ вселенную къ міровой пролетарской революціи. Мои рецепты относительно воронъ и нѣкоторыхъ другихъ вещей завоевали мнѣ Сенино довѣріе, но его концепціи вольнаго буржуйскаго рынка я поколебать все-таки не смогъ: плакатнаго буржуя съ ощеренными зубами Сеня считалъ портретомъ, въ міровую же революцію вѣрилъ такъ же твердо, какъ его весьма недалекіе предки въ Илью Пророка.

Вопросъ о томъ, почему Сеня, вмѣсто помощи физкультурѣ, ѣдетъ заниматься помощью деревнѣ,—остался нѣсколько невыясненнымъ. Я осторожно освѣдомился о томъ, какія собственно познанія имѣетъ Сеня въ обла-

сти сельскаго хозяйства, на что Сеня мнѣ отвѣтилъ, что у его мамаши была кошка, да и та подохла, и что этимъ всякая связь его съ какимъ бы то ни было хозяйствомъ и ограничивается. Правда, до его отъѣзда осталась еще недѣля. Говорятъ, что будутъ какіе-то пятидневные курсы по линіи „помощи деревнѣ“. . . Онъ, Сеня, не сомнѣвается въ томъ, что въ области сельскаго хозяйства онъ за пять сутокъ превзойдетъ все, что полагается, и будетъ предсѣдательствовать въ какомъ-нибудь колхозѣ не хуже, чѣмъ всякій другой. . .

Прощаясь, Сеня очень настойчиво и даже трогательно приглашалъ меня посѣтить его будущій колхозъ: „вы же все равно по всей Россіи ѣздите, снимаете, описываете, — такъ ужъ лучше ко мнѣ заѣзжайте. И пошамать что-нибудь, кромѣ воронъ, найдемъ“. . . Я согласился: въ самомъ дѣлѣ, не все ли равно. . . Сильно опасаюсь, что, помимо нѣкоторой симпатіи къ моей „персональной личности“, Сеню соблазняла и перспектива увидѣть на страницахъ какого-нибудь „Ударника Соціалистическаго Животноводства“ (есть и такой журналъ) свою доблестную комсомольскую физіономію въ этакомъ колхозномъ окруженіи и въ сопровожденіи нѣсколькихъ строкъ халтуры на тему о „герояхъ соціалистическихъ полей“. . . Что дѣлать. Даже комсомольскія симпатіи рѣдко бываютъ вполнѣ безкорыстными. . .

* * *

Такъ Сеня поѣхалъ „помогать деревнѣ“ — въ числѣ сотенъ тысячъ — на этотъ разъ реальныхъ сотенъ тысячъ, „передвинутыхъ“, отправленныхъ, мобилизованныхъ, а то и просто сосланныхъ за ненадобностью ни въ какомъ другомъ мѣстѣ, — на „отвѣтственнѣйшій фронтъ соціалистической реконструкціи сельскаго хозяйства“. Удивительно не то, что изъ этихъ сотенъ тысячъ рѣшительно ничего путнаго не вышло. Удивительно то, что послѣ нихъ картошка не совсѣмъ все-таки потеряла способность произрастать. . .

Лазарь Кагановичъ на конференціи ЦК Комсомола

въ 1933 году заявилъ: „около половины нашего руководства въ деревнѣ состоитъ изъ молодняка въ возрастѣ отъ 17 до 21 года“. Отбросимъ въ сторону всякую контръ-революцію. Отбросимъ въ сторону бухаринскую формулировку о „военно-феодальной эксплоатаціи деревни“. Не будемъ вдаваться въ техническій споръ о преимуществахъ „самаго крупнаго землевладѣнія въ мірѣ“ (конечно — СССР) надъ мелкимъ, распыленнымъ, кустарнымъ и прочее (скажемъ — Данія). Поставимъ вопросъ въ такой плоскости:

Двѣсти тысячъ совѣтскихъ колхозовъ — это двѣсти тысячъ имѣній, иногда крупныхъ, а иногда и гигантскихъ (знаменитая колхозная „гигантоманія“). Во главѣ имѣній такаго порядка въ старое время сидѣли управляющіе, которые съ этимъ дѣломъ возжались всю свою жизнь, которыхъ владѣльцы цѣнили, такъ сказать, на вѣсъ золота и въ золотѣ и платили. Теперь вмѣсто матерыхъ старыхъ управляющихъ во главѣ этихъ двухсотъ тысячъ государственныхъ имѣній стоитъ около милліона лоботрясовъ, вродѣ моего конкретнаго Сени. Иногда эти лоботрясы бываютъ лучше, иногда хуже, но лоботрясами они все же остаются: никакая комсомольская, заводская и прочая ячейка не пошлетъ на сельскій фронтъ ничего мало-мальски путнаго: путнаго и такъ не слишкомъ много, путное и самимъ нужно. Людей отбираютъ по пролетарскому принципу: „на Тебѣ, Боже, что мнѣ не гоже“. . .

Конечно, что ужъ грѣха таить: основныя функціи этихъ лоботрясовъ заключаются именно въ томъ, что Бухаринъ обозвалъ военно-феодальной эксплоатаціей и что россійская публика зоветъ просто грабежомъ. Въ плоскости феодальныхъ взаимоотношеній нашъ Сеня надѣленъ всѣми сеньеральными правами, включая сюда jus vitae necisque — право на жизнь и на смерть въ самомъ буквальномъ смыслѣ этого слова. Но кромѣ сеньеральныхъ правъ (эти права на пятидневныхъ курсахъ, конечно, могутъ быть усвоены на зубокъ), — у Сеня вѣдь есть еще и кой-какія хозяйственныя функціи, каковыхъ въ пять сутокъ не только Сенѣ, а, пожалуй, и Эйнштейну не превзойти. . . Вѣдь нужно распоряжаться и посѣ-

вами, и скотомъ, и рабочей силой, и уборочными кампаніями, и инвентаремъ, и тракторами; нужно вести фантастическую по своей сложности и запутанности бухгалтерію „трудовыхъ дней“; нужно выполнять безконечныя повинности: гужевую, дорожную, хлѣбную, мясную; нужно по контрактаціи снабжать заводы и стройки рабочими, продаваемыми колхозами заводамъ; нужно впитать въ себя неисчислимыя директивы неисчислимаго начальства и извергать изъ себя столь же неисчислимыя сводки, рапорты, отчеты, планы, — и при всемъ этомъ дѣлать исполненный энтузіазма и вполнѣ понимающій видъ. Нельзя сказать, чтобы я искренне завидовалъ моему Сенѣ.

*
* *

Недѣли черезъ двѣ я получилъ отъ Сени открытку, не согласованную ни съ какой въ мірѣ орфографіей и приглашающую меня въ „его“ колхозъ, уже не абстрактный какой-то, а вполнѣ конкретизировавшійся: колхозъ имени Розы Люксембургъ въ ЦЧО (Центральная Черноземная Область). Сильно опасаюсь, что о Розѣ Люксембургъ Сеня не имѣлъ никакого понятія. Но я все-таки поѣхалъ...

Въ мягкомъ вагонѣ — почти Европа. Электричество занавѣски, проводникъ даже разноситъ чай. Правда, чай выросъ на морковныхъ плантаціяхъ Пищетреста, правда, вмѣсто сахара даютъ по леденцу на стаканъ, ГПУ'скій патруль время отъ времени степенно прохаживается по вагонамъ и обводитъ пассажировъ упорнымъ, пронизывающе-раздѣвательнымъ окомъ, а иногда и документы спрашиваетъ — въ мягкомъ вагонѣ — рѣже, въ твердомъ — сплошь. Правда, есть и еще кое-какіе „но“, однако, въ общемъ, — все-таки вродѣ Европы.

На станціи Орелъ я покидаю этотъ намекъ на Европу. Дальше идетъ линія Юго-Восточной ж. д. — не магистральная, не интуристская, не показательная линія, по которой, если и ѣздятъ вожди, такъ только губернскаго масштаба. Поѣзда здѣсь имѣютъ телячій составъ

— товарные вагоны, называемые теплушками въ томъ случаѣ, если они подаются подъ пассажирское движеніе. Станціонное зданіе основательно подчищено отъ всякаго пролетаріата, чтобы не мозолили глазъ, но станціонныя задворки переполнены пестрой, разноязычной, одинаково рваной и голодной толпой: это участокъ великаго совѣтскаго переселенія народовъ. Это кочуетъ разноплеменный россійскій мужикъ и разнокалиберный россійскій рабочій.

Куда онъ кочуетъ? Его маршруты подобны таинственнымъ путямъ перелетныхъ птицъ. Маршруты эти возникаютъ изъ-за полученнаго какимъ-нибудь донбассовскимъ рабочимъ письма о томъ, что вотъ де, на Карагандѣ даютъ и хлѣбъ, и крупу, — донбассовскій рабочій „загоняетъ" все, что у него имѣется, — въ первую очередь казенную „прозодежду"—и устремляется на Караганду. Это называется текучесть и летучесть рабочихъ кадровъ. Мужикъ въ большинствѣ случаевъ кочуетъ не „куда", а „откуда" — лишь бы подальше отъ родныхъ мѣстъ, отъ раскулачиванія, отъ коллективизаціи и отъ сеньки съ малой буквы, — такъ, чтобы нырнуть вотъ въ этакій телячій составъ и вынырнуть гдѣ-нибудь на краю свѣта — безъ земли, безъ скота, безъ документовъ, безъ прошлаго — безъ ничего. И въ томъ числѣ—безъ повинностей. Голымъ человѣкомъ. Колеситъ по Россіи, добираясь до сказочныхъ „вольныхъ земель" въ Урянхайскомъ краѣ, прорывается на Дальній Востокъ, гдѣ не такъ грабятъ, какъ въ остальныхъ мѣстахъ, задерживается на всякихъ стройкахъ, Турксибахъ и Магнитогорскахъ — потомъ опять кочуетъ на Алтай, на Алданъ, на Камчатку. А съ Алтая, Сибири, Алдана люди бѣгутъ на Донъ, на Украину, приноравливаются къ колхозамъ и къ совхозамъ въ качествѣ „пролетаріата наемнаго труда" — все-таки фунтъ хлѣба и никакого грабежа...

Этихъ кочующихъ мужиковъ я встрѣчалъ въ самыхъ неподходящихъ для мужицкаго житья мѣстахъ: на голыхъ горахъ Памира, въ ущельяхъ Сванетіи, въ каменныхъ дырахъ Дагестана и даже... въ подмосковныхъ лѣсахъ: въ лѣсу—землянка, и живетъ въ землянкѣ крестьянская семья, убѣжавшая, Богъ ее знаетъ, откуда. Жи-

ветъ грибами, ягодами, ставитъ силки на зайцевъ и воронъ — вообще живетъ такъ, какъ жили ея предки до всякихъ попытокъ импорта на Русь порядка, — не только до Маркса, а и до Гостомысла...

Телячій составъ берутъ штурмомъ, хотя, собственно, неизвѣстно, куда, въ концѣ концовъ, пойдетъ поѣздъ. Но это — не такъ существенно, — лишь бы поскорѣе и подальше... Я вскарабкался въ теплушку, сѣлъ на полу вагона, свѣсилъ ноги за дверь и смотрю на проплывающую мимо степь, по которой въ свое время рыскали половцы, хозары, печенѣги, татары. Теперь по этимъ половецкимъ степямъ рыскаютъ активисты — вродѣ моего Сени, вооруженные мандатами и наганами — и отъ нихъ стонъ стоитъ похуже, чѣмъ отъ половцевъ...

Товарный вагонъ подрыгиваетъ по разболтанному полотну, осеннее солнце косыми лучами освѣщаетъ степь. Проплываютъ деревни то полуразрушенныя, то просто разваливающіяся... Вотъ отсюда мужики разбѣжались куда-нибудь въ несусвѣтимую глушь и пытаются тамъ отсидѣться отъ соціализма, а отсюда, видимо, выселены: избы разбиты снарядами, кое-гдѣ видны снарядныя воронки. Изрѣдка мелькаютъ новые хутора, окруженные молодью и уже запущенною порослью садовъ: это тѣ единоличники, которые во время НЭП'а подъ вліяніемъ правительственныхъ обѣщаній и зазываній перешли на садово-огородныя культуры. Сейчасъ садъ — это симптомъ кулацкаго происхожденія.

Мы полземъ, останавливаемся, опять полземъ. Къ утру, на разсвѣтѣ я высаживаюсь на станціи. Десятка два оборванныхъ людей кучками спятъ на платформѣ. Подводъ нѣтъ. До колхоза оказывается тридцать верстъ — обстоятельство, которое Сенька отъ меня предусмотрительно скрылъ. Топаю пѣшкомъ...

Сенькинъ колхозъ — обычная деревня южно-русской полосы — разбросанная и раскидистая. Сейчасъ она производитъ впечатлѣніе заброшенности и запустѣнія. Спрашиваю у встрѣчной бабы, гдѣ живетъ предсѣдатель колхоза. Баба мнѣ отвѣчаетъ кратко и вразумительно: „Что-бъ васъ холера съ вашимъ предсѣдателемъ подушила".

Бабы вообще пользуются нѣкоторымъ — весьма относительнымъ — иммунитетомъ: что съ бабы возьмешь?.. Такими же успѣхами заканчиваются еще двѣ мои попытки. Одинъ мужикъ на мой вопросъ отвѣтилъ: „А кто е знаетъ, тутъ ихъ какъ собакъ нерѣзанныхъ, кажную недѣлю новые".

Другой показалъ на избу, которая была забита и въ которой никто не жилъ. Наконецъ, какой-то парнишка комсомольскаго вида далъ мнѣ необходимыя указанія и полюбопытствовалъ, есть ли у меня мандатъ, — я предпочелъ послать парнишку въ нехорошее мѣсто, отчего онъ проникнулся ко мнѣ полнымъ уваженіемъ и даже провелъ къ председательской избѣ.

Почти пустая комната, — видимо, бывшаго волостного правленія. Заваленный бумагами столъ. За столомъ молодой парень — лѣтъ 22-23, съ жесткимъ, озлобленнымъ и истощеннымъ лицомъ. На столѣ передъ нимъ, на кипѣ бумагъ, точно прессъ-папье, лежитъ наганъ. При моемъ появленіи въ дверяхъ человѣкъ протянулъ руку къ нагану, потомъ, увидавъ мои очки и прочее, сдѣлалъ видъ, что эта рука просто перебираетъ бумаги.

— Я пріѣхалъ къ предсѣдателю здѣшняго колхоза, товарищу Шубейко.

— Нѣту Шубейки.

— А вы кто будете?

— А я вотъ предсѣдатель. Только не Шубейко, а Никитинъ.

— Вотъ такъ клюква... А Шубейко гдѣ?

— А вы — кто?

Я объяснилъ...

— А мандатъ есть?.. А ну, покажьте.

Человѣкъ разложилъ мой мандатъ на столѣ, пристально прочелъ текстъ, потомъ штампъ — мандатъ былъ отъ московской редакціи „Соціалистическаго Земледѣлія", потомъ сталъ разбирать печать, поворачивая бумажку во всѣ стороны.

— А еще какіе документы есть?

Я показалъ еще документы. Никитинъ сталъ ихъ разсматривать такъ же внимательно, какъ и мандатъ Я тѣмъ временемъ усѣлся на табуретку у стола, вынулъ

папиросы и протянулъ Никитину коробку. Никитинъ мелькомъ, но внимательно 'посмотрѣлъ на коробку (папиросы были весьма привиллегированныя), потомъ — на меня и вернулъ мнѣ всю пачку моихъ мандатовъ и прочаго...

— Такъ... Колхозъ нашъ, конечно, завалящій, однако, каждый день то ревизія, то такъ пріѣзжаютъ... Ну, изъ Москвы, конечно, рѣдко.. Больше изъ области, изъ Воронежа. Какъ разъ вчера была тутъ одна бригада... Я имъ тутъ все написалъ, — онъ порылся нъ бумагахъ, — вотъ. Вы это вотъ прочитайте,' колхозъ посмотрите... Знаете, — каждый почти день... Конечно, не изъ Москвы, а все-таки...

Я ему посочувствовалъ. Ревизіи, комиссіи, обслѣдованія, бригады и прочая легкая и тяжелая „кавалерія" на всякое совѣтское предпріятіе налетаютъ, какъ мухи на падаль. Обслѣдуютъ всѣ, кому только не лѣнь... Помню, пріѣхалъ я въ одинъ подмосковный совхозъ. Директоръ совхоза посмотрѣлъ на меня взглядомъ загнанной лошади и сказалъ:

— Знаете что, товарищъ... Подождите маленько. Тутъ у насъ уже одиннадцать обслѣдователей сидитъ. Вы — двѣнадцатый... Подождите, — еще наберется, такъ ужъ сразу...

Въ виду этого на бесѣдѣ съ Никитинымъ я не настаивалъ...

— Скажите, — спросилъ я, — а гдѣ же все-таки Шубейко?

— Шубейко, — переспросилъ Никитинъ, для чего-то заглядывая въ окно. -- Подстрѣлили Шубейку...

— Убили?

— Н-нѣтъ, не совсѣмъ... Въ районной больницѣ сейчасъ лежитъ...

— А кто подстрѣлилъ?..

— Да, по существу, неизвѣстно... Двухъ кулачковъ здѣсь за это разстрѣляли, да, видно, не они...

Если бы я спросилъ, — такъ за что же разсрѣляли этихъ двухъ „кулачковъ", — я совершилъ бы вопіющую безтактность, я проявилъ бы полное непониманіе

„существа классовой борьбы на селѣ“, я показалъ бы, что я не то дуракъ, не то контръ-революціонеръ. Почему сего нескромнаго вопроса я и не задалъ.

— Такъ я пока схожу, провѣдаю его.

— Да, сходите, сходите... Я ужъ дней десять собираюсь, — все время нѣту... И изъ Москвы никто не пріѣхалъ. А парень, видно, помретъ... Хорошій парень, рабочій...

Районная больница помѣщалась въ старомъ, сильно обветшавшемъ земскомъ зданіи, верстахъ въ двухъ отъ села. Въ маленькой пріемной меня встрѣтила санитарка, сильно оборванная, но, къ моему удивленію, чистая. Я спросилъ доктора. Доктора не было. Шубейко, дѣйствительно, лежалъ здѣсь, однако, санитарка колебалась, въ правѣ ли она впустить меня.

— Мнѣ можно, — сказалъ я увѣренно. — Я — изъ Москвы.

— Ахъ, изъ Москвы, ну, пожалуйте...

Въ довольно просторной, чисто выбѣленной палатѣ помѣщалось коекъ двадцать, почти вплотную другъ къ другу. Въ сущности, это были не койки, а деревянные топчаны, покрытые соломой, правда, чистой, но только соломой, даже безъ покрышекъ. Бѣдность во всемъ чувствовалась ужасающая, но за этой бѣдностью видна были и чья-то заботливая рука. Сенька лежалъ у окна, прикрытый все тѣмъ же пальтишкомъ, которое я видалъ на немъ и въ Москвѣ. Ноги его прикрывалъ какой-то кусокъ рванаго одѣяла.

Я бросилъ взглядъ на табличку надъ Сенинымъ изголовьемъ. Тамъ стояло: Septicaemia acuta.

Значитъ, гнойное воспаленіе. Я вспомнилъ о Сениныхъ легкихъ и еще кое о чемъ и понялъ, что съ этого топчана Сеня, видимо, уже не встанетъ. Да это было видно и по лицу, по которому ползали мухи, и Сеня сгонялъ ихъ судорожной мимикой лицевыхъ мышцъ. Санитарка дотронулась до его плеча. Онъ открылъ глаза.

На его лицѣ появилась улыбка, радостная и въ то же время какая-то растерянная и жалкая.

— Товарищъ Солоневичъ! Пріѣхали? Вотъ это — да!.. — Онъ сдѣлалъ какое-то порывистое и неловкое движеніе и застоналъ отъ боли.

— Не рипайтесь, Сеня, — пошутилъ я. — Лежите спокойно. Теперь ваше дѣло — лежать и — никакой активности. Я вамъ тутъ кой-чего пошамать привезъ ..

— Да и такъ, вотъ скоро мѣсяцъ лежу. — Его лицо опять перекосилось жалкой и дѣланной улыбкой.— Вотъ помираю за революцію, и хоть бы одинъ сукинъ сынъ пришелъ.

— Ну, вотъ я, Сеня, пришелъ.

— Вы—другое дѣло... Вы—контръ-революціонеръ. Буржуй...

Я совсѣмъ удивился.

— Откуда вы это, Сеня, взяли?

— Взялъ. И самому видно, и нашъ парторгъ говорилъ. Передъ вашими лекціями. Предупреждалъ, значитъ.

— Ну, что-жъ, Сеня, такъ, можетъ, мнѣ уйти?..

Сенина истощавшая до костей рука протянулась изъ подъ одѣяла и схватила меня за колѣно.

— Нѣтъ ужъ, товарищъ Солоневичъ, голубчикъ, ну ужъ посидите... Я не къ тому, что вы — буржуй. Я совсѣмъ по другому... Что — буржуй?.. Я теперь вотъ лежу, помираю, думаю — что буржуй? Вотъ — какъ вы мнѣ насчетъ футбола говорили, чтобы не играть... и насчетъ воронъ... Вѣдь вы же мнѣ хотѣли помочь. Да вотъ и теперь — пошамать, говорите, привезли. А вы, значитъ, буржуй, а я, значитъ, комсомолецъ.

— По политграмотѣ, Сеня, не выходитъ?

— И насчетъ карточекъ заграницей... Я у одного рабочаго спрашивалъ, нѣмца... — голосъ Сени слегка упалъ. — Нѣту карточекъ. Никакихъ. И каждый, говоритъ, рабочій велосипедъ имѣетъ. Ну, и вообще... По иному... А тутъ вотъ я пріѣхалъ... помогать деревнѣ, ...ихъ мать... Вотъ и бабахнули.

— А за что васъ бабахнули?

Сеня согналъ мухъ съ лица и сказалъ тономъ серьезнымъ и спокойнымъ.

— А, что говорить... За что слѣдовало, за то и бабахнули.

Я нѣсколько растерялся. Не очень многаго ожидалъ я отъ Сени, а ужъ такой формулировки — меньше всего. Я молчалъ. Сеня все-таки началъ говорить. Лицо его подергивалось.

— Сами знаете, что на селѣ дѣлается. Врутъ намъ. Больно много намъ врутъ... — Онъ опять помолчалъ.— Классовая борьба... Классовая борьба. ...ихъ мать... Буржуи, подумаешь... Банкиры... Мнѣ тутъ, какъ отвѣт-работнику, молоко выписывали. Дѣтенки собираются въ хату, да прямо въ ротъ смотрятъ, въ глотку не лѣзетъ. Весной траву ѣли, съ голодухи народу сколько вымерло. А мы ихъ по Сибирямъ разсылаемъ, къ стѣнкѣ ставимъ. Вотъ я — тоже... Деревнѣ помогалъ!.. Семью тутъ одну выслали. Парнишка у нихъ одинъ былъ... Ну, вотъ и... — Сеня запнулся и посмотрѣлъ на меня съ безпокойствомъ.

Я сидѣлъ подавленный.

— Скажите, Сеня, выходитъ такъ, что вы знаете?..

Сеня отвелъ отъ меня глаза и сталъ смотрѣть въ потолокъ. Пальцы его судорожно мяли рваный рукавъ пальтишки.

— А мнѣ зачѣмъ объ немъ говорить?.. Былъ бы я на его мѣстѣ, такъ я не то, что изъ ружья — зубами грызть сталъ бы... — Сеня со стономъ повернулся ко мнѣ и опять схватилъ меня за колѣно.

— Только ужъ вы, товарищъ Солоневичъ, ужъ я васъ очень прошу, никому не говорите... Размѣняютъ парнишку — только и всего... Я вотъ лежу тутъ, все думаю, думаю. Милицiя разъ пять приходила, все разспрашиваетъ. Сволочи... Охъ, и сволочи-же... И вотъ, вы—тоже. Образованный... Про всякую г... физкультуру разсказывали, а объ чемъ нужно, такъ молчали. На партячейку оглядывались...

— Ну, а если бы я не молчалъ, вы повѣрили-бы?

Сеня снова посмотрѣлъ въ потолокъ.

— Развѣ я знаю? Здорово ужъ насъ заморочили... Конечно, ничего не видавши... И всякiй слово сказать боится...

Его рука снова легла мнѣ на колѣно.

— Вы ужъ не обижайтесь, товарищъ Солоневичъ. А только, знаете, помирать такъ — ужъ очень обидно. Ну, я понимаю, ежели бы на фронтѣ... или какъ... а то на дурницу... ни за полкопѣйки... — въ голосѣ Сени послышались слезы.

Я сталъ успокаивать Сеню. Въ мои медицинскія познанія — послѣ моихъ гигіеническихъ и вороньихъ совѣтовъ — Сеня вѣрилъ крѣпко, правда, безъ достаточныхъ къ этому основаній; впрочемъ, когда же вѣра ищетъ достаточныхъ основаній? Человѣкъ грѣшный, я даже сказалъ нѣсколько банальныхъ фразъ объ издержкахъ революціи и о новомъ строѣ, въ мукахъ рождающемся на россійскихъ просторахъ. Вышло все это не очень удачно. И эти революціонныя банальности испортили впечатлѣніе отъ моихъ медицинскихъ утѣшеній. Я сдѣлалъ и еще болѣе глупую вещь — протянулъ Сенѣ плитку шоколада и коробочку кубиковъ магги.

Сеня неувѣренными пальцами сталъ развертывать плитку.

— Ишь ты, — сказалъ онъ,—заворочено-то какъ... Не то, что хлѣбъ по карточкамъ. . . Заграничный? Я и русскаго сроду не ѣдалъ. . . А это что? Конфеты? Бульонъ? Вишь ты. А какъ его ѣсть-то? . .

Санитарка принесла кружку кипятку, я развелъ два кубика. Сеня съ наслажденіемъ сдѣлалъ нѣсколько глотковъ. Остатки шоколода и бульона Сеня оставилъ на табуреткѣ. „Сосѣда надо угостить, — сказалъ онъ, — тоже такого никогда и въ ротъ не бралъ“. . .

Я посмотрѣлъ на сосѣда. Въ полубредовомъ снѣ стоналъ на соломѣ какой-то деревенскій парень — возраста Сени или около этого. На мой вопросительный взглядъ Сеня отвѣтилъ:

— Тоже — „классовый борецъ“. . . Только, видно, съ другой стороны. . . Прострѣлили. А кто и гдѣ неизвѣстно. . . — И Сеня посмотрѣлъ на меня, словно желая убѣдиться, вѣрю я его информаціи или нѣтъ.

Потомъ онъ повертѣлъ въ рукахъ коробочку съ магги и разноцвѣтную съ золотыми наклейками обертку шоколада.

— А вы говорите — не зря мы погибаемъ!.. Вотъ — какъ тамъ люди ѣдятъ. Булёны всякіе. . . А у насъ — траву жрутъ. Съ голоду пухнутъ. . . — Яркая бумажка, видимо, символизировала для Сени тотъ „буржуйскій“ міръ, во имя ниспроверженія котораго шла вся эта ре-

волюція, милліоны Сенекъ платили своей жизнью, — да и онъ, Сеня, готовился внести сюда очередной взносъ.

— Какъ подумаешь, такъ ну его ко всѣмъ чертямъ!..

Дверь скрипнула. Я оглянулся. Въ палату вошелъ докторъ — типичный земскій врачъ, съ жидкой бороденкой и въ разбитомъ пенснэ. Докторъ посмотрѣлъ на меня крайне неодобрительно. Предупреждая его выговоръ за самовольное вторженіе въ палату, я всталъ и извинился. Докторъ пробурчалъ что-то невнятное, пощупалъ Сенинъ пульсъ, покосился на шоколадъ и магги на столѣ, на желтый чехолъ моего новенькаго „Неттеля" и посмотрѣлъ на меня взглядомъ неудовлетвореннаго классификатора. Я сталъ прощаться съ Сеней.

— Если будетъ время, зайдите еще. . . Такая тоска. . . И, можетъ, почитать что-нибудь достанете.

— У меня Сейфулина есть.

— А ну ее, Сейфулину. О совѣтской жизни я и безъ Сейфулиной все знаю. Что-нибудь о настоящей жизни, какъ люди живутъ. . . Можетъ, Гончарова или заграничное что-нибудь. . .

Я обѣщалъ. Сеня задержалъ мою руку въ своей изсохшей до прозрачности рукѣ. Въ его глазахъ появилось жалкое, по-дѣтски безпомощное и обиженное выраженіе.

— А что я вамъ насчетъ физкультуры сказалъ! — не обижайтесь. . . И насчетъ этого парнишки. . . Я только вамъ сказалъ. Не скажете?

— Нѣтъ, что вы, Сеня, конечно.

— А если ребятъ нашихъ увидите тамъ, на заводѣ, скажите, пропалъ Сеня ни за понюшку табаку. Какъ дуракъ, скажите, пропалъ. . .

— Что вы, Сеня, бросьте вы нюни распускать.

— Нѣтъ, я ужъ это знаю. . . — По Сениному лицу покатились крупныя дѣтскія слезы. . . Онъ выпустилъ мою руку и отвернулся въ сторону. Я постоялъ у Сенинаго топчана, пристыженный и растерянный, и вышелъ вонъ.

Мнѣ нужно было еще сходить на машинно-тракторную станцію. Но не хотѣлось никуда итти и ни съ кѣмъ говорить. Я сѣлъ на крылечкѣ больницы и сталъ курить

папиросу за папиросой. Въ жизни каждаго человѣка бываютъ минуты униженія и пришибленности — такую минуту переживалъ и я. Этотъ нехитрый заводской парнишка, съ которымъ я разговаривалъ такимъ покровительственно-взрослымъ тономъ, о которомъ я искренне думалъ, что никакой Америки онъ не откроетъ, — Америку, оказывается, открылъ. Тяжко далась ему эта Америка. И тяжко ему съ этимъ открытіемъ умирать. . . И вотъ, я, дуракъ, шоколаду принесъ, магги принесъ, идіотъ... какъ-будто спеціально для того, чтобы яркостью шоколадной обертки и ароматомъ буржуйскаго бульона еще рѣзче, еще жестче подчеркнуть всю безсмысленность Сениной смерти, всю безперспективность той кровавой каши, въ которой гибнутъ милліоны Сенекъ, Ванекъ, Петекъ. . . Шоколадку! . . Сеня, корчась отъ боли и душевной, и физической, находитъ въ себѣ и честность, и мужество не выдавать своего убійца, а я —шоколадку... Какъ все это глупо! Какъ все это безпросвѣтно и кроваво глупо ! . .

Докторъ вышелъ изъ больницы и посмотрѣлъ на меня своимъ классификаторскимъ взглядомъ.

— Вы — родственникъ?

Я объяснилъ.

— Судя по вашему діагнозу, — кажется, безнадежно, — спросилъ я.

Докторъ пожалъ плечами.

— Въ другихъ условіяхъ. . . При менѣе подорванномъ организмѣ можно было бы расчитывать на полное выздоровленіе. Но въ данныхъ условіяхъ. . . — На лицѣ доктора была написана фраза о томъ, что наука-де безсильна и что все, что онъ могъ сдѣлать,—онъ сдѣлалъ.

— Совершенно идіотская безсмыслица,—сказалъ я.

— Да, — подтвердилъ докторъ, — смысла не очень много. . .

Помолчали. Я спросилъ доктора, какъ мнѣ пройти на МТС*).

— Ничего вы тамъ не увидите,—сказалъ докторъ. — Тракторное кладбище ... Директоръ МТС—человѣкъ

*) Машинно-тракторная станція.

совсѣмъ безголовый. Мы его здѣсь зовемъ кладбищенскимъ сторожемъ. Кстати, тамъ сейчасъ никого нѣтъ. Всѣ въ разъѣздѣ. У меня есть другое предложеніе. Зайдемте ко мнѣ. Я васъ чайкомъ угощу. Съ медомъ. О Москвѣ разскажете. . .

* * *

Просторная комната деревенской избы, съ чисто выбѣленными стѣнами. На стѣнахъ — портреты композитировъ — и ни одного вождя. Видимо, докторъ чувствуетъ себя достаточно независимымъ, если рискуетъ обходиться безъ этихъ обязательныхъ иконостасовъ.

Въ комнату вошла молодая женщина съ подойникомъ въ рукахъ.

— Позвольте васъ познакомить. Это моя жена, Ольга Тимофѣевна. Это. . . — Я отрекомендовался. Ольга Тимофѣевна поставила на полъ подойникъ, вытерла фартухомъ руки и засмѣялась:

— У меня здѣсь цѣлая молочная ферма — три козы.

— У нея и козы, и огородъ, и ульи,--сочувственно подтвердилъ докторъ. — Не ферма, а цѣлый совхозъ.

— А васъ не раскулачатъ?

— Пробовали . . . Мужъ сказалъ, что если съ моихъ козъ будутъ взыскивать молоко, а съ огорода — картошку, онъ броситъ больницу: онъ не можетъ работать голоднымъ. Потомъ, знаете, и мѣстная знать у него лѣчится. Такъ что я подъ прикрытіемъ краснаго креста могу васъ даже чаемъ напоить съ молокомъ и съ медомъ. . . Хотите?

— Хочу.

Отъ этой комнаты и отъ этой женщины вѣяло тепломъ и уютомъ, какого я давно уже не испытывалъ. Вѣяло д о м о м ъ. А у кого въ Россіи есть сейчасъ домъ?

Ольга Тимофѣевна начала хлопотать по хозяйственной части, перекидываясь со мною фразами о Москвѣ и о музыкѣ. Оказалось, что она піанистка, — но инструмента, конечно, нѣтъ. . . И оказалось, что, кромѣ того,

она и врачъ. Этотъ послѣдній фактъ сообщенъ мнѣ былъ подъ величайшимъ секретомъ: если узнаютъ, что она — врачъ, ее „мобилизируютъ", будутъ давать фунтъ хлѣба въ день и полтораста рублей въ мѣсяцъ, за каковые полтораста рублей купить вообще ничего нельзя, а въ деревнѣ — тѣмъ болѣе. Словомъ — врачебная работа означала бы голодъ. Правда, помимо домашняго хозяйства, Ольга Тимофѣевна работала и въ больницѣ. Но, такъ сказать, полулегально, подъ сурдинку, какъ выразилась она.

Поговорили о положеніи совѣтской медицины вообще и сельской въ частности. Поговорили о Москвѣ. И докторъ, и его жена оказались старыми москвичами, но пока что предпочитаютъ отсиживаться здѣсь, въ глуши... Однако, меня интересовали не московскія, а колхозныя темы — въ преломленіи мѣстныхъ условій и съ точки зрѣнія мѣстной интеллигенціи.

Когда чай былъ выпитъ, докторъ покосился-покосился на мои папиросы и потомъ вздохнулъ.

— Дайте, ужъ закурю. . .

— Не нужно, Федя, выкуришь нѣсколько папиросъ, а потомъ нѣсколько дней будешь мучиться — тянуть будетъ.

— Судьба, — философски сказалъ докторъ. — Иванъ Лукьяновичъ уѣдетъ, и моя пагубная страсть погаснетъ за отсутствіемъ питательной среды. . . Я, собственно говоря, — обратился онъ ко мнѣ, — курить бросилъ просто потому, что курить нечего. Только изрѣдка кое-что перехватишь, а потомъ недѣлями сидишь безъ курева. Проще — сразу бросить... Но папиросы у васъ, кажется, хорошія — соблазнъ. . .

Докторъ, жмурясь отъ удовольствія, основательно затянулся и сказалъ:

— А, хорошо! .. Такъ вы, значитъ, хотите информацію о нашемъ колхозѣ? Ладно. Я вамъ прочту цѣлую лекцію. . .

Я усѣлся поудобнѣе. Ольга Тимофѣевна махнула рукой и встала.

— Я ужъ лучше уйду. Не могу я его колхозныхъ разговоровъ слышать. У Феди какія-то астрономическія

точки зрѣнія. Словно здѣсь не живые люди, а такъ — абстракція какая-то.

— Обыкновенная, врачебная, точка зрѣнія. Я ставлю діагнозъ. А это ужъ дѣло не мое — завѣщаніе, похороны и все такое. Я констатирую факты.

— Факты, — сказалъ я, — имѣютъ то занятное свойство, что каждый констатируетъ ихъ по своему...

— Въ общественныхъ наукахъ — да. Въ естественныхъ наукахъ — нѣтъ. Я не политикъ и не экономистъ. Я — врачъ. Такъ вотъ, — съ точки зрѣнія врача... Съ точки зрѣнія врача — тотъ элементъ, который нынѣ называется кулацкимъ, — это просто наиболѣе сильный физически, наиболѣе работоспособный элементъ деревни. Слѣдовательно, борьба противъ „кулачества" объективно ведетъ прежде всего къ сниженію біологическаго уровня населенія. Я не знаю точно — какъ въ другихъ районахъ. Въ нашемъ — эта борьба приняла довольно своеобразныя формы. Очень много парадоксальнаго... Нашъ районъ — онъ въ сторонѣ отъ желѣзной дороги, и коллективизація подобралась къ нему не въ первую очередь. Нашъ районъ на основаніи опыта сосѣдей смогъ заблаговременно убѣдиться въ томъ, что коллективизація предпринята совсѣмъ всерьезъ и что власть ни передъ какими „затратами" не остановится. И вотъ — въ колхозы пошли прежде всего „кулаки". Лидеромъ этого движенія у насъ былъ нѣкто Касьяновъ. Замѣчательный мужикъ... Государственнаго ума мужикъ... Вотъ подъ его-то руководствомъ кулаки сложили все свое добро и заявили: мы-де стоимъ на платформѣ всѣми четырьмя ногами, мы-де съ милою душою, въ ногу съ властью, — ну и все такое. Не принять ихъ по тѣмъ временамъ было нельзя. Приняли. Бѣдняки же въ колхозъ не пошли вовсе. Причины? А вотъ какія причины: бѣдняка власть не грабила, бѣднякъ чувствовалъ себя въ безопасности, бѣднякъ былъ, такъ сказать, опорой рабоче-крестьянской смычки. Зачѣмъ ему въ колхозный хомутъ влѣзать?.. Кулакъ боялся и за свое имущество, и за свою жизнь. И, наконецъ, кулакъ ясно видѣлъ, что и его коня, и его землю, и его молотилку у него все равно рано или поздно отберутъ. Если отберутъ въ чужія руки — пропалъ

конь. А если войти въ колхозъ со своимъ конемъ? Мало ли что будетъ дальше. Колхозъ лопнетъ, а конь останется. Вотъ такъ и создались колхозы перваго призыва — кулацкіе колхозы. Теперь — слѣдующій этапъ колхознаго производства: во-первыхъ, изъ области прислали предсѣдателей почти исключительно такихъ, знаете, „безусыхъ энтузіастовъ", индустріальной породы. Изъ тѣхъ, кто рѣпу отъ молотилки не отличаетъ... Прислали планы. Колхозы упирались и отъ предсѣдателей — вы представляете себѣ, что можетъ натворить вотъ этакій энтузіастъ, съ неограниченными полномочіями. Ну — и отъ плановъ... Словомъ, эта „кулацкая верхушка", болѣе или менѣе спаянная, какъ-то ухитрялась вопреки всѣмъ планамъ какъ-то пахать и кое-что и припрятывать для себя. Затѣмъ: коллективизація или не-коллективизація, — а хлѣбъ-то государству нуженъ. Съ кого его брать? Кулаковъ, единоличниковъ, „твердозаданцевъ" почти не осталось. Съ бѣдноты много не возьмешь... Она привыкла, чтобы государство ее подкармливало. Слѣдовательно, начали выколачивать изъ колхозовъ и это при томъ условіи, что сельско-хозяйственный уровень деревни отъ этихъ плановъ, энтузіастовъ и неразберихи снизился примѣрно раза въ два-три, а хлѣбозаготовительные планы остались тѣми же. Въ колхозахъ поднялся вой. Бѣднота — внѣколхозная — ходила и подсмѣивалась... А въ колхозахъ начались возстанія. Стали усмирять. Усмиривши, стали раскулачивать колхозы: кулаковъ ссылали за то, что они пролѣзли въ колхозы, бѣдноту — за то, что она не лѣзла въ колхозы. Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ двухъ, даже меньше, кулацкій элементъ былъ ликвидированъ, какъ „классъ". Что это означаетъ? Ставка на бѣдняка, котораго власть держала на государственномъ иждивеніи все время НЭП'а — это значитъ ставка на наименѣе полноцѣнные элементы деревни. Ликвидація кулака — это означаетъ ликвидацію наиболѣе полноцѣннаго элемента деревни. А все это, вмѣстѣ взятое, установило уровень хозяйственной техники примѣрно... примѣрно на высотѣ удѣльнаго періода Руси... И при очень невеселыхъ перспективахъ на будущее. Видите-ли, уничтожены не только наиболѣе цѣнные работники, — унич-

тожены наиболѣе цѣнные производители... Теперь прибавьте къ этому непрерывное паденіе національной біологіи въ результатѣ почти непрекращающейся голодовки, небывалаго нервнаго напряженія, вѣчной тревоги и вѣчнаго страха.

— А какъ же съ приростомъ населенія?

— А, статистика, — презрительно ухмѣхнулся докторъ. . . — Приростъ населенія? Н-не знаю. . . можетъ быть — въ Соловкахъ. . . Или въ Сибири. Но у насъ? Вздоръ! . . Здѣсь, конечно, вымираніе и опустошеніе. Да, конечно, были и голодныя смерти, въ особенности веснами. Хотя, въ сущности, это не тѣ голодныя смерти, когда человѣкъ умираетъ отъ голода въ буквальномъ смыслѣ. Нѣтъ, въ большинствѣ — явленія истощенія организма проявляются въ цѣломъ рядѣ побочныхъ заболѣваній, которыя и даютъ роковой исходъ. И тѣ, кто родился за эти годы, — плохіе жильцы на этомъ свѣтѣ. Да. . . Я, какъ видите, смотрю на вещи пессимистически. . . Это, конечно, не значитъ, что я долженъ оставить свой постъ. Если мы не всегда можемъ исцѣлять,— мы все же можемъ утѣшать. . .

— Ходъ мыслей у васъ не очень утѣшителенъ. . .

— Васъ я утѣшать и не собираюсь. Вотъ вашъ Шубейко — тотъ нуждается въ утѣшеніи.

— Боюсь, что я его сегодня не очень умѣло утѣшалъ. . . А за что собственно его подстрѣлили?

— Законченно-стандартная исторія: власть и населеніе. Впрочемъ, съ тѣмъ только уклоненіемъ отъ стандарта, что Шубейко мотался, колебался, недоумѣвалъ и собирался смываться. Просилъ у меня медицинское свидѣтельство. Не успѣлъ. . . А занятный парень вашъ Шубейко. Если такихъ много, — можетъ быть, мой пессимизмъ и не очень оправданъ. И вотъ рядомъ съ нимъ лежитъ деревенскій парнишка. . .

— Это тотъ, кому Шубейко такъ трогательно шоколаду оставилъ.

— Оставилъ? Вотъ какъ? Гмъ? Совсѣмъ не банально.

— Мнѣ кажется, что Шубейко знаетъ, кто его подстрѣтилъ. . .

Докторъ посмотрѣлъ на меня испытующе и даже не безъ нѣкотораго подозрѣнія.

— Вы думаете? Впрочемъ, — можетъ быть. . . Но вѣдь мы съ вами не слѣдователи. . . Во всякомъ случаѣ — не я.

— Могу васъ увѣрить, что и не я.

— Да, но вашъ братъ журналистъ — народъ любопытный. Я ваше любопытство кое-чѣмъ другимъ подразню. Докторъ всталъ, порылся въ ящикѣ стола и протянулъ мнѣ странный предметъ. Это была деревянная палочка, толщиной въ палецъ, съ грубо обкованнымъ желѣзнымъ лопатообразнымъ наконечникомъ. Я вертѣлъ таинственный предметъ въ пальцахъ — ни на что примѣняющееся въ жизни онъ похожъ не былъ.

— Арбалетная стрѣла, — сказалъ докторъ.

Таинственный предметъ сразу получилъ ясныя очертанія. Дѣйствительно — стрѣла. Съ такимъ наконечникомъ, какъ у самоѣдскихъ стрѣлъ, предназначенныхъ для медвѣжьей охоты. Я вопросительно посмотрѣлъ на доктора.

— Сурьезное оружіе. Эту — я изъ одного чекиста вынулъ. Кожухъ, тазобедренный суставъ, полость малаго таза и тазовыя кости — все къ чорту.

— Померъ?

— Я думаю. Этакой штуки и медвѣдь не выдержитъ. А арбалетъ, если интересуетесь, можете посмотрѣть у нынѣшняго начальника милиціи. Разыскиваютъ владѣльца — арбалетъ нашли закопаннымъ въ лѣсу. . . Сейчасъ такими штуковинами орудуютъ вмѣсто обрѣзовъ. Огнестрѣльнаго оружія нѣтъ почти вовсе, едвали уцѣлѣли двѣ-три шомполки на весь районъ. А это — безшумно и изъ мѣстныхъ матеріаловъ.

Эта стрѣла дѣйствовала на воображеніе.

— Да, — сказалъ докторъ. — Это — и символъ, и симптомъ. Какіе-же прогнозы? Какъ-бы вамъ сказать... Вѣдь я — не политикъ, поскольку въ наше время можно не быть политикомъ. Самое скверное въ томъ, что борьба пошла на истощеніе, на изморъ. Сильный организмъ — но и очень вирулентная инфекція. Нуженъ какой-то толчекъ извнѣ. Если будутъ займы. . .

— Они были, — сказалъ я.

— Да, но недостаточные, да и тѣ разбазарены. Если будутъ займы...

— ...Которые не будутъ разбазарены?

— Не перебивайте... Тогда можетъ наступить переломъ въ сторону коммунизма. Если будетъ война, — коммунизмъ лопнетъ, сгоритъ въ возстаніяхъ. Если будетъ европейская война — калибра міровой — думаю, что дѣло кончится міровой революціей, и тогда, конечно, мы ограбимъ Европу до нитки и какъ-то вылѣземъ. Въ сильно потрепанномъ видѣ, но вылѣземъ. А при статусъ кво — борьба на истощеніе. Конечно—все очень трудно предусмотрѣть. Кто могъ предусмотрѣть возвращеніе самострѣла? Кто скажетъ, что будетъ дѣлать деревня? Сейчасъ она притаилась, какъ загнанный звѣрь. Огрызается обрѣзами, самострѣлами, топорами... А что она сдѣлаетъ завтра? Темна вода во облацѣхъ,—вздохнулъ докторъ. — Но, конечно, если отвлечься отъ научнаго объективизма, то... — докторъ передернулъ плечами, точно въ ознобѣ, — получается... чортъ знаетъ, что получается. . .

Ольга Тимофѣевна вошла въ комнату.

— Что, кончили вы ваши колхозные разговоры?

— Кончить ихъ невозможно. Но можно сдѣлать перерывъ. . .

— Вы знаете, Иванъ Лукьяновичъ, — обратилась Ольга Тимофѣевна ко мнѣ, — не могу я слушать этихъ разговоровъ. И не хочу я думать обо всѣхъ этихъ вещахъ. Еще хорошо, что хоть за козами можно обо всемъ этомъ забыть. . .

— Чисто женская точка зрѣнія, — сказалъ докторъ.

— Женская? — возмущенно обернулась Ольга Тимофѣевна. — Женская? Очень хорошій мужской міръ устроили вы на этой землѣ, господа мужчины. Замѣчательно устроили. . . Я вамъ сейчасъ постель приготовлю, Иванъ Лукьяновичъ, вы, конечно, у насъ переночуете.

Но послѣ ночи, проведенной въ теплушкѣ, по кожѣ моей ползали всякія подозрѣнія. Я категорически отказался.

— Куда же вы поѣдете? Уже ночь на дворѣ.

— Здѣсь у насъ такой порядокъ, — пояснилъ докторъ, — что, во-первыхъ, запрещается выходить на ули-

цу послѣ сумерокъ — ну, на это вы, конечно, можете и наплевать, и, во вторыхъ, — если вы пойдете, — васъ могутъ подстрѣлить — на это вамъ, вѣроятно, не наплевать. . .

Но я остался непреклоненъ.

— Ну, тогда я васъ провожу, — сказалъ докторъ. — Надѣну бѣлый халатъ. Тогда не тронутъ: такъ сказать, красно-крестная форма.

Мы пошли. Деревня была словно вымершей. Дырявыя оконницы избъ позаткнулись тряпками. Кое-гдѣ мелькалъ огонекъ лучины, въ простонарѣчіи именуемой „прожекторомъ Сталина" — въ pendant къ пресловутой „лампочкѣ Ильича". Тихо. Ни пѣсенъ, ни голосовъ, ни лая. Деревня притаилась, дѣйствительно, какъ загнанный звѣрь; плотно прилегла въ нищету своего логовища, и мнѣ чудилось, какъ изъ каждой подворотни за мною слѣдятъ воспаленные взгляды чьихъ-то настороженныхъ, полныхъ смертельной ненависти глазъ. Когда я поворачивался, глаза эти закрывались, чтобы я не увидѣлъ ихъ голоднаго блеска. Я шелъ дальше, и глаза снова неотступно слѣдили за каждымъ моимъ шагомъ. . .

* * *

Мы подошли къ крыльцу Никитинской избы. Докторъ попрощался и ушелъ. Я постучалъ въ дверь. Внутри поднялась какая-то встревоженная суетня, потомъ къ двери подошелъ кто то, и голосъ Никитина рѣзко спросилъ: „Кто тамъ?" Я объяснилъ. Заминка и молчаніе. Шаги ушли назадъ. Опять какая-то возня и заглушенные голоса. Потомъ двери раскрылись. Въ нихъ стоялъ Никитинъ и еще какой-то человѣкъ — оба съ револьверами въ рукахъ. Увидавъ, что я одинъ, они успокоенно, но весьма неохотно впустили меня въ избу.

Въ избѣ горѣла тусклая коптилочка, за столомъ сидѣлъ кто-то третій, и въ воздухѣ явственно носился бойкій ароматъ сивухи. Это значило, что я помѣшалъ выпивкѣ — мало простительный грѣхъ. Нужно было какъ-то изворачиваться.

Въ мѣру своихъ убогихъ сценическихъ дарованій я немедленно принялъ видъ рубахи-парня, „своего парня въ доску“. Успѣху этого нехитраго мѣропріятія способствовало то обстоятельство, что во всякую свою экскурсію въ „низовку“ я обязательно бралъ съ собою два-три литра чистаго торгсинскаго спирта. Противъ такого оружія не могла устоять никакая административная душа. Спиртъ же хранился во флягахъ въ рюкзакѣ, а рюкзакъ былъ оборудованъ спеціальными приспособленіями— стальная цѣпочка и замокъ — противъ активистскихъ обысковъ: какъ только оставишь рюкзакъ въ какомъ-нибудь сельсовѣтѣ, то всякій, имѣющій хоть на полкопѣйки власти, неукоснительно полѣзетъ обыскивать его. Спиртъ произвелъ сенсацію—сивуха уже пріѣлась. Вотъ почему полночь застала насъ за дружеской и нѣсколько односторонней откровенной бесѣдой.

Кромѣ меня и Никитина, здѣсь было еще двое. Низенькій, широкоплечій, съ угреватымъ лицомъ Кучерявенко — предсѣдатель сельсовѣта, и высокій, стройный малый, съ копной бѣлокурыхъ волосъ — Чижовъ, счетоводъ колхоза. Ѣли мы яичницу съ саломъ, конечно, изъ ворованныхъ яицъ и на ворованномъ салѣ (изъ фонда заготовокъ и контракціи). Говорили о всякихъ вещахъ, въ томъ числѣ, конечно, и о Москвѣ, которая изъ этакой дыры кажется чѣмъ-то весьма близкимъ къ земному раю.

— Да, — сказалъ Кучерявенко. — Имъ тамъ хорошо — въ Москвѣ. Въ театръ ходятъ, декреты пишутъ. А мы здѣсь эти декреты своими кишками проводимъ. Сволочи. . . Вотъ, посылаютъ на село, а смотрите, что даютъ.

Кучерявенко вытащилъ изъ кобуры огромный, неистоваго калибра револьверъ, не менѣе, какъ столѣтній.

— Вотъ, смотрите, — и патроновъ не достать, и попробуйте курокъ взвести. Тутъ нужно пальцами подковы ломать, чтобы съ этакой хрѣновиной справиться. Пока взведешь — тебя пять разъ ухлопаютъ. . . Нѣтъ, ежели шлешь человѣка на село, такъ ты дай ему оружіе, чтобы по всей формѣ. Всадили, сволочи, на эту погибель. Тутъ кулакъ на кулакѣ сидитъ. . .

— Въ печенкахъ у тебя этотъ кулакъ сидитъ, — сказалъ Чижовъ. — А больше нигдѣ его нѣту.

— Оппортунистъ ты, сукинъ сынъ, — сказалъ Никитинъ, — смотри, братъ, доиграешься. . .

— Никакой я не оппортунистъ. Вовсе наоборотъ. Я вамъ прямо скажу, товарищъ, — обратился онъ ко мнѣ конфиденціальнымъ тономъ,—все это вовсе неправильно сдѣлано. Разъ порядокъ — такъ порядокъ. Разъ коллективизація — такъ коллективизація. Чтобы мужику ни туда, ни сюда. Чтобы сразу все по плану — никакихъ единоличниковъ, никакихъ пріусадебныхъ участковъ, чтобы планъ на всю область: тутъ картошку сѣять, тутъ овесъ, тамъ свиней разводить, тамъ — куръ, чтобы спеціализація производства. Какой у насъ планъ былъ? Все какъ на арифмометрѣ! . . А то что получается? Самъ чортъ ногу сломитъ. . . Одинъ мужикъ идетъ въ колхозъ, другого револьверомъ гонятъ, третьяго—въ Сибирь шлютъ. Развѣ это — планъ? А возьмите пріусадебные участки. На колхозныя работы — такъ мужика и револьверомъ не выгонишь. А почему? Потому у него своя земля есть, хоть въ портянку, а есть. Тутъ-то онъ и копается, какъ китаецъ, прямо. Книжки покупаетъ. Кости отъ падали собираетъ, въ муку мелетъ, свою портянку посыпаетъ... А выгонишь его на колхозный участокъ — такъ онъ тебѣ такое наворотитъ, что потомъ десятъ бригадъ ни хрѣна не разберутъ. Пошлютъ сѣять — такъ онъ зерно въ тряпочку, да подъ борозду. Ночью выкопаетъ и съѣстъ. А потомъ — поле: было засѣяно? Было засѣяно. А что выросло? Ни хрѣна не выросло. Вотъ тебѣ и посѣвной планъ.

— Ну, а трудодни? — наивничаю я.

— Трудодни? — спирѣпо переспросилъ Чижовъ. — Въ печенкахъ у насъ эти трудодни, какъ кулаки у Кучерявенко. Вотъ эта самая язва и есть. Вы только посмотрите...

Кучка трудовыхъ книжекъ валялась на полу. Чижовъ нагнулся и захватилъ ихъ цѣлую горсть. Это были истрепанныя, замусоленныя мужицкимъ потомъ и мужицкими руками грошевыя тетрадочки изъ какого-то бумаж-

наго „утильсырья" (бумажный голодъ!). В нихъ корявыми мужицкими пальцами были нацарапаны всяческіе „коэффиціенты", — неразборчивыя, разлѣзавшіяся, полустертыя карандашныя записи.

— А у насъ такихъ больше тысячи. Теперь смотрите: на каждый день нужно отмѣтить: квалификація работы по спеціальности, количество работы, качество выполненія, срокъ выполненія, штрафы, опозданія и все такое. А кто заполняетъ? Бригадиры заполняютъ. Тутъ на каждую книжку главбуха нужно поставить. Да какого! Со столѣтнимъ стажемъ... А ну, подсчитайте, сколько кому придется трудодней и сколько придется на трудодень! Когда мы сами ни хрѣна не знаемъ — ни сколько посѣяно, ни какъ посѣяно, ни сколько государство возьметъ... А тутъ тебѣ и зерно, и мясопоставки, и дорожная повинность, и шерсть, и утильсырье, и яйца — цѣлый универмагъ. Я вамъ, товарищъ, вѣрно говорю. Я — бухгалтеръ-спеціалистъ. Я въ Воронежѣ три года учился, да пять лѣтъ на бухгалтерской работѣ былъ. Я если дуракъ, так извините, не глупѣе другихъ — вотъ вродѣ этого Никитина.

— Не трепись, Сашка, — примирительно сказалъ Никитинъ, — что ты спеціалистъ по всему району, такъ объ этомъ никто не говоритъ. Только уклонистъ ты... Критиканъ...

— Ахъ ты, сукинъ ты сынъ, — взъѣлся Чижовъ, — ужъ ты бы молчалъ .. Вотъ — сорвемся теперь къ чортовой матери, такъ кого за жабры возьмутъ? Тебя? Такъ ты сейчасъ же: это, товарищи, не я, я парень рабочій, я парень партійный, а вотъ тутъ у меня спеціалистъ сидитъ, такъ онъ все подсчитывалъ, — такъ этого спеціалиста за ж. . . и въ конвертъ. Я тебѣ, какъ спеціалистъ, и говорю: при такихъ порядкахъ не то, что одного счетовода на цѣлый колхозъ, а около каждаго мужика по цѣлой канцеляріи посадить нужно. Дураки вы съ Кучерявенко и больше ничего. Вамъ только ходить съ пушками по хатамъ, да въ Сибирь высылать. А ежели вотъ эта яичница — такъ кто ее долженъ по книгамъ списать? А ну спиши ты. Я посмотрю на тебя, какой ты красивый потомъ будешь... А вотъ ты съ этой

бумажной фабрикой разберись, — Чижовъ ткнулъ рукой въ кучу трудовыхъ книжекъ. — Подохнешь. . .

Кучерявенко степенно вытянулъ полстакана разведеннаго спирта.

— Вотъ чудакъ ты человѣкъ, Чижовъ, вотъ чудакъ. И чего ты паникерствуешь? Я вотъ три года по колхозамъ работаю и ничего — не подохъ. Вчера вотъ получилъ анкетный листъ отъ промкооперацiи. Двѣсти двадцать пять вопросовъ. Сколько сусликовъ и какого пола. Сколько коней дохнетъ и сколько собакъ. И сколько мужики кожъ выдѣлываютъ и какихъ. Ну и все такое Дай тебѣ такую анкету — такъ ты въ два счета подохнешь. А мнѣ — хоть я на бухгалтерiю не обучался — мнѣ разъ плюнуть. . .

— И за двадцать разъ не плюнешь. . .

— Плюну. Уже плюнулъ. Я это все вчера и раздраконилъ: сусликовъ 1927, изъ нихъ мужского пола — 722, женскаго — 9872; кони дохнутъ, какъ полагается, по семь съ четвертью въ день; кожъ выдѣлывается: бараньихъ — 176, ослиныхъ — 89, до выдѣлки дурацкихъ кожъ пролетарiатъ нашего колхоза еще не додумался. . .

Никитинъ стова примирительно вздохнулъ. Онъ уже и на табуреткѣ сидѣлъ не очень увѣренно.

— Тебѣ, Кучерявенко, хорошо. . . Кто твою статистику и всякую тамъ промхерацiю провѣрять будетъ. У тебя главное — потолокъ. Посмотрѣлъ на потолокъ — и сразу видно: и сколько родилось, и сколько померло, и насчетъ сусликовъ. А у насъ — вотъ соберемъ колхозное собранiе, такъ тутъ за каждый трудодень каждая баба такой хай подыметъ... И Чижову въ морду своей книжкой тыкать будетъ. . . Плесни-ка мнѣ, Чижовъ, еще полбаночки. . . А потомъ дадимъ авансомъ по полфунта на трудодень. На хлѣбоставки, — смотришь, и ни хрѣна. . . А потомъ ходи по хатамъ и отбирай эти самые полфунта. Отберешь — зарѣжутъ. Не отберешь — посадятъ. . . Кулаки тутъ, братъ, зубастые. Вотъ и крутись тутъ. . .

— Ничего, докрутимся, — мрачно сказалъ Чижовъ.

— Ну, и паникеры же вы, ребята. И крутиться здѣсь нечего. Тутъ первое дѣло: покрутился — смы-

вайся дальше, кати въ другой колхозъ. Прикатилъ. А кто тутъ до меня хозяйствовалъ? Чижовъ? Тутъ и катай рапортъ: отмѣчена полная безхозяйственность, недооцѣнка государственныхъ интересовъ. Которая отчетность — такъ ни уха, ни рыла... Разбуханіе пріусадебныхъ участковъ. Словомъ, чтобы видно было: вотъ это работникъ, то-есть, значитъ, я. А Чижовъ на мое мѣсто прикатитъ. А кто тутъ раньше запузыривалъ? А, Кучерявенко? Катай Кучерявенко и въ хвостъ и въ гриву, и по коню и по оглоблямъ: безхозяйственность... отчетность... засоренность чуждымъ элементомъ. Главное дѣло — не сиди на мѣстѣ...

— Текучесть кадровъ? — переспросилъ я.

— Еще бы не текучесть. Отъ такой жизни — въ соплю растечешься. Главное — не засиживаться. Ничего, я-то не засижусь... А пока, вотъ, сидимъ — булькнемъ еще по одной. Ты, Чижовъ, какъ спеціалистъ, набулькай еще по малости.

Чижовъ началъ булькать. Въ дверь раздался рѣзкій повелительный стукъ. Чижовъ поблѣднѣлъ, прекратилъ свое бульканье.

— И кого это чортъ несетъ?

На минуту за нашимъ столомъ воцарилась растерянность. Потомъ бутылки, стаканы и остатки яичницы стремительно были позапиханы подъ столъ. Никитинъ нетвердой походкой, вынимая на ходу свой наганъ, направился къ двери. Кучерявенко съ усиліемъ сталъ взводить свой пресловутый курокъ. Курокъ со ржавымъ скрипомъ заскочилъ на мѣсто.

— Кто тамъ?

— Да открой, мать твою... Не узнаешь, что-ли?

Лицо Чижова поблѣднѣло еще больше:

— Начмилъ*) сосѣдняго района... Чего бы ему... Ночью...

Я понялъ безпокойство Чижова. Сосѣдній начмилъ могъ означать вмѣшательство высшей власти: аресты деревенскихъ „головокъ“ производятся всегда не мѣстной, а сосѣдней милиціей, чтобы свои своихъ не покрывали...

---

*) Начальникъ милиціи.

Раздались звуки открываемыхъ запоровъ. Въ комнату размашистымъ шагомъ вошелъ высокій человѣкъ въ кавалерійской шинели, съ револьверомъ и какой-то очень экзотической саблей. На головѣ была милицейская фуражка. Онъ былъ одинъ. Значитъ — не съ арестомъ.

Вошедшій втянулъ въ себя елико возможно спиртного духа и сказалъ: „ну-ну". Потомъ, глядя исподлобья на меня, рѣзко спросилъ:

— А это у васъ кто?

— Свой парень, — успокоительно сказалъ Кучерявенко. — Изъ Москвы.

— Гмъ, свой парень? — подозрительно переспросилъ начмилъ. — Ну, свой—не свой, вы ужъ, товарищъ, не обижайтесь, а документики-то ваши покажите.

— Да пошелъ ты ко всѣмъ чертямъ, — сказалъ Кучерявенко. — Говорятъ тебѣ — свой. И опять же ты не въ своемъ районѣ. Такъ и не распоряжайся тутъ.

— Что это значитъ—не въ своемъ районѣ? Разъ я начмилъ — такъ я вездѣ начмилъ. Пожалуйте-ка ваши документики, товарищъ, — настойчиво обратился онъ ко мнѣ.

Я полѣзъ въ карманъ за „документиками". Чижовъ тѣмъ временемъ извлекъ изъ подъ стола бутылку и стаканъ.

— Вотъ тебѣ, братъ, документикъ. Московскій, центральный. Ты только понюхай. . .

По молодцеватой физіономіи начмила промелькнула борьба чувства и долга.

— А это что?

— А ты попробуй.

— Гмъ, — сказалъ начмилъ.

Чижовъ уже успѣлъ налить полстакана. Документы мои уже лежали на столѣ. Рука начмила колебалась, куда надлежитъ ей протянуться: къ документамъ или къ стакану. Стаканъ одолѣлъ. Начмилъ покровительственно кивнулъ всей компаніи и опрокинулъ стаканъ въ глотку. Затѣмъ на лицѣ его отразился приблизительно такой комплексъ: вопросъ, восхищеніе и перерывъ въ дыханіи: спиртъ былъ разведенъ градусовъ на 70, а начмилъ глотнулъ, исходя изъ сорокаградуснаго расчета. Глаза начмила полѣзли на лобъ.

— Вотъ это—да,—сказалъ начмилъ, откашлявшись. — Откуда выкопали?

— Товарищъ привезъ. Изъ правительственнаго распредѣлителя,— не моргнувъ глазомъ съимпровизировалъ Чижовъ.

— Ударный шнапсъ, — сказалъ начмилъ. А закусить есть? — Чижовъ досталъ остатки яичницы.

— Очень здорово получается, — сказалъ начмилъ, вдумчиво и со вкусомъ допивая стаканъ. — Ударный шнапсъ. Спрячьте ваши документики, а то измажутся. . . Шнапсъ, можно сказать, — въ порядкѣ боевого заданія. Еще осталось?

— Хватитъ, чтобы пѣшкомъ не дойти. . .

Публика вполнѣ успокоилась и разсѣлась на свои мѣста. Начмилъ выпилъ еще порцію, отеръ ладонью ротъ и съ многозначительнымъ видомъ осмотрѣлъ всю компанію.

— Такъ парень, говорите, свой?

— Въ доску, — сказалъ Кучерявенко.

— Партейный?

— Еще бы, — снова съимпровизировалъ Чижовъ.

— Ну, такъ вотъ, ребята, такое, значитъ, дѣло. Угробили Федосевича.

— Вотъ такъ, мать твою... — сказалъ Кучерявенко.

— Кто такой Федосевичъ? — спросилъ я.

— Предсельсовѣта. Въ хатѣ. Скрозь окно бабухнули. Голова — въ дымъ.

— Однако, у васъ и пострѣливаютъ? — спросилъ я.

— Это—да, — не безъ нѣкоторой гордости сказалъ начмилъ. — Какъ на турецкой перестрѣлкѣ. Тоже, дуракъ, свѣтъ зажегъ, а окна не завѣсилъ. Ну, и въ дымъ. Теперь дѣло вотъ какое. Есть слѣдъ на вашего Касьянова—не иначе, какъ онъ.

— А когда убили?

— Сегодня подъ ночь.

— Касьянычъ отпадаетъ, — сказалъ Кучерявенко,— я съ нимъ въ МТС ѣздилъ.

— А тебя кто будетъ спрашивать — ѣздилъ или не ѣздилъ? Заткнись.

— Какой смыслъ Касьянову чужого предсельсовѣта хлопать? — спросилъ я.

— А это марксически просто: Касьянычъ ухлопаетъ нашего, какой-нибудь изъ нашихъ кулачковъ ухлопаетъ Кучерявенко. На кооперативныхъ началахъ. Рука руку моетъ.

— Нѣтъ, — сказалъ Никитинъ. — Касьянова еще рано. Онъ у насъ на конскомъ дѣлѣ стоитъ. Спецъ, сукинъ сынъ. А кони на учетѣ въ области. Нельзя.

— Что ты, братъ, кулачковъ своихъ прикрываешь? . . А?

— Иди ты къ хрѣну, — отвѣтилъ Никитинъ. — Ничего я не прикрываю. Только я — хозяйственникъ. Тебѣ все равно, кого къ стѣнкѣ ставить. А мнѣ не все равно. Тутъ у насъ Вавиловы есть. Вредная сволочь.

— Сколько семьи?

— Семь человѣкъ. Сволочи. . . Старикъ у нихъ есть, Кузьма, — главный тутъ мутило. . . Я имъ докладъ объ агропомощи дѣлалъ. Такъ онъ и выскочилъ: я, говоритъ, по сто пудовъ съ десятины сымалъ, когда нашъ предсѣдатель еще изъ носа въ ротъ сопли пущалъ. Авторитетъ подрываетъ, сволочь.

— Ну, такъ и ладно, — сказалъ начмилъ. — Вотъ его мы къ стѣнкѣ и поставимъ. А семью — къ чертямъ. И весь разговоръ. Заметано?

— Заметано, — сказалъ Никитинъ. — Вредная сволочь. . . Ну-ка, Чижовъ, распредѣли дальше.

Чижовъ сталъ „распредѣлять".

— Возможно, что этотъ Вавиловъ никакого отношенія къ убійству и не имѣетъ, — равнодушно сказалъ я.

— А кто ихъ тутъ разберетъ. Тутъ на каждое село нужно по десять угрозысковъ поставить, чтобы разобраться. Хрѣнъ съ ними. И одинъ — кулакъ, и другой — кулакъ. Одно сѣмя.

Логика начмила была убійственна. Но изъ своего арсенала я извлекъ оружіе, уже нѣсколько разъ испробованное, и началъ обходнымъ маневромъ.

— Чижовъ, тамъ, по-моему, еще селедки есть. А ну, давайте еще подъ селедочку хлопнемъ.

— Селедка! — восторженно сказалъ начмилъ. —

Вотъ это — да. Прямо, какъ въ торгсинѣ живемъ. Вали, братъ, селедочку. Забылъ, съ котораго хвоста она кусается. . .

Добыли селедочку. Хлопнули. Никитинская чаша уже переполнилась, и онъ смиренно улегся подъ столъ. Кучерявенко дремалъ. Чижовъ былъ блѣденъ отъ сивухи, отъ спирта, — можетъ быть, и еще кое отъ чего. Онъ мелькомъ посмотрѣлъ на меня какимъ-то умоляющимъ взоромъ, словно хотѣлъ сказать: „ну, Москва, вывози“. . .

Еще хлопнули. Даже я, при всемъ моемъ иммунитетѣ въ спиртной области, чувствовалъ, что — хватитъ. Но начмилъ пришелъ сравнительно поздно и еще горѣлъ энтузіазмомъ. Пришлось хлопнуть еще. Чижовъ совершилъ маленькій рейдъ въ рижскомъ направленіи и больше не пилъ. . . Разговоръ шелъ о томъ, какая и гдѣ есть водка и какой и гдѣ гонятъ самогонъ. Но я зналъ, что рано или поздно разговоръ пойдетъ о Москвѣ и тутъ-то я начмила и подцѣплю.

Начмилъ опрокинулъ въ свою глотку очередную баночку, благосклонно закурилъ мою папиросу — въ качествѣ, такъ сказать, антракта — и, наконецъ, спросилъ:

— Ну, а въ Москвѣ, товарищъ, что слышно? Въ нашей красной столицѣ?

— Поворотъ, — сказалъ я.

Начмилъ безпокойно обернулся ко мнѣ.

— Какой поворотъ? Куда поворотъ?

Я сдѣлалъ неопредѣленный зигзагообразный жестъ.

— Вообще — поворотъ. Революціонная законность. Льготы крестьянству. Ну, конечно, низовой аппаратъ чистить будутъ — какъ это всегда въ такихъ случаяхъ дѣлается. . .

— А по какой линіи чистить будутъ?

— Совѣтскій аппаратъ — по линіи укрѣпленія революціонной законности. Колхозный — за укрѣпленіе хозяйственнаго аппарата. Соблюденіе законныхъ интересовъ крестьянскихъ массъ. . .

— Охъ ты, елки зеленыя. Что-жъ объ этомъ загодя не пишутъ?

— Ну, что вы, товарищъ! Развѣ можно политиче-

скія директивы такъ пускать? Развѣ о колхозной торговлѣ загодя писали?

— За колхозную торговлю никого на Соловки не перли.

— Положимъ — перли. За законность, конечно, попрутъ больше. Теперь, видимо, больше насчетъ администрированія будутъ загибать. И, говорятъ, крѣпко завинтятъ. . . По центральнымъ газетамъ уже предварительная директива есть — выяснять отступленія отъ революціонной законности, административные загибы — ну, и все такое.

— А вы, товарищъ, отъ центральныхъ газетъ?

— Да.

— Ну-ну. . . На нашей шеѣ всѣ эти повороты. . . Такъ повернутъ, что... Ну, а какъ это все конкретно?..

— Не могу, товарищъ. Директива еще идетъ въ секретномъ порядкѣ. . .

— Вишь, ты. . . Да вѣдь мы тутъ люди свои. . .

— Не могу, товарищъ. Сами знаете — дисциплина. Вы же человѣкъ партійный — сами должны понимать. . .

Начмилъ загрустилъ.

— Да, хрѣновое наше дѣло... Можно сказать, и съ фронту, и съ тылу. Ну, хлопнемъ еще.

Хлопнули. Начмилъ былъ очень задумчивъ. Я чувствовалъ, что Вавиловы на нѣкоторое время—вѣроятно, не очень длительное—спасены. Больше ни о чемъ говорить было не нужно. Бутылки были пусты. Я положилъ подъ голову рюкзакъ и улегся на полу. Начмилъ заснулъ за столомъ, положивъ свою многодумную голову въ лужу разлитой водки и застывшихъ пятенъ сала.

Черезъ нѣсколько минутъ вся мѣстная власть храпѣла во всѣ свои пролетарскія носовыя завертки. . .

* * *

Хилое осеннее утро съ трудомъ пробивается сквозь заплатанныя окна. Мѣстная власть еще похрапываетъ. Воздухъ — хоть топоръ вѣшай. Я выхожу на крылечко. Деревня только что просыпается. И мимо проходятъ

крестьяне, окидывая меня взглядомъ, въ которомъ я читаю: „вотъ еще одну сволочь принесло на нашу погибель"... Скрипятъ журавли. Я достаю тотъ отчетъ, который мнѣ вчера всунулъ Никитинъ...

Скучно... Во-первыхъ, даже моему, привыкшему ко всякимъ рабкоровскимъ почеркамъ, глазу трудно разобрать его безграмотную мазню. Во-вторыхъ, зная: а) не очень опредѣленные размѣры земельныхъ угодій колхоза — сегодня участокъ отберутъ, завтра прирѣжутъ, б) не очень устойчивое число рабочихъ рукъ — одни вымираютъ, другихъ высылаютъ, третьи откуда-то примазываются, в) количество скота, которое уменьшается съ каждой недѣлей, — зная это, всѣ остальныя цифры я могъ бы написать, никуда не выѣзжая изъ Москвы. Кучерявенко списывалъ ихъ съ потолка, Чижовъ высасывалъ изъ плановъ, изъ трудкнижекъ и изъ пальцевъ, — нехитрая статистика. И на нехитрую бригаду расчитанная... Впрочемъ, что этакой бригадѣ до цифръ? Она пріѣзжаетъ слегка и начальственно побузить, проявить активность, а паче всего набивать свои голодающіе животы ворованной яичницей на ворованномъ салѣ. Чижовъ зря вчера хвастался насчетъ техники списыванія этихъ яицъ. Каждая бригада хочетъ по силѣ возможности отъѣсться, каждая бригада знаетъ, что въ мірѣ существуетъ не она одна и что всѣмъ нужно пожевать. Такъ что списывать всѣ эти яйца — не такъ ужъ и хитро.

Я начинаю бродить по деревнѣ. Однѣ хаты заколочены, другія — заваливаются. За околицей строится зданіе „молочно-товарной фермы", никому въ мірѣ не нужной—и такъ большая половина уцѣлѣвшихъ деревенскихъ хлѣвовъ стоитъ порожнякомъ. Зато — „стройка"... Отъ мужиковъ, какъ это бываетъ вездѣ, ничего толкомъ не добьешься. Бабы болѣе откровенны, но изъ нихъ, кромѣ „холеры" и прочихъ соотвѣтствующихъ междометій, тоже ничего не выжмешь.

Встрѣчаю Никитина. Физіономія у него распухла, и на ней написаны: похмѣлье, головная боль и безпокойство по поводу моего „обслѣдованія": какъ-никакъ „центральная печать" — это не какая-нибудь легкая кавалерія.

— Ну, какъ вы нашли, товарищъ Солоневичъ, — говоритъ онъ безпокойнымъ и чуть-чутъ заискивающимъ тономъ.

— Такъ, знаете, въ общемъ ничего... Конечно, особенныхъ достиженій нѣтъ, но колхозъ все же стоитъ прочно.

Никитинъ смотритъ на меня недовѣрчиво: охъ, и заливаешь ты, сукинъ сынъ, не иначе, какъ свинью подложить хочешь...

Я усмѣхаюсь...

— Видите ли, товарищъ Никитинъ. Люди мы свои... Дѣло въ томъ, что кабакъ-то вездѣ. Въ одномъ колхозѣ немножко больше, въ другомъ — меньше. У васъ — меньше. Съ зернопоставками вы, конечно, не справитесь — такъ съ ними никто и не справляется. Ничего страшнаго.

Никитинъ вздыхаетъ облегченно.

— Очень трудно, товарищъ... Мы тутъ каждую директиву стараемся прорабатывать. Только ужъ больно много ихъ—снѣгопадъ. Такъ что иногда не то, что проработать, а и прочитать не успѣешь...

Я прошу Никитина снарядить мнѣ подводу до станціи.

— Это — сію минуточку. У насъ тутъ породистые кони есть. Сейчасъ будетъ.

Изъ Никитинской избы вываливается начмилъ. Лицо у него мрачно и распухло. Запухшими глазками онъ всматривается въ меня и, видимо, старается вспомнить — что я и кто я, и о чемъ вчера разговоръ шелъ. Мнѣ нѣтъ никакого расчета, чтобы онъ воспылалъ вчерашнимъ милицейскимъ рвеніемъ и сталъ ковыряться въ моихъ документахъ.

— А, кстати, — говорю я, — выкидывайте-ка вашихъ ребятъ сюда. Хочу заснять.

— Какъ, на фотографію?

— Да, на фотографію. Для „Нашей Газеты" — знаете, органъ ЦК союза.

— Знаю, знаю, какъ же! — Распухшее лицо расплывается въ улыбку. Фотографія — это вообще рѣдкость. Вѣроятно, и въ Воронежѣ ни одной пластинки не

купить, развѣ что по „бронѣ". А тутъ еще перспектива попасть въ газету. Черезъ минуты двѣ-три вся правительственная банда выстраивается у крыльца, подправляя свои лохмы и дѣлая административныя лица. На лицахъ должно быть написано все сознаніе важности реконструктивнаго періода, дѣловая озабоченность и пролетарская бдительность. Все это — написано... Я щелкаю и обѣщаю отпечатокъ прислать; такія обѣщанія я выполняю всегда: мало ли гдѣ и какъ придется встрѣтиться...

Изъ-за угла показывается телѣжка. Начмилъ, помявшись, отводитъ меня въ сторону.

— Вы, товарищъ, насчетъ выпивки ужъ извините...

— Да что вы, — перебиваю я, — что вы, ей Богу, дурака валяете. Какъ говорится, пей да дѣло разумѣй. Мы, коммунисты, въ трезвенники не лѣземъ. Конечно, не нужно, чтобы массы...

— Нѣтъ — это у насъ потихоньку...

— Ну и великолѣпно!..

Начмилъ снова мнется.

— И еще вотъ, товарищъ, насчетъ вчерашняго разговору... Поворотъ этотъ самый... Ужъ вы по товарищески скажите, какъ это выглядитъ...

Я дѣлаю видъ: и хочется, и колется.

— Вы ужъ товарищъ, не безпокойтесь. Честное пролетарское слова, никому ни гу-гу...

— Вотъ что, товарищъ начмилъ... Говорить я не имѣю права. Понимаете сами. Но вотъ что я вамъ посовѣтую... Такъ, просто по товарищески: полегче на поворотахъ... Мѣсяца черезъ полтора все будетъ ясно, сами увидите. А пока — знаете...

— Да, да, конечно. Ну, большое вамъ спасибо... Теперь оно, конечно, — на поворотахъ...

Подъѣхала телѣжка. Въ оглобляхъ дѣйствительно — породистый крупный жеребецъ. На телѣжкѣ сидитъ Касьянычъ — тотъ самый, о которомъ вчера рѣчь шла два раза. Касьянычъ смотритъ на меня пронизывающе и угрюмо.

— Ну, садись, что-ль, поѣдемъ...

— Что же ты, сукинъ сынъ, сѣна товарищу не положилъ. Вѣдь тридцать верстъ ѣхать.

— Сѣна у насъ не то, что товарищамъ, а и конямъ не хватаетъ.

— Ахъ, ты чортъ. . . Ну, я сейчасъ. . .

Начмилъ нырнулъ въ Никитинскую избу и вынырнулъ съ тулупомъ Кучерявенки.

— Вотъ на это садитесь. Такъ будетъ мягче.

— Слушай, — запротестовалъ было Кучерявенко, — а мнѣ по району ѣхать.

— Ничего, не подохнешь. Ну, прощевайте, товарищъ Солоневичъ. . . Заглядывайте еще. . .

Телѣжка тронулась. . .

* * *

Я мелькомъ оглядѣлъ Касьяныча. Могучія плечи, истощенное лицо. Единственный глазъ дѣйствительно „на сажень скрозь землю видитъ". Я вспомнилъ слова доктора: „государственнаго ума мужикъ". Да, это похоже, что „государственнаго ума". По тому, какъ онъ быстро ощупалъ меня своимъ единственнымъ глазомъ, я почувствовалъ, что этотъ, пожалуй, сможетъ докопаться до того, до чего не только активисты, а и докторъ не докопался. Но Касьянычъ никакого видимаго вниманія ко мнѣ больше не проявилъ. Казалось, что вопросъ о моемъ „соціальномъ положеніи" его вовсе не интересуетъ: мало ли какую обслѣдовательную рвань возилъ онъ туда и сюда. Но меня-то Касьянычъ интересовалъ. И не только изъ празднаго любопытства.

Выѣхали за околицу. Я досталъ папиросы и протянулъ коробку Касьянычу. Касьянычъ полѣзъ въ нее своими чугунными пальцами. Я сталъ чиркать спичку за спичкой. Спички, будучи совѣтскими, но не экспортными, конечно, не зажигались.

— Этакъ всю коробку спалишь. Погоди.

Касьянычъ досталъ кремень и огниво.

— Да, папироска, можно сказать, царскаго времени. . . Легка только. Нашему брату — махорки бы . . Да вотъ — не достать. . .

Докуривъ папиросу, Касьянычъ внимательно посмотрѣлъ на ея мундштукъ и прочелъ: „Сѣверная Пальми-ра". Что это? Никакъ совѣтскія? Безъ ятя пишется...

— Совѣтскія.

— Ишь ты... И папиросы дѣлать научились... Такъ пойдетъ — лѣтъ черезъ сотъ пять и землю пахать научатся...

— А теперь не умѣютъ?

Касьянычъ пожалъ плечами.

— А ты возьми глаза въ руки. Кругомъ погляди...

Глядѣть, въ сущности, было не на что. Знакомая картина. Тянулись жидкія жнива. Сквозь нихъ, несмотря на осень, пробивались могучія заросли бурьяна. Не разобрать: то ли это давно заброшенный пустырь, то ли колхозное поле.

— Научились, — саркастически сказалъ Касьянычъ. — Эти научатся... Держи карманъ шире, да брюхо подтягивай. — Онъ помолчалъ. — А самъ-то откуда будешь? Изъ Воронежа?

— Нѣтъ, изъ Москвы.

— Ревизовать пріѣхалъ. Или инструктировать?

— Нѣтъ, по писательской части.

Касьянычъ замолчалъ угрюмо и неодобрительно.

— А ты слыхалъ, Касьянычъ, тутъ вашего сосѣдняго предколхоза убили.

— Федосевича? Слыхалъ, разговоръ такой былъ. Только не знаю — правда ли...

— Правда...

Помолчали.

— А Вавиловыхъ ты знаешь?

— Вавиловыхъ, — переспросилъ Касьянычъ совершенно равнодушнымъ тономъ, только руки его какъ-то тревожно сжали возжи. — Вавиловыхъ? Какъ же не знать. Знаю...

Мы опять помолчали. Потомъ Касьянычъ безпокойно заерзалъ:

— Что-то заднее колесо хлябаетъ.

Соскочилъ съ телѣжки и нагнулся къ заднему колесу.

— Такъ и есть, вотъ сволочи... Чуть не доглядишь — и вотъ тебѣ: чеки нѣту. Не доѣдемъ мы съ

тобой до станціи. Вотъ оказія. И чѣмъ бы тутъ заткнуть, замѣсто чеки? — Касьянычъ поковырялся въ телѣжкѣ, но ничего тамъ не нашелъ.

— Придется, братъ ты мой, на хуторокъ тутъ одинъ сбѣгать... Недалече. А ты тутъ посиди — чего коня зря гонять. Да и чеки нѣту, колесо свалится. Вотъ такъ оказія, мать твою...

Я съ полнымъ равнодушіемъ посмотрѣлъ на Касьяныча.

— Ну, что-жъ. Если надо — шпарь... Только если ты это насчетъ Вавиловыхъ, то пока не стоитъ...

Я внимательно смотрѣлъ на Касьяныча, но въ его лицѣ не дрогнулъ ни одинъ мускулъ. Онъ весь казался погруженнымъ въ размышленія насчетъ чеки. Потомъ онъ медленно поднялъ свой единственный глазъ и такого глаза, пронизывающаго и проникающаго, я ни въ одной чрезвычайкѣ еще не видалъ. Касьянычъ неторопливо вынулъ изъ кармана ту самую чеку, которую онъ минуту тому назадъ вытащилъ изъ оси, легко, какъ коробку, приподнялъ одной рукой телѣжку (вмѣстѣ со мною), подправилъ колесо, вставилъ чеку. Телѣжка снова покатилась...

— Ежели я тебя спрошу, что ты за человѣкъ такой, такъ ты мнѣ все равно не скажешь... Значитъ, и спрашивать нечего, — вполнѣ послѣдовательно заключилъ Касьянычъ. — Одначе, чего бы тебѣ врать насчетъ Вавиловыхъ. Такъ, значитъ, — не къ сроку?..

— Не къ сроку. А черезъ недѣльку-двѣ пусть смываются... Да и ты не засиживайся...

— Н-да, — сказалъ Касьянычъ, — вотъ тебѣ и жизнь.

Верстъ десять мы ѣхали молча. Я думалъ объ этихъ засоренныхъ, опустошенныхъ степяхъ, постепенно возвращающихся въ „первобытное состояніе", объ активистскихъ печенѣгахъ, рыскающихъ съ наганами и высматривающихъ мужицкое добро и мужицкія спины, о вымирающей мужицкой силѣ. Касьянычъ, вѣроятно, думалъ о томъ же, можетъ быть, только въ другихъ образахъ и терминахъ.

— Такъ, говоришь, писатель? — прервалъ наше молчаніе Касьянычъ. — Россію описываешь?

— Описываю. . .

— Ну, описывай, описывай. Поторапливайся только. Еще лѣтъ этакъ десятокъ — и описывать нечего будетъ.

— Что-жъ? Всѣ перемрутъ?

— И очень просто. Ты вотъ посмотри — вотъ тамъ пригорочекъ. Помѣщикъ тамъ стоялъ. Ну, отъ экономіи, самъ видишь—ни кола, ни двора. А это поле евонное было. Хлѣба—во какіе стояли. Сто двадцать—сто пятьдесятъ пудовъ съ десятины брали. . . Ну, потомъ хуторяне развелись. И отъ хуторовъ — ни кола, ни двора. И отъ хуторянъ — тоже. Сады разводили. И урожаи были. . . А теперь погляди — развѣ это поле? Гдѣ пятнадцать пудовъ сняли, гдѣ пять, а гдѣ и вовсе ничего.

— Какъ — ничего?

— А такъ. Ничего — и конченъ разговоръ. Сверхранній сѣвъ, мать ихъ. . . Къ веснѣ мужики уже траву изъ-подъ снѣга выкапывали и ѣли. А въ сѣвъ этотъ тыщи двѣ зерна ухлопали. Подъ револьверами сѣяли. . . Представленіе, да и только. Идетъ мужикъ по бороздѣ— бригадами всѣ сѣяли, въ шеренгу,— а зерно изъ кошеля, да въ ротъ. А начальство: а ну, что у тебя во ртѣ, сукинъ сынъ, а ну, открой ротъ. . . Земля мерзлая, не забороновать, такъ и пропало зерно: что галки поклевали, а что такъ замокло. . . Двѣ тыщи пудовъ. . . Мать твою. . . А весной народъ уже подъ метелку дохъ. Я потомъ къ нашему агроному на МТС. Что ты, говорю, сукинъ сынъ, надумалъ? Ты, говорю, вредитель, контръ-революціонеръ, къ стѣнкѣ тебя. Ты, говорю, у мужиковъ здѣшнихъ спроси, кода сѣять и когда жать. . . Ну, онъ мнѣ въ носъ бумажку изъ района: провести, дескать, сверхранній сѣвъ на четыреста десятинъ, въ порядкѣ боевого заданія, подъ личную отвѣтственность. . . Ну, и провели. Думаешь, помогло? Не помогло. Вышелъ еще приказъ — салатъ сѣять, сдался имъ салатъ, когда хлѣба нѣту, подъ салатъ землю надо унаваживать. А навозу-то у насъ и такъ, какъ котъ наплакалъ — скотина передохла. . . Которую и такъ — порѣзали. Ну, отъ салата нашъ агрономъ какъ-то тамъ откручивался, такъ его за жабры и въ подвалъ. Только его и видѣли. . .

Мы проѣзжали мимо пригорочка. Дѣйствительно, и отъ экономіи и отъ хутора — ни кола, ни двора.

— Такъ вотъ ты подумай: былъ, значитъ, помѣщикъ. Потомъ хуторяне развелись. Потомъ хуторянъ выперли, коммуну какутось развели. Набрали дармоѣдовъ, кормили, поили, мануфактуру давали. Лопнула и коммуна. Конскій совхозъ, заводъ, то-есть, завели. Со всей губерніи, гдѣ породистые кони были, всѣхъ сюда пособирали, тутъ и я съ годъ времени работалъ. Нагнали коней, а кормовъ нѣту. Передохли, почитай, всѣ кони, вотъ только что въ моей конюшнѣ остались, самъ ужъ выходилъ. Теперь земля, вишь, совсѣмъ пустая стоитъ, глянь, — Касьянычъ обвелъ кругомъ широкій полукругъ. — Нашему колхозу предлагали: милостивцы... А чѣмъ пахать будемъ? Тракторами твоими. . .

— Почему моими?

— А чьи-жъ они? Вотъ они, родименькіе, стоятъ — сейчасъ доѣдемъ. . . Станъ тутъ МТС-овскій стоялъ. . . Вотъ погляди. . .

Десятка два тракторовъ стояли подъ разрушеннымъ соломеннымъ навѣсомъ. „Ихъ моютъ дожди, засыпаетъ ихъ пыль". Проржавленные бока открыты всѣмъ непогодамъ. . .

— Ты подумай, сколько тутъ денегъ-то убухано. . . Стоятъ, родимые, стоятъ. Все имъ чего-то не хватаетъ. То частей, то свѣчей, то горючаго, то, чортъ его знаетъ, чего еще. . . День поработаютъ, мѣсяцъ постоятъ. . . Да. . . А съ мужика послѣднее дерутъ, шкуру сымаютъ, заводы тракторные строятъ. Тутъ студенты изъ Москвы пріѣзжали. Говорили, что главный контръ-революціонеръ, главный вредитель — самый Сталинъ-то и есть. Онъ, дескать, спеціально такъ и гнетъ. Ну, можетъ, и врутъ... Однако, если подумать, такъ похоже...

Мы снова помолчали. . .

— Да, — сказалъ Касьянычъ глухо. — Пропала наша Рассеюшка. . . Пропалъ мужикъ — пропала и Рассея. Развѣ-жъ можно такъ мужика зорить. Это какъ изъ коня хребетъ вынуть—одна конина и останется. . . Вотъ ты, говоришь, писатель. Такъ ты про мужика, братъ, на-

пиши. Чтобы мужику работать давали. Что-бъ рукъ не вязали. . . Ты мнѣ, братъ, работать дай, — тутъ голосъ Касьяныча оживился, — ты мнѣ работать дай, такъ и я буду сытъ, и ты будешь сытъ, и Москву накормлю, и заграничному пролетарiю хлѣба останется. А такъ — что? Связали мужика, ограбили, поставили надъ нимъ хулигановъ съ револьверами — и ни имъ хлѣба, ни намъ хлѣба — никому. . . Нѣтъ, ты, братъ, про это напиши. . . А то, что? Читаешь газету — съ души воротитъ. . . Ну, я знаю, и ты крѣпостнымъ сталъ, всего не напишешь. .. Знаю. А ты какъ-нибудь — сторонкой. Развѣ-жъ это жизнь? . . Мужика разстрѣливаютъ, мужикъ кого попадя рѣжетъ. . . Вотъ этого нашего Шубейкова подстрѣлили. А что онъ? Дуракъ и болѣ ничего. Куриному Богу подпрапорщикъ. . . А вотъ прiѣхалъ, дуракъ, съ револьверомъ, командуетъ, людей къ стѣнкѣ ставитъ. . . Былъ бы онъ моимъ сыномъ, я бы ему салазки загнулъ бы, спустилъ бы портки, да всыпалъ бы—такъ онъ бы мнѣ не покомандовалъ. А такъ — что? Народу нагубилъ, да и самъ на тотъ свѣтъ отправляется. . . Нѣтъ, ты напиши. . . Ты думаешь, зачѣмъ я тебѣ это говорю? Ты думаешь, я не знаю — можетъ, ты изъ чеки какой, а что про Вавилова, такъ только такъ, для замороку глазъ. Такъ за мои съ тобой разговоры — меня да на тотъ свѣтъ. . . Ну, конечно, того свѣта я не очень что-бъ боялся. . . Хуже этого не будетъ. А все-таки надѣя есть, можетъ доживу. . . Да. . . дожить бы. . . Я бы. . . посмотрѣлъ.

Голосъ Касьяныча вздрогнулъ безпредѣльной, сжатой подъ чудовищнымъ давленiемъ, смертельной ненавистью. Онъ понялъ, что этого показывать нельзя, и замолчалъ. Я подумалъ о томъ, что с м о т р ѣ т ь Касьянычъ не сталъ бы. Конечно, можетъ быть, гласъ народа — гласъ Божiй и судъ народа — тоже будетъ Божьимъ судомъ. . . Однако, при мысли о десяткахъ миллiоновъ вотъ этакихъ Касьянычей, которые когда-то будутъ,—конечно, они б у д у т ъ — творить свой судъ и свою расправу, на душѣ стало нехорошо. Страшная это будетъ расправа. . . Едва ли мiръ такую видалъ. . . Пронеси, Господи. . .

Я протянулъ Касьянычу папиросы. Касьянычъ, молча дѣлая какія-то судорожныя глотательныя движенія, взялъ папиросу, досталъ опять свое огниво и, видимо, справившись съ собой, выкресалъ огонь и сказалъ спокойно:

— Такъ оно способнѣе. Сказываютъ, въ старое время люди и топоры изъ камня дѣлали. Вотъ такъ и мы скоро будемъ дѣлать. . . Эти совѣтскіе топоры — такъ они объ сосну ломаются. Н-да. . . А смываться куда-нибудь надо. . . Куда-нибудь на вольныя земли. Сказываютъ, въ Перми и въ Сибири такія земли есть. . .

Касьянычъ посмотрѣлъ на меня въ упоръ.

— Вотъ ты — образованный. . . Такъ мнѣ скажи: есть такія земли, или зря люди говорятъ? . .

Я прочелъ ему маленькую и весьма неопредѣленную лекцію преимущественно о пограничныхъ районахъ востока.

— Гмъ. . . Персія, говоришь. . . Асхабадъ (объ Асхабадѣ я, кстати, ничего не говорилъ). Знаю эти мѣста... Бывалъ. Только тогда Персія безъ никакаго интересу была. Своя земля была, свое отечество было. . .

— А теперь отечества нѣту?

— Кому есть, а кому и нѣтъ. Мужику ужъ лучше подъ персомъ быть. Или подъ японцемъ. Плохо, говоришь? Можетъ, и плохо. А, знаешь, какъ ни плохо жить, а помирать все-таки еще хуже. . .

Я молчалъ. Мы подъѣзжали къ станціи. Нѣкто въ рваномъ, исполнявшій какія-то, видимо весьма, универсальныя обязанности на станціи, яростно огрызнулся на меня.

— Поѣздъ? Хрѣнъ его знаетъ, когда будетъ поѣздъ. Опять крушеніе. Чтобы ихъ. . . Насадили тутъ всякую сволоту на нашу шею. А потомъ — подъ судъ иди. . . У-у. . . мать ихъ. . . Что-бъ ихъ всѣхъ всѣми холерами передушило. . .

Нѣкто въ рваномъ повернулся и ушелъ. Итакъ, поѣздъ откладывался въ неопредѣленность. Ѣхать назадъ, къ начмилу и иже съ ними? Я рѣшилъ остаться ночевать гдѣ-нибудь на станціи—куда-нибудь приткнусь.

Я вернулся къ телѣжкѣ. Касьянычъ старательно вытиралъ коня клокомъ сѣна. Я досталъ червонецъ и протянулъ ему. Касьянычъ помоталъ бородой.

— Нѣтъ, это, братъ, ни къ чему. Не возьму я твоихъ денегъ. . . А за Вавилова — спасибо. . . Конечно, что Вавиловъ? . . Тутъ милліоны. . . А вотъ ты, ежели ты человѣкъ, какъ человѣкъ, напиши, братъ. Хоть стороночкой. Напиши. Что-бъ дохнуть дали. Вѣришь, какъ передъ Истиннымъ, — борода Касьяныча задрожала, — какъ передъ Истиннымъ — нѣту никакой мочи. Никакой. . . Напишешь?

Я сказалъ:

— Напишу:

Касьянычъ стремительно схватилъ мою руку своей шершавой чугунной ладонью и долго трясъ.

— Ну, смотри, братъ, напиши. . . Не обмани. . . Ужъ и такъ — обманывали, обманывали. . . — Голосъ Касьяныча прервался. Онъ круто повернулъ и отошелъ къ телѣжкѣ.

Я не обманулъ Касьяныча. Но для того, чтобы не обмануть его, мнѣ пришлось пройти черезъ годъ концентраціоннаго лагеря, полтораста верстъ карельской тайги и совѣтскую границу.

Вотъ я и пишу. . .

— ОГЛАВЛЕНІЕ —